

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 1(3) (091)

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В УЧЕНИИ Т. ГОББСА И ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Ф.А. Вестов

Саратовский государственный университет,
E-mail: jurid@info.sgu.ru

В статье рассматриваются вопросы формирования политико-правовых представлений о государственной власти в зависимости от социального положения ученого или той части общества, интересы которого он представляет. Сделана попытка показать некоторые представления о государственной власти в период развития буржуазного общества.

Ключевые слова: Политика, право, государство, власть, правовое государство

Politiko-Legal Aspects of a Lawful State in T. Gobbs's Doctrine and its Followers about the Government

F.A. Vestov

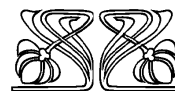
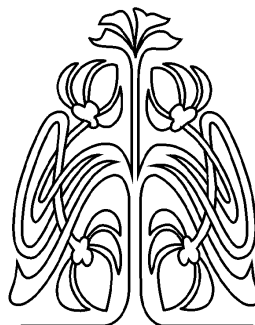
In article questions of formation of politiko-legal representations on the government depending on a social status of the scientist or that part of a society which interests it are considered represents. Attempt to define some representations about the government in development of a bourgeois society is made.

Key words: Policy, the right, the state, the power, a lawful state

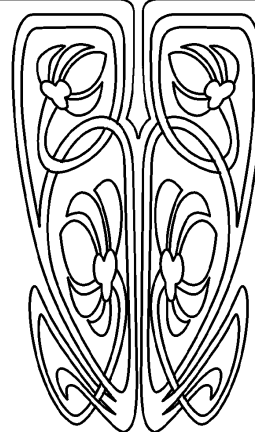
Подходы к государственной власти та же неоднозначны, как и подходы к власти вообще. Многие мыслители на протяжении длительного времени пытались решить проблему государственной власти. Так, Ф. Бэкон создал концепцию государственной власти, исходным импульсом которой стала гуманистическая идея могущественного и просвещенного правителя как гаранта поддержания здоровья в политическом теле, каким представлялось Ф. Бэкону государство. Переведенная на язык политических трактатов, эта идея превращалась в идею сотрудничества королевской власти с советом¹. Он был категорически настроен против всего, что могло угрожать государственному могуществу – сепаратизм феодальной знати, народные восстания или религиозные распри. И напротив, что, по его мнению, могло упрочить государственное могущество, находило в его лице решительного сторонника².

Идею Ф. Бэкона попытался развить Т. Гоббс в своем важнейшем труде «Левиафан»³. Эта работа состоит из четырех частей. В первой части излагается учение о человеке. Вторая – посвящена происхождению и сущности государства. Третья и четвертая части книги содержат критику притязаний церкви на власть и самостоятельность по отношению к государству.

Т. Гоббс понимает государство как инструмент для достижения мира и безопасности. Его цель он видит в обеспечении безопасности⁴. «Государство, – пишет он, – есть единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем, чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты»⁵. Такой вывод он делает исходя из следующих соображений. Люди от природы «любят свободу и господство над другими».

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Между тем, забота человека «о самосохранении и о более благоприятной жизни, т.е. о безопасности, заставляет их накладывать на себя узы, живя в государстве. Им необходимо прийти к согласию, которое строится на соглашениях и общей власти (соглашение без власти, без меча – лишь слова, которые не в силах гарантировать человеку безопасность). Общая власть способна защищать людей от вторжений чужеземцев и от несправедливостей, причиняемых друг другу. Но для этого она должна быть единой, сосредоточенной в руках одного субъекта (индивидуального или коллективного). Единство власти заключается не только в том, что она персонифицируется в едином субъекте, но и в том, что общая власть как бы учреждается каждым человеком»⁶. «Иначе говоря, для установления общей власти необходимо, чтобы люди назначили одного человека или собрание людей, которые явились бы их представителями; чтобы каждый человек считал себя доверителем в отношении всего, что носитель общего лица будет делать сам или заставит делать других в целях сохранения общего мира и безопасности, и признал себя ответственным за это; чтобы каждый подчинил свою волю и суждение воле и суждению носителя общего лица. Это больше чем согласие или единодушие. Это реальное единство, воплощенное в одном лице посредством соглашения, заключенного каждым человеком с каждым другим таким образом, как если бы каждый человек сказал другому: я уполномочиваю этого человека или это собрание лиц и передаю ему мое право управлять собой при том условии, что ты таким же образом передашь ему свое право и санкционируешь все его действия. Если это совершилось, то множество людей, объединенное таким образом в одном лице, называется государством»⁷.

Для достижения верховной власти Т. Гоббс видит два пути. «Один – это физическая сила, например, когда кто-нибудь заставляет своих детей подчиниться своей власти под угрозой погубить их в случае отказа или когда путем войны подчиняют своей воле врагов, даруя им на этом условии жизнь. Второй – это добровольное соглашение людей подчиниться человеку или собранию людей в надежде, что этот человек или это собрание сумеет защитить их против всех других. Такое государство может быть названо политическим государством, или государством, основанным на установлении, а государство, основанное первым путем – государством, основанным на приобретении»⁸.

Как замечает Л.В. Зотова, «в истории политической мысли Гоббс, наряду с Локком и Руссо, является представителем так называемой договорной теории происхождения государства». Тем не менее, «у Гоббса мы не найдем напрямую словосочетания «договорная теория происхождения государства», но вместе с тем эту теорию он развивает, когда говорит о «договоре по согласованию»⁹.

Употребляя термин «политическое государство», или «государство, основанное на установлении», Т. Гоббс начинает разговор о правах, образующих сущность верховной власти и одновременно являющихся ее признаками. Он представляет двенадцать установлений, являющихся признаками верховной власти в политическом государстве. Так, во-первых, размышляет Т. Гоббс, в таком государстве «подданные не могут изменять форму правления». Он объясняет это следующим образом. «Так как народ заключает соглашение, то следует» понимать, «что он не обязался каким-либо предыдущим соглашением к чему-нибудь противоречащему данному соглашению. Следовательно, те, кто уже установил государство и таким образом обязался соглашением признавать как свои действия и суждения одного, неправомерны без его разрешения заключать между собой новое соглашение, в силу которого они были бы обязаны подчиняться в чем-либо другому человеку»¹⁰.

Во-вторых, по словам Т. Гоббса, в политическом государстве «верховная власть не может быть потеряна» в силу следующих причин. Поскольку, указывает Т. Гоббс, «право представлять всех участвовавших в соглашении дано тому, кого делают сувереном путем соглашения, заключенного лишь друг с другом, а не сувереном с кем-нибудь из участников, то не может иметь место нарушение соглашения со стороны суверена, и, следовательно, никто из его подданных не может быть освобожден от подданства под предлогом того, что суверен нарушил какие-либо обязательства. Что тот, кто стал сувереном, не заключает предварительного соглашения со своими подданными – очевидно, ибо он должен был бы заключить соглашение или со всеми (multitude) как одной стороной соглашения или же несколько соглашений с каждым человеком в отдельности». В этом месте Т. Гоббс делает оговорку: «Однако заключить соглашение со всеми людьми как единым целым невозможно», поскольку «до установления государства они не являются единым лицом, а если он заключил много отдельных соглашений соответственно числу людей, то эти соглашения по приобретении им верховной власти становятся недействительными, ибо любое действие, на которое какой-нибудь представитель этой толпы может указать как на нарушение договора, является действием суверена и всех остальных, так как оно совершено от лица и по праву каждого из них в отдельности. Кроме того, если суверен нарушил договор, заключенный им при установлении государства», то «... каждый человек... получает право защищать себя собственной физической силой...». Это противоречит цели, поставленной людьми при установлении государства, а потому тщетна будет «попытка предоставить кому-либо верховную власть на основе предварительного соглашения... Соглашения являются лишь словами и сотрясанием воздуха и обладают силой обязать, сдерживать, ограничить и защитить человека

лишь постольку, поскольку им приходит на помощь меч государства». Но, замечает Т. Гоббс, в случае, «когда собрание людей стало сувереном, тогда ведь никто не воображает, что такого рода соглашение могло иметь место при этом установлении...»¹¹.

Кратко говоря, «заклучая договор, каждый человек заключает его друг с другом, а не с сувереном, поэтому не может иметь место нарушение соглашения со стороны суверена и, следовательно, никто из его подданных не может быть освобожден от подданства под предлогом того, что суверен нарушил какие-либо свои обязательства. Ведь очевидно, что тот, кто стал сувереном, не заключал предварительного соглашения со всеми своими подданными»¹².

В-третьих, пишет Т. Гоббс, «никто не может, не нарушая справедливости, протестовать против установления суверена, провозглашенного большинством». Поскольку, пишет Т. Гоббс, «большинство согласным голосованием объявило кого-нибудь сувереном, то несогласный с этим постановлением должен по выяснении указанного результата... согласиться с остальными...». Несогласный должен «признавать все действия, которые будут совершены сувереном...». В противном случае «он нарушает свой договор и поступает несправедливо»¹³.

В-четвертых, рассуждает далее Т. Гоббс, «подданные не могут осуждать действия суверена». Это установление Т. Гоббса приводит к тому, что «каждый подданный является ответственным за все действия и суждения установленного суверена». Отсюда, «что бы последний ни делал, не может быть неправомерным актом по отношению к кому-либо из его подданных, и он не должен быть кем-либо из них обвинен в несправедливости»¹⁴.

Пятое установление – «любой суверен наказуем подданным», Т. Гоббс представляет как вывод из четвертого установления. То есть, исходя из четвертого установления, «ни один человек, облеченный верховной властью, не может быть по праву казнен или как-нибудь иначе наказан кем-либо из своих подданных. Ибо каждый подданный, как мы видели, является ответственным за действия своего суверена. Следовательно, наказывая суверена, подданный наказывает другого за действия, совершенные им самим»¹⁵.

Шестое установление – «суверен – судья в вопросах о том, что необходимо для мира и защиты своих подданных», Т. Гоббс объясняет тем, что «в компетенцию верховной власти входит быть судьей в отношении того, какие мнения и учения препятствуют и какие содействуют водворению мира, и, следовательно, в каких случаях, в каких рамках и каким людям может быть предоставлено право обращаться к народной массе и кто должен расследовать доктрины всех книг, прежде чем они будут опубликованы. Ибо действия людей обусловлены их мнениями, и в хорошем управлении мнениями состоит хорошее управление

действиями с целью водворения среди них мира и согласия»¹⁶.

Седьмое установление Т. Гоббса гласит: «Право предписывать подданным правила, с помощью которых каждый из них столь хорошо знает, что именно является его собственностью, что уже никто другой не может, не нарушив справедливости, отнять ее у него»¹⁷. «К верховной власти, – поясняет это установление Т. Гоббс, – относится вся власть предписывать правила, указывающие каждому человеку, какими благами он может пользоваться и какие действия он может предпринять, не оказываясь стесненным в этом отношении кем-либо из своих сограждан. И именно это люди называют собственностью»¹⁸.

Согласно восьмому установлению, «суверену также принадлежат судебная власть и право решать споры». Поскольку, указывает Т. Гоббс, «составной частью верховной власти является право юрисдикции, т. е. право рассмотрения и решения всех споров, могущих возникнуть относительно закона, как гражданского, так и естественного, или относительно того или иного факта», то «без решения споров не может быть защиты подданного от обид со стороны другого. Без такого решения споров законы «...остаются пустыми звуками...», и за всяким человеком в силу его естественного и необходимого стремления к самосохранению остается право защищаться собственной физической силой, т. е. остается состояние войны, противоречащее той цели, ради которой установлено каждое государство»¹⁹.

В девятом установлении Т. Гоббс наделяет верховную власть правом «объявления войны и заключения мира в зависимости от того», что она «найдет более полезным», т. е. правом «судить о том, что требуется в данный момент в интересах общего блага и какие силы должны быть для данной цели собраны, вооружены и оплачены, а также какая сумма должна быть собрана с подданных для покрытия расходов». По Т. Гоббсу, «гарантию защиты доставляют каждому народу его вооруженные силы, а сила армии состоит в объединении ее сил под единым командованием, которое поэтому принадлежит суверену, ибо одно право командования над вооруженными силами без всякого другого установления делает того, кто обладает этим правом, сувереном». Поэтому, «кто бы ни был генералом армии, лицо, обладающее верховной властью, всегда является генералиссимусом (generalissimo)»²⁰.

В соответствии с десятым установлением, верховная власть имеет право «выбора всех советников и министров, как гражданских, так и военных». Поскольку целью учреждения верховной власти является осуществление общего мира и защиты, то, по Т. Гоббсу, «суверен должен обладать властью использовать те средства, которые он сочтет наиболее подходящими для этого»²¹.

Одиннадцатое установление дает право суверену «наградить и наказывать той мерой, какую

он сам сочтет разумной (если более ранний закон ее не определил)». Иначе говоря, Т. Гоббс считает, что верховная власть должна обладать правом награждать богатством и почестями, а также накладывать телесные и денежные наказания, наказание бесчестьем, на всякого подданного в соответствии с ранее изданным сувереном законом. В случае отсутствия такого закона, суверен может награждать и наказывать по своему усмотрению, но с целью поощрения людей к служению государству либо удержания их от нанесения вреда этому государству²².

К последнему (двенадцатому) признаку верховной власти в политическом государстве Т. Гоббс относит «право установления почетных титулов и табели о рангах». «Принимая во внимание, – пишет Т. Гоббс, – какую цену люди от природы склонны придавать самим себе, какого уважения они требуют от других и как мало они ценят остальных людей и что из всего этого непрерывно проистекают среди них соперничество, раздоры, заговоры и, наконец, война, ведущая к их взаимному истреблению и к ослаблению их сопротивления общему врагу, необходимо, чтобы существовали законы о почестях и установленная государством градация ценности людей, оказавших или способных оказать услугу государству, и чтобы тот или другой человек был облечен властью претворить эти законы в жизнь». Т. Гоббс, исходя из предыдущих установлений, считает, что именно верховной власти должно принадлежать право раздавать почетные титулы, устанавливая градацию ценности людей, оказавших или способных оказать услугу государству²³.

Таким образом, двенадцать указанных установлений образуют сущность верховной власти в политическом государстве и являются признаками, «по которым человек может определить того человека или то собрание людей, которые облечены верховной властью. ... Эти права непередаваемы и неделимы»²⁴.

Проводившаяся Т. Гоббсом идея всемогущей и нераздельной государственной власти отражала потребности буржуазии в период генезиса капиталистического общества. Когда последнее выработало свой экономический механизм и стало функционировать в силу имманентных законов, буржуазные отношения перестали нуждаться в государственных подпорках. Либеральный лозунг *laissez faire* стал отводить государству роль «ночного сторожа», обеспечивающего лишь внешний полицейский порядок. В парламентаризме была найдена альтернатива той грубой форме осуществления буржуазной диктатуры, которую рекомендовал Т. Гоббс²⁵. Как отмечал Ф. Энгельс, «Гоббс

был первым современным материалистом (в духе XVIII века), но он жил в то время, когда абсолютная монархия во всей Европе переживала период своего расцвета, а в Англии вступила в борьбу с народом, и был сторонником абсолютизма»²⁶.

Доктрина Т. Гоббса отражала представление о государственной власти в условиях нового, буржуазного государства. Автор выступал за единую централизованную власть буржуазных сил. Абсолютная монархия, которую он предпочитал другим формам правления, была, по его мысли, наилучшим средством обеспечения интересов граждан и других благ, связанных с общественной жизнью²⁷.

Примечания

- 1 См.: Карев В.М. Фрэнсис Бэкон: Политическая биография // Новая и новейшая история, 1980. № 3–4.
- 2 Там же.
- 3 См.: Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1991. Т. 2.
- 4 Там же. С. 128.
- 5 Там же. С. 132.
- 6 Зотова Л.В. Безопасность народа и государства как главная политическая ценность в учении Томаса Гоббса // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. – Сер. Политология. 2003. № 4. С. 58–59.
- 7 Гоббс Т. Указ. соч. С. 131–132.
- 8 Там же. С. 132.
- 9 Зотова Л.В. Указ. соч. С. 59.
- 10 Гоббс Т. Указ. соч. С. 133.
- 11 Там же С. 134–135.
- 12 Зотова Л.В. Указ. соч. С. 59.
- 13 Гоббс Т. Указ. соч. С. 135–136.
- 14 Там же. 136.
- 15 Там же.
- 16 Там же. С. 137.
- 17 Там же.
- 18 Там же. С. 138.
- 19 Там же.
- 20 Там же. С. 138–139.
- 21 Там же. С. 139.
- 22 Там же.
- 23 Там же.
- 24 Там же. С. 140.
- 25 См.: Сатышев В.Е. Учение Т. Гоббса о государстве и праве // Правоведение. 1979. № 5. С. 56–57.
- 26 Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: В 50 т. 2-е изд. М., 1950–1981. Т. 37. С. 419.
- 27 См.: Сатышев В.Е. Указ. соч. С. 51.

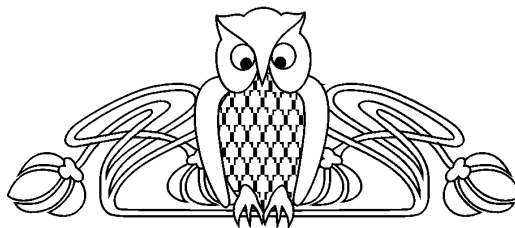

УДК 316.4(470+571)

СОЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РОССИИ

В.А. Викулов

Поволжская академия государственной службы,
E-mail: Vikulov-am@mail.ru

В статье рассматриваются миграционные процессы, происходящие в России, взаимоотношения мигрантов и коренного населения. Даются прогнозы на управление миграционными процессами и их роль в дальнейшем развитии российского государства.

Ключевые слова: миграция, мигранты, миграционные процессы, социологические исследования, иммиграция.

Social Dimension of Migration Processes in Russia

V.A. Vikulov

In the article the migration processes, taking place in Russia, and the relationship between migrants and indigenous population are considered. The author makes prognosis concerning the migration process management and their role in the further Russia State development.

Key words: migration, migrants, migration process, social research, immigrants.

В последние годы в Российской Федерации протекают интенсивные миграционные процессы. Из районов Крайнего Севера и Дальнего Востока происходит отток населения; в южные и центральные регионы, кроме внутренних мигрантов, продолжают пребывать беженцы из бывших союзных республик¹.

Современные выражения «понаехали тут» и «понаоставались» стали именами нарицательными для всех граждан не российского происхождения.

Как показывают проведенные опросы, коренные жители российских городов не различают понятия «мигранты» и «приезжие». К первым относят, как правило, прежде всего граждан бывших стран СНГ или выходцев с Северного Кавказа. Вторыми могут быть не только жители соседних регионов, но и даже дальние родственники².

Проведенные социологические опросы показали, что на заданный вопрос «Где чаще всего можно встретить «мигрантов»?», респонденты ответили следующим образом: на рынках – 77%, на улицах, в транспорте, в магазинах и других общественных местах – 68%. И, как правило, опрошенные радости от этих встреч практически не испытывают. Часто в ответах звучало: «Их видишь всюду. Просто надоели». Причем жителям особенно крупных городов кажется, что в их населенных пунктах мигрантов «очень много» или «много». Например, по ответам респондентов такого промышленного города, как Самара, мигрантов 1 млн человек. Причем население г. Самары составляет

около 1,1 млн человек. Если экстраполировать результаты по Российской Федерации, то в настоящее время, по мнению респондентов, у нас насчитывается около 35 миллионов мигрантов, т.е. на порядок больше, чем в действительности.

Как правило, негативное общественное мнение по отношению к мигрантам формируется в местах массового скопления населения. Это могут быть рынки и базары, общественный транспорт. Сюда же можно отнести массовую культуру, безответственные выступления отдельных публичных персон, средства массовой информации и т.д. Аналогичное явление возникает и на бытовом уровне. Даже россияне, но выходцев с Северного Кавказа не желают видеть среди соседей 48% респондентов.

Справедливо выражение, что обыватель не различает национальности соседей. Если раньше именем нарицательным было пресловутое «лицо кавказской национальности», то сейчас в ходу собирательный образ «таджика», т.е. мигранта из южной или азиатской страны, говорящего на непонятном языке, имеющего характерный облик и т.д. Основной причиной такого отношения является то, что в нашем сознании укоренилось понятие, что если мигрант, значит чужой. А обыватели чужих не любят. Более 45% опрошенных высказали мнение, что Россия не нуждается ни в иммигрантах, ни в трудовых мигрантах. Хотя были и другие мнения: 17% опрошенных говорили, что «стране нужны и те, и другие мигранты», 19% полагали, что «нашей стране нужны только те мигранты, которые хотят остаться здесь жить навсегда», еще 19% – что «стране нужны только те мигранты, которые приезжают на заработки и не собираются здесь жить постоянно». Таково мнение части опрошенных российских граждан.

И что интересно, сами мигранты, как это ни удивительно, настроены гораздо спокойнее. Большинство из них считают, что местное население относится к ним вполне благодушно. Тем из них, кто связывает свое будущее и будущее своих детей с Россией, она, по их словам, очень нужна. Основная причина, заставившая население стать мигрантами, – сложность проживания в своем государстве в бытовом плане. Часть мигрантов тронулись в путь, потому что не хотели мириться с тем, что на их родине процветает клановость, невозможно выбиться в люди и состояться как профессионалу. Все больше мигрантов хотят не

просто приехать в Россию на заработки, а постоянно жить и работать именно здесь. И конечно, руководителям Российской Федерации надо использовать такую возможность и помочь им как можно быстрее акклиматизироваться в новом социуме.

Но разница в культуре и традициях дает о себе знать практически сразу. Часть мигрантов, особенно молодых, едут в Россию не по собственной воле, а по решению семьи, рода, клана. Стремление жить «как в Европе» резко контрастирует с первичным для них патриархальным укладом, когда всю биографию человека изначально планируют старшие, они же диктуют и правила поведения. Таких мигрантов тоже год от года становится больше – для них Россия лишь источник дохода, чтобы кормить семью. Причем по вопросу оплаты труда мигранты сговорчивее местных кадров. Россияне все чаще привлекают мигрантов к работам, которые не хотят делать сами или с помощью местных специалистов.

Основным преимуществом мигрантов является дешевизна их труда. Кроме того, мигранты готовы работать сколько надо. Их легче и быстрее найти и они более дисциплинированы. Такие выводы делают практически все, кто хотел бы задействовать мигрантов в решении бытовых или производственных вопросов, как то: ремонт квартир, домов, дач, строительство, сельхозработы, работа в личном подсобном хозяйстве.

Опыт трудовых контактов с мигрантами серьезно изменяет настроения жителей Российской Федерации, убеждая их, что трудовые мигранты нужны. Тем более, что демографические и социально-экономические проблемы, стоящие перед Россией, делают приток мигрантов неизбежным. По прогнозу Росстата, в ближайшие 10 лет естественная убыль населения в трудоспособном возрасте составит свыше 1 млн человек в год. Поэтому привлечение мигрантов – не выбор, а существенная необходимость³.

Согласно официальным данным Роскомстата, в первом полугодии прошлого года естественная убыль населения Российской Федерации (превышение смертности над рождаемостью) составила 160 тыс. человек. А начиная с 2001 г. население нашей страны уже сократилось на 38 млн. человек (со 145, 65 млн до 141, 8 млн.) или на 2,7%. Ученые утверждают, что нынешняя «демографическая передышка», связанная с ростом уровня жизни и вступлением в детородный возраст от-

носительно многочисленного «поколения 80-х», заканчивается, а до 2020 г. Российская Федерация потеряет еще от 7 до 14 млн. населения. Причем отечественная смертность чрезвычайно молода и имеет отчетливо выраженное «русское лицо». По данным переписей за 1989–2002 гг. доля русских в населении Российской Федерации сократилась с 81,5 до 79,8% (в абсолютных цифрах – почти на 4 млн человек). Запланированная на 2010 год новая Всероссийская перепись населения, согласно прогнозам, сократит долю русских до 77–77,5%. А дальше эти процессы могут вообще пойти по нарастающей. Изменения, происходящие в общественной жизни в последние десятилетия, привели к тому, что самые широкие слои россиян на личностном уровне, помимо реальных экономических потерь, ощутили существенное снижение своего социального статуса, связанного с увеличением количества мигрантов. Поэтому выход видится в комплексном подходе решения возникающих проблем на фоне увеличения миграционного потока. Только запретительными мерами возникающие вопросы не решить. А использование миграционных процессов в дальнейшем развитии социально-экономического потенциала Российской Федерации, только укрепит его национальную стабильность.

Примечания

- 1 См.: Миграция в Россию. Состояние и перспективы // Государственная служба. 2009. № 6. С. 14–16.
- 2 См.: Соловьев И.А. Региональные особенности современных миграционных процессов на юге России // Региональные исследования. 2009. № 4/5(25). С. 54–60.
- 3 См.: Азаров Н.П. Миграционная политика в особых экономических зонах Российской Федерации // Власть. 2009. № 12. С. 127–129; Аносов А.В. Основные направления миграционной политики в Дальневосточном регионе России // Экономика и управление (российский научный журнал). 2009. № 9. С. 26–29; Димаев А.Р. Миграция населения как фактор социальной напряженности в обществе (социологические аспекты) // Социальная политика и социология. 2008. № 3. С. 190–195; Мижущина А.А. Миграционный режим пребывания (проживания) иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации (состояние и перспективы) // Власть. 2009. № 9. С. 104–106; Юдина Т.Н. Миграция: словарь основных терминов: Учеб. пособие. 2007; Рос. газета. 2009. 13 нояб. № 214 (5038). С. 13.

УДК316.334.3(470.44)

ТРАНСПАРЕНТНОСТЬ ВЛАСТИ В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ СРЕЗ

И.А. Бегинина

Саратовский государственный университет
E-mail: BegininalA@info.sgu.ru

На основе результатов социологического исследования рассматривается проблема транспарентности власти с позиций регионального общественного мнения, выявляются уровни потребности населения в открытости власти и модели отношения к ней.

Ключевые слова: транспарентность власти, потребности населения региона в открытости власти, общественное мнение, модели отношения населения к власти.

Authorities Transparency in the Scope of Public Opinion: Regional Aspect

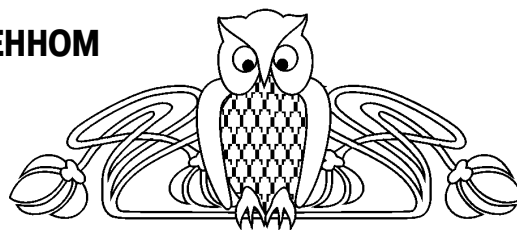
I.A. Beginina

The problem of authorities transparency from the point of view of regional public opinion is studied on the basis of sociological investigation results: the levels of population demands in authorities accessibility and the models of relation with them are presented as well.

Key words: authorities transparency, population demands in authorities accessibility, public opinion, models of relation with authorities.

Будучи неотъемлемой стороной социальной жизни, власть развивается в процессе эволюции человеческого сообщества, приобретая те или иные формы в зависимости от различных этапов исторической эволюции и общественных изменений. С момента образования государства власть существует и в своей политической, публичной форме. Именно это рождает интерес исследователей к проблематике транспарентности власти особенно в периоды серьезных трансформационных изменений.

Транспарентность (прозрачность) власти можно рассматривать как один из важнейших механизмов развития общества без социальных конфликтов внутри страны и на международном уровне. При ее достижении гражданское общество сможет контролировать власть, влиять на политическую ситуацию в каждой отдельно взятой стране и выступать в роли организованной политической силы общества. Лишь тогда станет возможным рациональное взаимодействие гражданского общества и государства на благо общества, появится перспектива – поставить власть под гражданский контроль и сделать ее более эффективной. Кроме того, повышение уровня транспарентности власти может стать фундаментом, связывающим демократические общества в единое целое – мировое гражданское общество, которое в условиях глобализации будет совместно с государствами, и национальными гражданскими

обществами влиять на мировую политику, делать мир менее опасным и более цивилизованным.

Сегодня в социально-политическом пространстве России продолжается процесс трансформации властных отношений. Формирующиеся в этом пространстве представления, стереотипы, обновляющие содержание политической культуры, реализуются в повседневных и институциональных практиках, обладают силой обратной связи с властными институтами. Эффективность этого взаимодействия власти и общества во многом зависит от степени транспарентности последних, от специфики презентирования и легитимизации их политических, социально-управленческих практик.

Предпосылками для открытости власти спикер Госдумы Борис Грызлов считает введенные В.В. Путиным и ставшие уже традиционными «прямые линии» с президентом, общественные приемные и пр. По словам Б. Грызлова, именно такой формат позволяет «фактически дать отчет гражданам страны о состоянии экономики и социальной сферы, о международных позициях России, проинформировать о дальнейших планах и проектах». «Это и есть наглядное свидетельство открытости власти, а также того, что в работе государственных органов интересы, потребности и проблемы людей занимают самое главное место»¹.

Однако, по результатам проведенного Институтом развития свободы информации анализа сведений, предоставляемых на официальных сайтах федеральных органов исполнительной власти в 2007 г., был выявлен 73%-ный уровень закрытости информации. 27%-ный уровень открытости информации на сайтах федеральных органов исполнительной ветви власти незначительно возрос в сравнении с 2006 г. – на 3,28%. К сожалению, действительность такова, что во многих странах, включая Россию, наблюдается низкий уровень транспарентности властных структур, что является тормозом на пути демократизации обществ. Чаще всего это связывают с недостаточной эффективностью деятельности органов власти, ее коррумпированностью. Поэтому путь противодействия коррупции ученые видят в повышении уровня транспарентности (прозрачности) органов государственной власти². В концентрированном виде рекомендации по борьбе с коррупцией, содержатся в годовом отчете организации «Международная прозрачность» за 2003 год³.

Эта тема неоднократно прорабатывалась в отечественной и зарубежной литературе. Анализ работ по исследованию транспарентности власти дает основание полагать, что отдельные аспекты проблемы открытости власти рассматривались в трудах по совершенствованию государственной службы⁴. Имеются также работы по изучению отдельных аспектов прозрачности власти: открытости власти, доступа к информации и ограничений доступа⁵. В работах, посвященных непосредственно транспарентности, авторы рассматривают проблему транспарентности в различных сферах деятельности социума⁶.

Однако встает встречный вопрос о степени готовности населения адекватно воспринимать и реагировать на подобную информацию. Процесс российского транзита ставит под вопрос традиционные властные ориентации, поэтому многообразные группы интересов государства, институтов, объединений, субъекты (акторы) политического сообщества взаимодействуют на различных уровнях социально-политического пространства. В этом контексте важно проанализировать условия, глубинные мотивации гражданской самоидентификации россиян, их поведения, политических ориентаций, а также уровень потребности населения в транспарентности власти. Возможности оптимизации данного процесса зависят от факторов как объективного характера, так и связанных со степенью информированности населения, с осознанием своего места в системе социальных и властных сетей общества и рамках своей ответственности, способности и готовности сопрягать свое поведение с интересами регионального и общероссийского социума.

В соответствии с этим в 2008 г. было проведено социологическое исследование «Транспарентность власти и ее эффективность в общественном мнении населения региона» методом формализованного интервью. Объем вероятностной, квотно-стратифицированной выборки составил 400 респондентов – жителей г. Саратова. В качестве страт использовались такие критерии, как уровень образования, дохода и рода занятий и сфера деятельности. В качестве квот использовались такие маркеры, как пол, возраст, место жительства. Это позволило сформировать выборочную совокупность, позволяющую получить репрезентативные данные с точностью до $\pm 5\%$, чтобы осуществить научно обоснованную, статистически аргументированную диагностику реальной степени открытости власти и уровня сформированности у населения потребности в информации такого рода и ее роли в социальном механизме взаимодействия власти и общества.

Открытость власти – это минимизация рисков, связанных с подготовкой управленческих решений большого социального масштаба, возможность достаточно точно спрогнозировать вероятные последствия их принятия; предоставление гражданам возможности успешно подгото-

виться к ожидаемым подвижкам в экономической и социальной ситуации, предотвращение или как минимум снижение угрозы отчуждения; не чрезвычайная и не конфронтационная, а инициативная мобилизация общественных сил на решение проблем самого общества; прибавление социального, политического, экономического, психологического потенциала федерализма; синхронизация процессов, протекающих в центре и на местах; оповещение региональных и местных властей об оптимальном курсе «центральной» власти.

Открытость власти – это шанс для России успеть к «информационно-открытому» обществу, как наиболее эффективному при новом качестве жизни⁷ и новой мотивации, ориентированной на достижения во всех сферах человеческой жизнедеятельности. Несмотря на это, на сегодняшний день, право рядовых граждан на доступ к неопубликованной официальной информации так и остается вторичным, опосредованным. Граждане могут получить подобную информацию лишь после того, как в их интересах ее запросят и опубликуют все те же средства массовой информации.

Анализ открытости власти в современной России предполагает уточнение степени сформированности у населения этой потребности. Эмпирически это выявляется через индикатор интереса различных социальных категорий населения к деятельности органов государственной власти, желания получать информацию, степени доверия к этой информации. В ходе проведенного опроса саратовцев выяснилось, что более половины населения периодически интересуются происходящим (54,7%). Не интересуются, но информацию получают 24,8%. Постоянно находятся в курсе событий 15,2% опрошенных. У этой категории, видимо, особенно развита потребность в транспарентности власти, т.к. именно от ее решений во многом зависит и безопасность, и законность, и экономическая стабильность общества. Совсем не заинтересованных оказалось 5,3%. Эта категория населения предельно дистанцировалась от органов власти, видимо, ощущая свою полную отчужденность от ее институтов.

Опрос выявил зафиксированный низкий уровень транспарентности органов власти в современной России и Саратовской области соотносится с невысоким в целом уровнем потребности населения в этой информации. Исключение здесь составляют лишь властные структуры регионально и муниципального уровней. Здесь выявлен наиболее значительный разрыв между желаемой и реальной открытостью перед населением (табл. 1). На уровне региона желаемая открытость в 5,6 раза меньше, чем реальная. На уровне муниципалитетов этот разрыв составляет 6,7%. Для иных уровней власти разрыв не превышает 1–2 раз. Это можно расценить как проявление усиливающейся взаимной дистанцированности власти и социума. Эта дистанция коррелирует с различными моде-

лями отношения населения к транспарентности власти, потребности в ней, проявляющиеся через категории интереса к информации о деятельности

органов власти, желания получать такую информацию, степени реальной информированности различных социальных категорий.

Таблица 1

Институты и структуры власти, которые должны быть более открытыми для общества и которые являются таковыми, % к оценкам по категориям.

Институты и структуры власти	Должны быть более открытыми	Являются открытыми	Различие (в разгах)
Органы управления городов и районов (области)	35,5	5,3	6,7
Органы областной власти	25,2	4,5	5,6
Федеральное правительство, министерства	11,8	7,1	1,7
Суды	23,4	13,9	1,7
Прокуратура	21,4	11,3	1,9
Органы самоуправления в селах, поселках	9,1	8,6	1,1
Органы внутренних дел (милиция)	16,9	9,1	1,9
Совет Федерации и Государственная Дума	13,6	9,1	1,5
Администрация Президента РФ	10,6	4,8	2,2
Президент России	19,6	13,6	1,4
Федеральная служба безопасности (ФСБ)	5,5	12,1	0,45
Затрудняюсь ответить	17,6	52,4	0,34

Анализ данных позволил выявить четыре типа граждан по уровням сформированности потребности в открытости власти:

1) «активные граждане», составляющие примерно 15% населения, которые в значительной мере доверяют властным структурам, постоянно интересуются их деятельностью, полностью одобряя или противодействуя им. Среди них больше представителей старшего поколения и высокообразованных людей;

2) «неустойчивые» граждане, которых немного больше 50% населения и которых политика интересует только периодически. Среди них большинство – достаточно образованных представителей среднего поколения, которые чаще всего вынуждены приспосабливаться к действиям властей;

3) «вынужденные» граждане, которые не имеют потребности в транспарентности власти, но вынуждены получать эту информацию (около 24%). Это преимущественно молодежь, которая менее образована или учится, старается либо приспосабливаться к действиям властных структур, либо держаться от них на расстоянии;

4) «абсентеисты», у которых потребность в транспарентности власти отсутствует совсем. Их немного – примерно 4–5%. Они также предпочитают держать дистанцию от властных институтов и никак не реагировать на действия последних, предпочитая мнимую изоляцию. Возможно, это связано с низким уровнем оценки населением своих возможностей влиять на решения органов власти.

Чем выше уровень образования и старше возраст – тем более развита потребность в транспарентности власти. Таким образом, открытость

власти коррелирует не столько с действиями самих институтов, сколько с уровнем потребности самого населения, его субъективными характеристиками, представлениями и ценностными ориентациями.

Большинство опрошенных считают, что сегодняшнюю российскую власть олицетворяет именно президент (64,2% опрошенных). Подобная позиция подкрепляется повсеместной пропагандой деятельности Д.А. Медведева в средствах массовой информации. 14,9% опрошенных считают, что российскую власть олицетворяет олигархия, богатые люди и «новые русские». И лишь незначительный процент опрошенных отметил, что в современных российских реалиях олицетворением власти являются политические партии (3,8% респондентов). Позиция президента в массовом сознании наших граждан является осознанной, так как на вопрос «Кому, на Ваш взгляд, должна принадлежать власть на сегодняшний день?» большинство отметили президента как основного актора современной российской власти (59,9%).

Исходя из этого, можно констатировать наличие асимметрии власти в пользу главы государства и Председателя Правительства РФ. При этом выявлена явная персонификация власти в лице В. Путина, который пользуется стабильно высоким авторитетом у регионального населения и в новом качестве. Подобная асимметрия власти подкреплена особенностями политического менталитета россиян, для которого является характерным «вера в доброго и справедливого царя». Такой понимание роли президента и лично В.В. Путина порождает в массовом сознании этатизм, ожидание от власти патерналистской

заботы. В результате под влиянием этих особенностей менталитета в российском обществе складывается авторитарная форма сознания, характеризующаяся склонностью к простым решениям, стремлением переложить ответствен-

ность на других, особенно на власть, тягой к легкодоступной вере, а не к знаниям, потребностью подчинения⁸. Это проявилось в том, что базовой гражданской ценностью для населения выступает порядок (Таблица 2).

Таблица 2
Наиболее значимые гражданские ценности,
% от общего числа ответов респондентов

Ценности	Процент
Порядок	48,1
Личная свобода	35,0
Равенство	30,5
Законопослушность	22,4
Гражданская ответственность	20,4
Патриотизм	14,9
Вольность	3,3
Общественная активность	3,0
Гражданская инициатива	2,0
Транспарентность (открытость)	1,8

Примечание. Сумма не сводима к 100%, так как респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

В российском политическом менталитете «порядок» ассоциируется с наличием определенных социальных предписаний как жить. Социальные предписания, или нормы, существуют в любом обществе, однако в социоцентристском обществе они носят тотальный и универсальный характер. В российском обществе эти предписания наделяются еще и политическим смыслом: тот или иной способ жизнедеятельности должен быть разрешен «сверху» инструкциями, стандартами, законами и т.д. Большинство россиян чувствуют себя комфортно лишь в ситуации определенности, где существуют конкретные предписания, что и как делать. Ситуация неопределенности, где «разрешено все, что не запрещено» и допускается свобода выбора и свобода действий, раздражает. Такая ситуация оценивается в российском обществе как «непорядок»⁹. При этом сторонниками демократии и вверения всей полноты государственной власти народу является треть опрошенных (31,4%). Анархических принципов и безвластия придерживаются 1,6% респондентов.

В соответствии с этим можно выделить несколько моделей отношения населения к государственной власти.

1. Модель «Жесткий этатизм» характеризует небольшую категорию населения (примерно 15%), которая обладает высокоразвитой потребностью в транспарентности власти, постоянно отслеживает политическую информацию. В большинстве своем (примерно две трети из них) они всегда поддерживают действия властей, считают правильным достаточно высокий уровень закрытости властных институтов. Все они жестко ориентированы на установление порядка

в обществе, готовы ставить приоритеты государства выше личных интересов, обладают высоким уровнем ответственности. По их мнению, если люди будут предоставлены сами себе, они начнут совершать противоправные или вредоносные поступки. Поэтому все, что является аморальным или вредным для каждого из них лично, должно быть запрещено для всех. Они поддерживают государственное вмешательство в экономику, общественную и (во многом) личную жизнь и видят в качестве одной из основных функций государства борьбу с социальным неравенством за счет перераспределения доходов. Государство среди них отождествляется почти одинаково как с президентом, так и с народом.

2. Модель «Демократический этатизм» характеризует значительную категорию населения (примерно 35%), выступающую за равенство, общественный контроль и взаимную ответственность органов власти и общества. Для них государство олицетворяет президент и в два раза меньше – народ. Поэтому у них имеется определенная, но нестабильная потребность в транспарентности власти, которая, по их мнению, слишком закрыта для населения. Они поддерживают идею прав человека, но ориентированы на широкие полномочия государства в экономической сфере, создание большого государственного сектора в экономике и доминирующую роль государства в вопросах, связанных с экологией, рынком труда, образованием, здравоохранением и пенсионной системой. Эта категория людей ориентирована на масштабные государственные социальные программы. Одновременно они склонны поддерживать государственные законы, направленные на ограничение

социального поведения, которое идет вразрез с «традиционными ценностями» (гомосексуализм, аборт и т.д.), а также сильную военную отрасль и сокращение убыточных социальных программ.

3. Модель «Личностно-ориентированные элитисты – демократы» характеризует значительную категорию населения (примерно 35%), выступающую за идею личной свободы, в том числе и в экономике, не одобряют чрезмерного государственного регулирования в этой сфере, выступая за снижение налогов, свободу торговли и ограничение полномочий государства. Поэтому их потребность в транспарентности власти носит, чаще всего, вынужденный характер, а государство рассматривается как гарант социальной защиты и порядка в обществе. Олицетворением власти, по их мнению, является президент, народ (но в 2 раза реже), представители элиты.

4. Модель «Анархисты» характеризует незначительную категорию населения (примерно 4%), пытающуюся полностью изолироваться от властных структур и государства. Они не нуждаются в информации о деятельности власти, стараются игнорировать ее решения, считая, что не могут никак оказать на них влияние.

5. Модель «Неопределившиеся» характеризует небольшую категорию населения (примерно 16%), которая не имеет четко выраженной позиции в отношении к власти, государственным институтам. У них лишь иногда проявляется потребность в информации о деятельности органов власти. В зависимости от конкретной проблемы они склонны поддерживать государственное вмешательство, а иногда – свободу выбора человека, исходя из «практических» повседневных, лишенных идеологической окраски решения проблем.

Примечания

- ¹ Петербургский эксперт: Уровень открытости информации об исполнительской власти РФ составляет 26,85% [Электронный ресурс]. URL: www.regnum.ru/news/952700.html; <http://www.rosbalt.ru/2007/10/18/423596.html> (дата обращения: 25.03.2009).
- ² См.: Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы. М., 2003. С. 8; Скоропозацкий В.В. Коррупция как способ легитимации власти // Чиновник. 2001. № 1. С. 15.
- ³ Transparency International [Электронный ресурс]. URL:

<http://www.transparency.org/sourcebook/00-summary.html> (дата обращения: 25.03.2009).

- ⁴ См.: Государственная служба. Проблемы реформирования. Зарубежный опыт. М., 1995; Шевалье Ж. Государственная служба / Пер. с фр. М., 1996; Повышение качества государственных услуг: опыт Великобритании // Проблемы теории и практики управления. 2000. № 3; Государственное управление и государственная служба за рубежом. СПб., 1998; Мэннинг Н., Парсон Н. Реформа государственного управления: международный опыт / Пер. с англ. М., 2003 и др.
- ⁵ См.: Бориснев С.В. Социология коммуникации. М, 2003; Дьякова Е.Г. Массовая коммуникация и власть. Екатеринбург, 2002; Засурский Я.Н. Человеческое измерение информационного общества // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2004. № 3; Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. М., 2000; Иноземцев В.Л. Открытое общество за закрытыми границами // НГ – сценарии. 2001. № 6; Нисневич Ю.А. Информация и власть. М., 2000; Попов В.Д. Информациология и информационная политика. М., 2003; Попов В.Д. Тайны информационной политики. М., 2003; Симонов А.К. Свобода СМИ – условия и гарантии открытости общества. Публичная лекция в г. Екатеринбурге 24.10.2003 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gdf.ru/arh/pub/simonov66.shlral> (дата обращения: 25.03.2009); Тимофеева Л.Н. Власть и оппозиция: взаимодействие и взаимоограничение, взаимоконтроль коммуникации. М., 2004; Развитие коммуникативной компетентности государственных служащих в работе со средствами массовой информации. М., 2002.
- ⁶ См.: Костиков И.Н. О направлениях развития российского финансового рынка // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 3. С. 7; Перская В.В. Транспарентность – инструмент регулирования глобальной экономики (российский аспект) // Глобализация: сущность, проблемы, перспективы. М., 2003.
- ⁷ См.: Казаков Ю. Право знать как система взаимных обязательств // Свобода доступа к информации в России: правовые, организационные, профессиональные проблемы // Комиссия по свободе доступа к информации, 1997 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ksdi.ru/readhall-svoboda-97.shtml> (дата обращения: 25.03.2009).
- ⁸ См.: Яковлев А.Н. Реформация в России // Общественные науки и современность. 2005. № 2. С. 14.
- ⁹ См.: Денисов И. Политическое сознание современного российского общества [Электронный ресурс]. URL: <http://www.politnauka.org/library/teoria/denisov.php> (дата обращения: 25.03.2009).

УДК 316.334.3

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ УКРАИНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Х.Б. Тадтаев

Саратовский государственный аграрный университет
E-mail: Tadtaw@info.sgau.ru

В статье анализируется процесс формирования национализма в Украине в начале XX века. Показывается общее и особенное в украинском национализме.

Ключевые слова: ассимиляция, украинский национализм, национальная психика, расизм, русификация.

Peculiarities of Ukrainian Nationalism's Formation

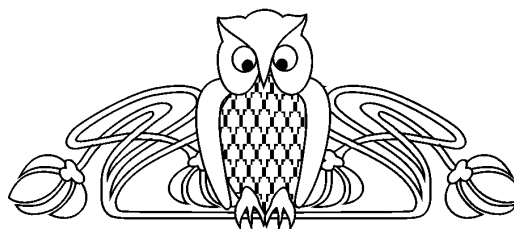
Ch. B. Tadtaw

The article is focused on process of formation of Ukrainian nationalism in the beginning of XX century. Common and peculiar features of Ukrainian nationalism are shown in the article.

Key words: assimilation, Ukrainian nationalism, typical national psyche, racism, Russification.

Осенью 2008 г. в Украине прошли мероприятия памяти жертв голодомора 1932–1933 годов, который украинский президент назвал геноцидом украинского народа. «Голод был выбран как орудие усмирения украинского народа. Целью было обескровить Украину, подорвать ее силы и таким образом устранить возможность восстановления государственности»¹, – эмоционально заявил президент В. Ющенко. В геноциде украинского народа обвиняются не руководители бывшего СССР, а русский народ в целом. Подобный антирусизм часто представляется как случайное недоразумение, однако внимательный анализ исторического материала убеждает, что это логическое продолжение украинского национализма 20–30-х гг. прошлого XX столетия.

Достаточно вспомнить украинских националистов (Антоновича, Грушевского, Донцова, Рудницкого и др.), многие из которых начали пропаганду национализма в начале XX века. Позже они ориентировались на фашистскую Германию. Особого внимания своей наукообразностью заслуживают работы С. Рудницкого. (В 20-е гг. прошлого столетия он возглавлял в УССР институт географии и картографии.) «Человеческая порода, – писал С. Рудницкий, – подлечит, подлечала и будет подлечать эволюционным законам биологии, которые непрерывно стремятся к созиданию новых пород путем наследственности, естественного и полового отбора, мутации, менделизации и т.п. Вековая дифференциация привела к тому, что в человеческой породе, как, впрочем, во всякой иной породе, нет и не может быть равенства... Эволюция создала во всякой органической породе путем

дифференциации подпороды, разновидности и т.д...»². Столь «глубокие научные изыскания» понадобились Рудницкому всего лишь для доказательства того, что «украинская раса обладает высокими качествами. Высокий рост (украинцы принадлежат к самым высоким народам Европы и земного шара) и большой объем груди (пожалуй, самый большой в Европе) при стройности и подвижности делают украинцев очень способными ко всякой физической работе. Высокая брахикефалия и ясная большеголовость указывают на большие умственные способности»³. Рудницкий уверен, что по телесной красоте и силе «... ни москаля, ни поляки, ни мадьяры, ни евреи не могут равняться с украинцами, то же относится к плодовитости. Что касается умственных способностей, то ни одна из этих наций не может путем смешения с нами дать нам что-либо действительно положительное»⁴. Если слово «украинец» заменить «германцем», то подобные идеи пришлось бы по душе любому теоретику Третьего рейха⁵.

Рудницкий стремится не только показать «превосходство» украинцев над остальным человечеством, но, прежде всего, доказать антропологические и психологические отличия украинцев от русских, белорусов и поляков. Утверждая о расовых (именно расовых) особенностях и преимуществах украинцев, он указывал, что средний объем груди в отношении к росту у украинцев 55,04%, у белорусов – 53,8, у русских – 52,18%. При характеристике «москалей» употребляются термины: «неповоротливость», «инертность», «вялость», «нетерпимость», «примитивизм», «стадность», «отвращение ко всяким общепринятым формам и самым основным требованиям эстетики». При характеристике же украинцев использована исключительно положительная терминология: «любовь к цветам», «красивая одежда», «хороший хлебороб», «солидность и степенность», «хороший семьянин», «терпимость» и т.д. Для усиления своей аргументации Рудницкий даже утверждал, что по сравнению с украинской московская песня обычно скверная, солдатская. Не довольствуясь печатным словом, Рудницкий для большей убедительности обратился к изобразительному искусству – в учебнике «Початкова географія для народних шкіл» (Київ; Львів; Відень, 1919) несколько страниц (С. 56, 57, 158, 159) посвящены изображению «москвинов» и украинцев. «Москвины» все крайне безобразные,

будто Россия населена исключительно уродами, а украинцы все без исключения писаной красоты. Разумеется, красота украинского народа не требует доказательств, но это не означает, что среди украинцев, как и представителей любого другого этноса, нет не очень красивых людей, или вовсе некрасивых. Ряд «научных аргументов» С. Рудницкого своей наивностью может вызвать лишь усмешку. И главное – вся сила «научной» аргументации понадобилась ему для доказательства, что «...украинцы имеют крайне мало антропологического сходства с поляками, белорусами и русскими»⁶. В работах Рудницкого политические мотивы явно преобладают над научно-познавательными. Стремясь доказать попеременно и одновременно (в зависимости от международной политической ситуации) антропологическую и психологическую неполноценность русских, поляков, мадяр, он тем самым убеждал мировое сообщество и своих соотечественников, что украинцы не могут и не должны находиться в политико-административной зависимости от указанных выше этносов. Примечательно, что с изменением политической карты Восточной Европы меняется и объект критики Рудницкого. Если до распада Австро-Венгрии он, критикуя русских, стремится также доказать антропологическую и психологическую неполноценность мадяр (часть Западной Украины входила в состав двуединой империи), то после краха империи он более не обращается к их антропологическому анализу. После Первой мировой войны Западная Украина оказалась в составе независимой Польши, и Рудницкий, предав забвению психолого-антропологическую «ущербность» мадяр, начал энергично доказывать «неполноценность» поляков, не забывая, разумеется, уничижительно характеризовать русских, поскольку большая часть Украины входила в состав СССР.

Политический идеал С. Рудницкого – независимое украинское государство – никак нельзя характеризовать как нечто предвзвешенное. Но во имя политической независимости Украины он готов попирает интересы и достоинство соседних этносов, которых именует «малоценными расами». Он настойчиво призывает «...беречься комбинаций с представителями чуждых народов, если они: а) принадлежат к расово малоценным народам, б) принадлежат к соседним или вместе с нами живущим народам и через смешивание с ними влияние чуждых народов растет в нежелательной степени. С этой точки зрения, для нас, украинцев, полезной является только комбинация наших элементов с так называемой нордической расой (скандинавы, большинство англосаксов, немцы) и с родственными нам южными славянами и чехами. Наоборот, не полезным являются комбинации с поляками, москалями, румынами, турко-татарами, евреями и т.п.»⁷.

Если С. Рудницкий нашел возможным противопоставить «расовые признаки» украинцев

«расовым признакам» белорусов и русских, хотя между населением различных регионов Украины антропологических различий больше, нежели между русскими и украинцами, проживающими по соседству, то, как любой расист, он не мог обойтись без антисемитизма – излюбленной темы большинства расистов.

От скрещивания с евреями он предупреждает особо «строго». Единственное, что евреи могли бы дать в результате скрещивания с украинцами, это присущее им врожденное наследственное чувство национальной солидарности, но этого чувства, уверял он, у украинцев и так достаточно. Но зато «еврейская кровь» внесет в результате скрещивания такие отрицательные признаки, как «склонность к красному универсализму», «цинизм в половых вопросах», «мамонизм во всех социальных и экономических отношениях». Почему именно евреям приписывается «цинизм в половых вопросах», остается загадкой. Но, по Рудницкому, все правдоподобные и неправдоподобные аргументы хороши, лишь бы реализовать свой политический идеал, а именно: «Организовать политически украинское крестьянство и на этой мощной основе построить великое крестьянское государство... привить здоровые образцы действительно европейской культуры к чисто арийской основе украинской протонациональной культуры»⁸.

Разумеется, украинский национализм 20–30-х гг. прошлого столетия не тождествен германскому фашизму. Он имеет свои особенности. Например, если теоретики германского фашизма превосходство «арийцев» видели, прежде всего, в их умственных способностях, то идеологи украинского национализма не всегда отводят решающую роль умственным потенциям. Часто первостепенное значение в положительной характеристике этноса придается другим признакам. Так, уже упоминавшийся Д. Донцов утверждал, что «...в жизни каждой нации решающую роль имеет не разум и знание, а чувство и воля»⁹. Можно предположить, что подобный вариант национализма Донцовым был выдвинут с далеко идущим расчетом – доказать превосходство украинцев в сфере чувств и воли. Подобное предположение представляется обоснованным, поскольку Донцов в своих работах часто рассуждает о «тайниках национальной психики», о необходимости мобилизоваться «единой национальной волей».

В определенной степени особенностью украинских националистов 20–30-х гг. XX в. является также отсутствие призывов к физическому уничтожению представителей других этносов: русских, белорусов, поляков, евреев и т.д. Хотя в работах Д. Донцова, А. Ричинского, С. Рудницкого и других неоднократно говорится о грядущем расчете с русскими, поляками и т.д., но формы «расчета» не конкретизируются.

Несмотря на относительную мягкость, украинские националисты в своих работах 1920-х

гг. часто превосходят будущую программу германского фашизма. Так, С. Рудницкий в целях улучшения расы предлагал стерилизацию «малоценных» людей. Столь радикально жесткой меры не предлагали даже члены «Общества Гобино». При этом не конкретизируется, кого считать «малоценным». Можно предполагать, что к «малоценными» относились не только больные люди, но в целом русские, поляки, белорусы, евреи и т.д., поскольку они считались «малоценными расами».

В целом необходимо отметить, что украинский национализм 1920–1930-х гг. лишь в деталях отличается от германского. По содержанию и целям украинский и германский национализм совпадают.

УДК 316.444.56.4

ТРУДОВЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ ВУЗОВСКИХ ВЫПУСКНИКОВ

И.Г. Малинский

Саратовский государственный университет
E-mail: mig@info.sgu.ru

В статье по результатам социологического опроса анализируются основные модели трудовых предпочтений выпускников Саратовского университета и выявляется влияние специализации и вторичной занятости студентов на их трудовые стратегии.

Ключевые слова: вторичная занятость студентов, профессиональная специализация, трудовые ориентации выпускников, рынок труда.

Labor Preferences of the Graduates.

I.G. Malinsky

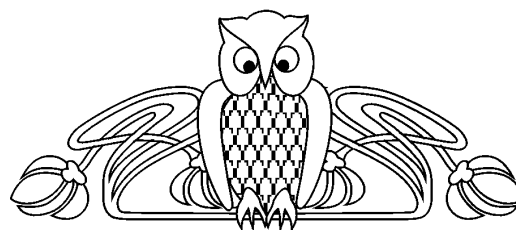
In the article the main models of the labor preferences of the Saratov University graduates' were analyzed. The article is written on the base of the social research. The influence of the specialization and second employment upon the graduates' labor strategies was determined.

Keywords: student' second employment, professional specialization, graduates' labor orienteer, labor market.

Молодость – это особый этап в жизни каждого человека. Стартовые позиции, достигнутые в самом начале жизненного пути, являются предпосылкой для дальнейшей самореализации. Благодаря развитию системы негосударственного и внебюджетного профессионального образования у молодых людей расширились возможности выбора вида, формы его получения. Расширение свобод выбора в образовательной сфере и увеличение контингента обучающихся в вузах наталкивается на реалии свободного рынка труда, где количество свободных рабочих мест для специалистов с высшим профессиональным образованием ограничено, а требования к претен-

Примечания

- ¹ Московский комсомолец. 2008. 24 нояб.
- ² Рудницкий С. До основ українського націоналізму. Прага, 1928. С. 15.
- ³ Там же. С. 56–57.
- ⁴ Там же. С. 76.
- ⁵ К сожалению, они пришлось по душе и президенту В. Ющенко, который пытался их реанимировать, модернизировать и навязать украинскому народу.
- ⁶ Rudnitskij S. Ukraina. Land und Volk. Wien, 1916. S. 182.
- ⁷ Рудницкий С. До основ українського націоналізму. Прага, 1928. С. 69.
- ⁸ Там же. С. 111.
- ⁹ Донцов Д. Націоналізм. Львів, 1926. С. 16.

дентам достаточно высоки. Большинство фирм и учреждений предпочитают получать «готовых» специалистов с опытом работы, если не по специальности, то в близкой области или с навыками профессиональной деятельности, свидетельствующими о способности человека быстро осваивать новые знания и профессиональные требования. С другой стороны, самих молодых специалистов часто не устраивают условия труда и величина зарплаты¹. Эти новые реалии требуют научного осмысления и специального исследования в силу нестандартности самого пути перехода России к обществу рыночного типа и определяемой этим специфики социальных процессов. Успешность разрешения данного объективного противоречия между расширением возможностей удовлетворения профессионально-образовательных потребностей молодежи и сокращением вероятности трудоустройства в соответствии с полученным дипломом в значительной степени определяется жизненной стратегией индивида².

Особенно это важно для тех групп населения, которые вступают в трудовую жизнь, определяют свои профессиональные предпочтения. К таким группам, безусловно, относится студенческая молодежь. Высокий уровень образования сам по себе уже не является предпосылкой для успешной самореализации молодого человека. В условиях повышенной конкуренции, существующей в современном российском обществе, наибольшего успеха добивается тот выпускник, который уже имеет опыт профессиональной деятельности. Поэтому студенты изменяют модель достижения

гг. часто превосходят будущую программу германского фашизма. Так, С. Рудницкий в целях улучшения расы предлагал стерилизацию «малоценных» людей. Столь радикально жесткой меры не предлагали даже члены «Общества Гобино». При этом не конкретизируется, кого считать «малоценным». Можно предполагать, что к «малоценными» относились не только больные люди, но в целом русские, поляки, белорусы, евреи и т.д., поскольку они считались «малоценными расами».

В целом необходимо отметить, что украинский национализм 1920–1930-х гг. лишь в деталях отличается от германского. По содержанию и целям украинский и германский национализм совпадают.

УДК 316.444.56.4

ТРУДОВЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ ВУЗОВСКИХ ВЫПУСКНИКОВ

И.Г. Малинский

Саратовский государственный университет
E-mail: mig@info.sgu.ru

В статье по результатам социологического опроса анализируются основные модели трудовых предпочтений выпускников Саратовского университета и выявляется влияние специализации и вторичной занятости студентов на их трудовые стратегии.

Ключевые слова: вторичная занятость студентов, профессиональная специализация, трудовые ориентации выпускников, рынок труда.

Labor Preferences of the Graduates.

I.G. Malinsky

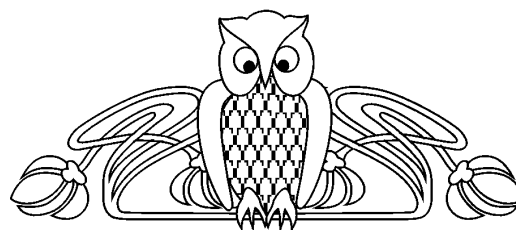
In the article the main models of the labor preferences of the Saratov University graduates' were analyzed. The article is written on the base of the social research. The influence of the specialization and second employment upon the graduates' labor strategies was determined.

Keywords: student' second employment, professional specialization, graduates' labor orienteer, labor market.

Молодость – это особый этап в жизни каждого человека. Стартовые позиции, достигнутые в самом начале жизненного пути, являются предпосылкой для дальнейшей самореализации. Благодаря развитию системы негосударственного и внебюджетного профессионального образования у молодых людей расширились возможности выбора вида, формы его получения. Расширение свобод выбора в образовательной сфере и увеличение контингента обучающихся в вузах наталкивается на реалии свободного рынка труда, где количество свободных рабочих мест для специалистов с высшим профессиональным образованием ограничено, а требования к претен-

Примечания

- 1 Московский комсомолец. 2008. 24 нояб.
- 2 Рудницкий С. До основ українського націоналізму. Прага, 1928. С. 15.
- 3 Там же. С. 56–57.
- 4 Там же. С. 76.
- 5 К сожалению, они пришлось по душе и президенту В. Ющенко, который пытался их реанимировать, модернизировать и навязать украинскому народу.
- 6 Rudnitskij S. Ukraina. Land und Volk. Wien, 1916. S. 182.
- 7 Рудницкий С. До основ українського націоналізму. Прага, 1928. С. 69.
- 8 Там же. С. 111.
- 9 Донцов Д. Націоналізм. Львів, 1926. С. 16.

дентам достаточно высоки. Большинство фирм и учреждений предпочитают получать «готовых» специалистов с опытом работы, если не по специальности, то в близкой области или с навыками профессиональной деятельности, свидетельствующими о способности человека быстро осваивать новые знания и профессиональные требования. С другой стороны, самих молодых специалистов часто не устраивают условия труда и величина зарплаты¹. Эти новые реалии требуют научного осмысления и специального исследования в силу нестандартности самого пути перехода России к обществу рыночного типа и определяемой этим специфики социальных процессов. Успешность разрешения данного объективного противоречия между расширением возможностей удовлетворения профессионально-образовательных потребностей молодежи и сокращением вероятности трудоустройства в соответствии с полученным дипломом в значительной степени определяется жизненной стратегией индивида².

Особенно это важно для тех групп населения, которые вступают в трудовую жизнь, определяют свои профессиональные предпочтения. К таким группам, безусловно, относится студенческая молодежь. Высокий уровень образования сам по себе уже не является предпосылкой для успешной самореализации молодого человека. В условиях повышенной конкуренции, существующей в современном российском обществе, наибольшего успеха добивается тот выпускник, который уже имеет опыт профессиональной деятельности. Поэтому студенты изменяют модель достижения

жизненных перспектив путем сокращения усилий, затрачиваемых на учебу и получение диплома, перестающего гарантировать доступ к социально привилегированным позициям, в пользу получения профессионального опыта в сфере вторичной занятости.

Анализ ситуации на рынке труда г. Саратова показывает, что выпускнику высшего учебного заведения довольно сложно найти работу. Отчасти поэтому многие молодые специалисты, еще будучи студентами, вынуждены подрабатывать для того, чтобы к окончанию вуза накопить практический опыт и определиться с будущим местом работы. В силу актуальности трудоустройства выпускников вузов Центр региональных социологических исследований (ЦРСИ) СГУ им. Н.Г. Чернышевского на протяжении двух лет проводит мониторинг по данной проблеме. В ходе последнего опроса³ выяснилось, что 75% опрошенных выпускников Саратовского государственного университета подрабатывали во время учёбы. Причем среди гуманитариев подрабатывали 84% студентов. Среди пятикурсников технического профиля подрабатывали чуть меньше – 77%. Среди студентов естественно-научных специальностей – 65,5%. 36% старшекурсников СГУ имели вторичную занятость на момент опроса. По данным опросов студентов российских вузов, опубликованных социологами, работающих также оказалось около половины. Почти 20% студентов имеют постоянную работу с недельной загрузкой свыше 30 часов. Более четверти студентов работают в режиме полной рабочей недели. От первого к выпускному курсу занятость возрастает⁴.

Определяя основные мотивы поиска дополнительного заработка, студенты акцентировали «финансовые трудности» (47%), стремление к экономической независимости (40%), желание получить опыт работы (30%), самоутвердиться (18,2%). По 9% опрошенных ответили, что думают, о будущем и возникли семейные трудности. При этом среди юношей подрабатывали 86%, а среди девушек – 66%. Таким образом, вторичная занятость каждого второго студента – это не только временная работа, позволяющая удовлетворить финансовые потребности, но и стартовая площадка в начале трудового пути, возможность самореализоваться и продолжить трудовую деятельность с дальнейшей перспективой.

Как правило, работа студентов носила временный характер (70%), 22% опрошенных работали постоянно и 8,6% имели разовое место работы. Среди тех, кто работал на постоянной работе, 44% респондентов надеются остаться на прежнем месте, с перспективой карьерного роста, 29% опрошенных студентов рассчитывают получить другую работу, близкую к своей специальности, 17% респондентов связывают свою трудовую деятельность с нынешним местом работы, 8% опрошенных планируют устроиться на другую

работу и 1,9% респондентов думают остаться на этом месте, так как сложно найти другую работу.

Так или иначе, независимо от того, работают студенты или нет, у них существуют свои представления о возможности устроиться на хорошую работу. 59% опрошенных считают, что это сложно, 41% ответили, что это будет легко. Для большинства респондентов, наличие связей при устройстве на работу является основным фактором. Опрос показал, что среди тех, кто при поиске работы надеется на объявления и публикации в СМИ как источник информации, доминируют выпускники естественно-научных специальностей (почти 45%), в то время как среди студентов технических специальностей таких 33%, среди гуманитарных – 22%. Гуманитарии больше других ориентированы на знакомых (60%), среди «технарей» и «естественников» таковых меньше – 10 и 30% соответственно. Выпускники технических специальностей больше других рассчитывают на друзей (42%), среди гуманитариев эта доля – 33%, среди «естественников» – 25%. Последняя категория студентов больше других ориентирована на помощь родителей при трудоустройстве (67%). Среди выпускников естественно-научных специальностей на это уповает каждый третий, среди гуманитариев – никто.

При интерпретации понятия «успех в жизни» 57,7% выпускников сделали акцент на самореализации, на своём призвании. 40,9% опрошенных считают, что добиться успеха значит создать благополучную семью, 39,6% связывают успех с карьерой. 22,1% опрошенных ответили, что заработав «кучу денег», можно стать успешным человеком. 8,1% опрошенных считают, что добиться успеха означает получить власть, 7% ответили «быть счастливым человеком».

Характеризуя свое представление о хорошей работе, 31% выпускников указывали на высокую зарплату. 68% опрошенных предполагают, что величина их заработной платы будет от 8 до 16 тысяч рублей, каждый третий ориентирован на сумму заработка, превышающую 16000 рублей. Таким образом, молодёжь вполне реально оценивает свой будущий доход. Однако выпускники, имеющие опыт работы по специальности, ориентированы на будущую заработную плату в объеме от 8 до 16 тысяч рублей. Среди не имеющих такого опыта доминирует предполагаемая величина заработка более 16 тысяч рублей. Иными словами, опыт работы оказывает серьезное влияние на представления о будущем доходе: чем меньше опыт работы по специальности, тем больше молодые специалисты стремятся к завышенному размеру своей будущей зарплаты.

На втором месте по распространенности признаков хорошей работы оказалась возможность самореализации в профессиональной сфере, карьера (24%). На третьем – хорошие условия труда (19%). Далее, в порядке значимости, следовали соответствие специальности (11%), престиж-

ность и достаточно высокая должность (по 6%), собственное, интересное, любимое дело, хороший коллектив. Для хорошего трудоустройства, по мнению выпускников, главным условием выступают высокий уровень профессионализма (28%), связи (27%), наличие диплома о высшем образовании (21%), желание получить работу (24%).

Однако лишь 16% опрошенных подработывавших выпускников работали по время учебы по специальности, у 31% работа была лишь отчасти связана с будущей профессией. 53% – подработывали не по специальности. Среди всех, кто на момент опроса не нашел работу по специальности, 31,5% гуманитариев, 34% выпускников естественно-научных и 34,7% технических специальностей. Иными словами, среди гуманитариев только 15% студентов к выпуску имели постоянную работу по специальности. Среди студентов технического профиля таковых оказалось еще меньше – 10,4%. И только в естественно научном направлении доля практически трудоустроенных по специальности оказалась выше – 23,6%.

Только 66% от числа опрошенных считают, что выбранная ими специальность будет востребована на рынке труда в ближайшем будущем. 70% студентов отмечали, что они не имеют гарантий трудоустройства после окончания вуза, 51% студентов считают себя не совсем готовыми к трудовой деятельности и всего лишь 29% опрошенных имеют полное представление о своей будущей работе. Эти данные характерны и для выпускников из других регионов, также отмечающих сложность трудоустроиться по специальности, которая будет востребована и хорошо оплачиваема⁵.

Среди факторов, которые, по мнению выпускников, способствуют трудоустройству по специальности, доминирует интерес к ней (68,6% опрошенных). На втором месте – тот факт, что уже удалось найти работу по специальности (49%). На третьем месте – условия труда (39,2%). 13,7% опрошенных считают, что их специальность пользуется спросом на рынке труда. По 7,8% респондентов ответили, что полученная специальность престижна и возможен карьерный рост. Если обратить внимание на направления специализации, то на высокую заработную плату в наибольшей степени ориентированы специалисты в области естественных наук (40,5%), на втором месте – «технари» (почти 32%), на третьем – гуманитарии (почти 28%). Последняя категория студентов больше других ориентирована на высокую должность (37,5%). Среди выпускников технических и естественно-научные специальностей таких соответственно 33 и 29%. Среди тех, кто больше всего ценит престижность будущей работы по специальности, доминируют «технари» (40%). На карьерный рост больше других нацелены выпускники естественно-научные специальностей (36,6%). Они же больше других ценят соответствие работы избранной специальности (38%). Среди гуманитариев это ценят 34%

опрошенных, среди «технарей» – 28%. Последние больше других ориентированы на хорошие условия труда – 36%.

В ходе опроса выяснилось, что 61% выпускников сохранили интерес к выбранной специальности, 8,7% – считают, что это их призвание. 21% выпускников выказали полное безразличие к полученной специальности, 5% так и не смогли определиться с отношением к ней. Это оказалось тесно взаимосвязанным со вторичной занятостью студентов – старшекурсников. Так, среди тех, кто почувствовал, что избранная специальность – это его призвание, 90% подработывали либо по специальности, либо в смежных видах деятельности. Среди тех, кто сохранил интерес к своей будущей профессии, по специальности или «рядом» работали во время учебы 54%. Среди тех, у кого будущая профессия не вызывает энтузиазма, по специальности подработывали только 36,5%. Среди тех, кто испытывает к своей профессии негативные эмоции, по специальности не подработывал никто. Иными словами, чем больше студентам нравится будущая профессия, тем чаще они стараются подработывать по специальности. И наоборот, работа во внеучебное время по специальности способствует ее большей значимости для выпускников.

Опыт практической работы увеличивает для молодого человека ценность его профессии и во многом предопределяет его трудовые стратегии. Так, среди выпускников, считающих, что полученная специальность – это их призвание, 56% точно планируют остаться на своей нынешней работе, 44% надеются остаться и строить карьеру. Из тех, которые считают работу по специальности интересной, только 11% уверены, что останутся работать на этом рабочем месте. 54% – только надеются остаться и строить карьеру, 34% надеются получить другую работу, близкую к своей специальности. Среди тех, кого не интересует будущая профессия, 75% планируют устроиться на другую работу не по специальности. Только 25% допускают, что останутся на прежнем рабочем месте, так как сейчас сложно найти работу. Иными словами, для последней категории выпускников работа будет, по – прежнему, носить вынужденный характер. Более того, чем больше выпускники увлечены своей будущей профессией, тем выше, но осторожнее, они оценивают свои возможности трудоустройства по специальности. Возможно потому, что большая часть тех, кто работал, уже знакомы с данным сектором рынка труда, с теми требованиями, которые необходимы при трудоустройстве, больше знакомы со стратегией трудоустройства, чем те, кто не пытался работать по специальности и не имеет никакого представления об этом.

Таким образом, интерес к специальности – это очень важный фактор, который определяет дальнейшую стратегию трудовой деятельности молодежи. Чем больше нравится полученная

специальность, тем легче выпускники оценивают своё будущее трудоустройство, тем больше ориентация на профессиональную самореализацию и карьерный рост. Особенно в этом помогает опыт вторичной занятости по специальности, который способствует более реалистичному отношению к своей будущей трудовой деятельности. Сегодня работа для студента – получение практического профессионального опыта, новых знаний, ускоряющих процесс их профессионального становления и последующего трудоустройства; ознакомление с условиями работы в различных организациях, что помогает выпускникам формироваться как работникам, выбирать место постоянной работы после окончания учебы, заинтересовать собой работодателя. Трудовые предпочтения саратовских выпускников, свидетельствуют о высоких адаптационных способностях сегодняшней молодёжи. Это дает основания ожидать дальнейшего роста численности работающих студентов, актуализации их выхода на рынок труда, предопределяет потребность в повышении роли вузов в организации вторичной занятости студентов по специальности, стимулировании интереса к своей будущей профессии и повышении эффективности

проведения производственной практики в тесном контакте с будущими работодателями молодых специалистов.

Примечания

- ¹ Федотова Н.А. Профессиональный потенциал выпускников вузов // Человеческие ресурсы. 1999. № 1, 2. С 14–16.
- ² Чупров В.И. Молодежь в общественном воспроизводстве. // Социологические исследования. 1998. № 3. С. 95.
- ³ В ходе исследования, проведенного в рамках ЦРСИ СГУ в 2009 г., по целевой выборке было опрошено методом анкетирования 150 выпускников Саратовского государственного университета в возрасте от 21 до 24 лет (75 юношей и 75 девушек). 33% опрошенных – студенты 5-х курсов гуманитарной сферы, 35% – естественно-научной и 32% – представители технической сферы обучения.
- ⁴ Четвернина Т.С. Положение безработных и государственная политика на рынке труда // Вопросы экономики. 1997. № 2. С. 100.
- ⁵ Хамаганова Г.А. Региональные программы содействия занятости // Человек и труд. 2004. № 4. С. 25.

УДК 316.334.52 (5)

ФИНАНСОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ

А.А. Воронов

Саратовский государственный университет
E-mail: DylnovGV@info.sgu.ru

В статье ставится проблема повышения финансовой грамотности студентов, по результатам социологического исследования дается оценка их знаний, умений и навыков в сфере финансов, анализируются основные теоретические и практические аспекты финансовых стратегий студентов, их планов и опыта относительно финансовых услуг.

Ключевые слова: финансовая грамотность, студенты, опыт пользования банковскими услугами, финансовая активность.

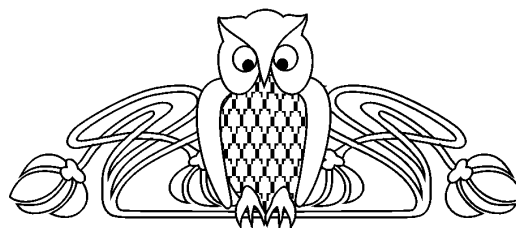
Financial Literacy of the Russian Students.

A.A. Voronov

The article is focused the problem of the students' level of knowledge increasing. Using the materials of the social research, students' skills and knowledge in the financial sphere are estimated. The main theoretical and practical aspects of the finance students' strategies, their plans and experience concerning financial services were analyzed.

Key words: financial literacy, students, banking service experience, financial activity.

Уровень финансовой грамотности российского населения в настоящее время чрезвычайно

низок, и его повышение – актуальная потребность для всех участников рынка. Поэтому сегодня Министерство финансов РФ работает над составлением программы повышения финансовой грамотности. Однако это предполагает решение ряда методологических и информационных проблем, которые невозможно осуществить вне социологического ракурса.

В социологии само определение грамотности (не финансовой, а общей) вызывает много споров. Как указывает П. Робертс¹, с начала 40-х гг. XX в. ученые не могут прийти к единому мнению, что именно считать грамотностью. В частности, грамотностью называется возможность самостоятельно оперировать записанной в символах информацией, или использование навыков общения, чтения и письма для расширения возможностей понимания мира. Однако в русле качественного определения грамотности не существует единого понимания, что заметно усложняет изучение процесса.

Национальный фонд исследований в сфере образования (National Foundation for Educational

специальность, тем легче выпускники оценивают своё будущее трудоустройство, тем больше ориентация на профессиональную самореализацию и карьерный рост. Особенно в этом помогает опыт вторичной занятости по специальности, который способствует более реалистичному отношению к своей будущей трудовой деятельности. Сегодня работа для студента – получение практического профессионального опыта, новых знаний, ускоряющих процесс их профессионального становления и последующего трудоустройства; ознакомление с условиями работы в различных организациях, что помогает выпускникам формироваться как работникам, выбирать место постоянной работы после окончания учебы, заинтересовать собой работодателя. Трудовые предпочтения саратовских выпускников, свидетельствуют о высоких адаптационных способностях сегодняшней молодёжи. Это дает основания ожидать дальнейшего роста численности работающих студентов, актуализации их выхода на рынок труда, предопределяет потребность в повышении роли вузов в организации вторичной занятости студентов по специальности, стимулировании интереса к своей будущей профессии и повышении эффективности

проведения производственной практики в тесном контакте с будущими работодателями молодых специалистов.

Примечания

- ¹ Федотова Н.А. Профессиональный потенциал выпускников вузов // Человеческие ресурсы. 1999. № 1, 2. С 14–16.
- ² Чупров В.И. Молодежь в общественном воспроизводстве. // Социологические исследования. 1998. № 3. С. 95.
- ³ В ходе исследования, проведенного в рамках ЦРСИ СГУ в 2009 г., по целевой выборке было опрошено методом анкетирования 150 выпускников Саратовского государственного университета в возрасте от 21 до 24 лет (75 юношей и 75 девушек). 33% опрошенных – студенты 5-х курсов гуманитарной сферы, 35% – естественно-научной и 32% – представители технической сферы обучения.
- ⁴ Четвернина Т.С. Положение безработных и государственная политика на рынке труда // Вопросы экономики. 1997. № 2. С. 100.
- ⁵ Хамаганова Г.А. Региональные программы содействия занятости // Человек и труд. 2004. № 4. С. 25.

УДК 316.334.52 (5)

ФИНАНСОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ

А.А. Воронов

Саратовский государственный университет
E-mail: DylnovGV@info.sgu.ru

В статье ставится проблема повышения финансовой грамотности студентов, по результатам социологического исследования дается оценка их знаний, умений и навыков в сфере финансов, анализируются основные теоретические и практические аспекты финансовых стратегий студентов, их планов и опыта относительно финансовых услуг.

Ключевые слова: финансовая грамотность, студенты, опыт пользования банковскими услугами, финансовая активность.

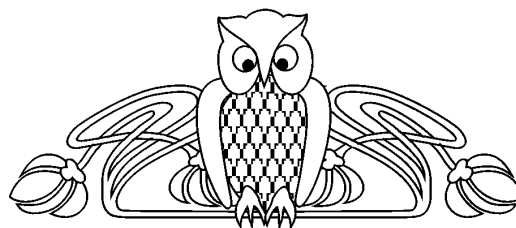
Financial Literacy of the Russian Students.

A.A. Voronov

The article is focused the problem of the students' level of knowledge increasing. Using the materials of the social research, students' skills and knowledge in the financial sphere are estimated. The main theoretical and practical aspects of the finance students' strategies, their plans and experience concerning financial services were analyzed.

Key words: financial literacy, students, banking service experience, financial activity.

Уровень финансовой грамотности российского населения в настоящее время чрезвычайно

низок, и его повышение – актуальная потребность для всех участников рынка. Поэтому сегодня Министерство финансов РФ работает над составлением программы повышения финансовой грамотности. Однако это предполагает решение ряда методологических и информационных проблем, которые невозможно осуществить вне социологического ракурса.

В социологии само определение грамотности (не финансовой, а общей) вызывает много споров. Как указывает П. Робертс¹, с начала 40-х гг. XX в. ученые не могут прийти к единому мнению, что именно считать грамотностью. В частности, грамотностью называется возможность самостоятельно оперировать записанной в символах информацией, или использование навыков общения, чтения и письма для расширения возможностей понимания мира. Однако в русле качественного определения грамотности не существует единого понимания, что заметно усложняет изучение процесса.

Национальный фонд исследований в сфере образования (National Foundation for Educational

Research, NFER, UK) определяет финансовую грамотность как умение выдвигать информированные суждения и принимать эффективные решения в отношении использования и управления деньгами². ОЭСР определяет финансовую грамотность как понимание финансовых продуктов и, вследствие этого, осознание финансовых рисков и возможностей, принятие информированных решений, возможность обратиться за советом к профессиональному консультанту³. Однако эксперты указывают на необходимость учета социального контекста для понимания финансовой грамотности⁴. Конечно, не следует ожидать от большинства жителей страны экспертного знания в области финансов, а лишь того уровня знаний, который необходим в сфере его жизни. Однако при этом эксперты осознают некоторый уровень знаний, соответствующий «среднему» гражданину (очевидно, подразумевается минимальный набор знаний и навыков, необходимый для выживания в современном обществе).

В мировой практике, а теперь и в российской, понятие финансовой грамотности принято разделять на 3 составляющих⁵: 1) финансовые знания, которые представляют собой общее понимание финансовых вопросов, финансовых инструментов. Знания требуют получения соответствующих навыков для практического применения; 2) навыки и компетенции. Навыки, как уже отмечалось, позволяют применять накопленные знания в различных ситуациях; 3) финансовая ответственность (установки) предполагает осознание влияния финансовых решений на более широкий спектр проблем. Финансовая ответственность позволяет индивиду осознавать свои права и обязанности, формирует установки на планирование, анализ, оценки и мониторинг своих финансовых решений.

Под финансовой грамотностью сегодня можно понимать знание о финансовых институтах и предлагаемых ими продуктах, а также умение их использовать при возникновении потребности и понимание последствий своих действий. Финансовая грамотность как понятие разбивается на три взаимосвязанных части: установки, знания и навыки.

Первая часть – установки – это базис финансовой грамотности. Речь идет о формировании культуры финансового поведения, которая начинается с планирования семейного бюджета, причем на длительную перспективу, и выработки стратегии реализации потребностей жизненного цикла. Однако пока знания и навыки долгосрочных стратегий финансового планирования не развиты, сохраняется привычка думать только о сегодняшнем дне. Именно эту установку можно и нужно изменить в ходе реализации программы повышения финансовой грамотности населения через формирование в сознании людей понимания того, что жизненный цикл любого человека включает определенные события, к которым не-

обходимо подойти финансово подготовленным. Это создание семьи, рождение детей, покупка квартиры или дома, образование детей, пенсия. Решение всех этих задач невозможно без использования инструментов финансового рынка.

Другой важной установкой, препятствующей развитию финансовой активности населения, является недоверие населения финансовым институтам. Преодоление такого отношения необходимо через убеждение людей в том, что существование данных институтов является нормой для любого современного общества, неотъемлемым и функциональным элементом рынка. Государственная программа должна сосредоточиться в первую очередь на формировании установок и базисных знаний и навыков на финансовом рынке, финансового минимума, причем делать это через информирование о моделях поведения, рассчитанных на удовлетворение определенной потребности.

Необходимые знания должны включать: понятие риска и доходности, дисконтирования, инфляции, понимание различий между реальным и номинальным измерениями, наличными и безналичными платежами, принципы и схемы функционирования финансового рынка, понимание природы и функций финансовых институтов, инструментов, азы юридической и налоговой грамотности, понимание границ ответственности финансовых институтов перед клиентами и клиентов перед финансовыми институтами, владение минимальным финансовым словарем и т.п.

Необходимые навыки: умение искать и находить информацию о рынке, привычка следить за основными показателями рынка, умение читать договор и понимать содержащуюся в нем информацию, сравнивать между собой предложения различных компаний, умение подавать претензию или жалобу в том случае, если права клиента нарушены и т.п. Необходимо сформировать привычку следить за событиями на финансовом рынке, например, за уровнем процентных ставок по кредитам и депозитам, доходностью ПИФов, стоимостью страховых продуктов и т.п., развивать навык чтения договоров и понимания смысла написанного.

В ходе социологического исследования⁶ для оценки уровня финансовой грамотности студентов были использованы два показателя: субъективная и объективная оценки. Если субъективная оценка была получена на основании самооценок студентов собственного уровня грамотности, то объективная строилась на основе ответов студентов на тестовые задания. В результате выявилось, что финансовая грамотность студентов по субъективной оценке находится на достаточно высоком уровне – почти половина (45%) студентов оценивают свои знания и навыки по управлению личными финансами как хорошие и отличные. Среди россиян в целом таковых 12%, а россиян с высшим образованием – 21%. При этом студенты экономических специальностей оценивают свои

знания выше – 53%. Уровень финансовой грамотности студентов по объективной оценке также высок и коррелирует с уровнем субъективной финансовой грамотности – почти треть студентов ответили правильно на 10 и более вопросов из 26, входящих в индекс финансовой грамотности, 41% ответили правильно на 7–9 вопросов. Наиболее высокий уровень финансовой грамотности среди студентов всех специализаций показали студенты-экономисты, причем как по уровню субъективных, так и объективных оценок.

Наиболее высокие результаты студенты показали в ответах на вопросы по финансовой математике и навыкам управления с финансами (6–7 баллов из 10 возможных), тогда как средние баллы за установки и знания были значительно ниже (4–5 баллов из 10 возможных). Наименее известны студентам вопросы, связанные с потребительским кредитованием и пониманием его стоимости и умением сравнивать стоимость различных кредитных продуктов между собой. Именно на этой сфере требуется сделать акцент в программах повышения финансовой грамотности для студентов.

Что касается различий по федеральным округам, то они оказались значимы, причем даже при использовании нормирования долей студентов различных специализаций в окружных выборках. На первом месте по уровню общего индекса финансовой грамотности и всех его компонент оказался Северо-Западный федеральный округ, на втором – Приволжский, и только на третьем – Центральный. Причем следует обратить внимание на то, что по уровню знаний (один из четырех компонентов финансовой грамотности) ЦФО оказался на самом последнем месте, пропустив вперед даже ДВФО, который по всем остальным компонентам финансовой грамотности занял самое последнее место.

Исследование показывает высокий уровень пользования финансовыми услугами – 84% студентов пользуются какой-либо финансовой услугой. Активность студентов экономических факультетов практически по всем видам финансовых услуг выше остальных, за исключением кредитной карты – здесь гуманитарии на первом месте. Студенты естественно-биологических и технических факультетов занимают в большинстве случаев промежуточное положение между экономистами и гуманитариями, единственный вид услуг, в котором они лидируют – платежи в сети Интернет.

В разрезе федеральных округов большей финансовой активностью выделяется ЦФО, где сосредоточены ведущие вузы страны, а также ПФО (в части пользования банковскими картами и срочными вкладами) и СЗФО – по банковским картам и обмену валюты. Необходимо обратить внимание на ДВФО, где уровень пользования финансовыми услугами существенно ниже, чем в других округах (почти 20% студентов указали,

что не пользуются никакими из перечисленных финансовых услуг).

Каждый десятый опрошенный указывает на то, что ему (ей) приходилось покупать в течение последнего года какую-либо финансовую услугу, о покупке которой они потом сожалели. В перечне таких услуг доминируют кредиты (прежде всего потребительские – 22%), банковские вклады (17%) и банковские кредитные карты (15%). Почти половина из тех, кто столкнулся с такой проблемой, пассивны, т.е. не сделали ничего для того, чтобы решить данную проблему (45%).

В случае возникновения конфликта с финансовой организацией (банком, страховой компанией и т.п.) по поводу оказанных финансовых услуг в той или иной степени уверены в быстром и справедливом разрешении спора лишь 17% студентов, больше трети не уверены, и 38% не могут дать какой-либо однозначный ответ, оценивая свои шансы как 50 на 50. Тем не менее, уверенность больше у тех студентов, которые сами оценивают свои финансовые знания и навыки как хорошие или удовлетворительные.

Большинство студентов интересуются тенденциями на финансовых рынках – только 20% указали на то, что они никаких тенденций не отслеживают. Среди россиян в целом каждый третий респондент указал, что не отслеживает никаких тенденций. В разрезе специализации студенты-экономисты гораздо активнее в отслеживании тенденций на финансовых рынках. Кроме того, чем выше оценка собственных финансовых знаний, тем больше проявляется активный интерес к тенденциям на финансовых рынках. В разрезе федеральных округов различия статистически значимы и самым неактивным предстает Дальневосточный федеральный округ – свыше четверти студентов указали, что никаких тенденций не отслеживают, а доля тех, кто интересуется изменениями в уровне инфляции, процентных ставок по кредитам и вкладам и котировками на фондовом рынке, в 1,5–2 раза ниже, чем в целом по выборке.

При необходимости получения информации о финансовых услугах студенты чаще всего обращаются к знакомым, работающим в финансовом секторе (50%). В тройку лидеров вошли представители финансовых компаний и независимые финансовые консультанты. На четвертом – советы родителей (32%). Студенты-экономисты в гораздо большей степени отдают предпочтение профессиональным советам со стороны агентов финансовых рынков, тогда как студенты гуманитарных, естественных и технических факультетов чаще других обратились бы к друзьям, приятелям, супругу (е).

Анализ ответов студентов об ответственности за риски, связанные с использованием различными финансовыми услугами, показал, что как минимум треть опрошенных предпочли бы переложить ответственность за личные финансовые риски и инвестиционные вложения с себя на

государство. В целом студенты проявили большую заинтересованность в дополнительных знаниях об управлении личными денежными средствами – 71% хотели бы знать больше об этой сфере. Тем не менее, доля тех, кто считает, что он (она) знает то, что ему (ей) нужно, достаточно высока и составляет 25%. По данным аналогичного исследования, проводившегося в прошлом году среди школьников старших классов, доля таковых была 34%. Студенты экономических факультетов испытывают большую потребность в дополнительных финансовых знаниях (77% сказали об этом), тогда как гуманитарии и технари, чей уровень финансовой грамотности ниже, не испытывают потребности в ее повышении (почти 30% студентов этих факультетов не хотят знать больше об управлении личными финансами). В разрезе федеральных округов максимальная потребность студентов в повышении уровня своей финансовой грамотности наблюдается в Дальневосточном и Южном округах, а минимальная – в Приволжском и Сибирском округах.

Степень интереса к получению новых знаний, причем по всем компонентам финансовой грамотности, зависит от уже достигнутого уровня: чем больше студенты знают, тем чаще говорят, что хотели бы знать больше. Таким образом, нужно учитывать, что для программ, разрабатываемых для нулевого изначального уровня финансовой грамотности, необходимо в большей степени использовать методики, направленные на формирование и поддержание интереса к данной теме, нежели чем передаче большого объема знаний и информации. Знания и информация будут чаще востребованы на более продвинутых уровнях финансового ликбеза.

Интерес к финансовой тематике со стороны студентов весьма высок – по всем предложенным темам более половины студентов в той или иной степени заинтересованы в получении дополнительной информации. При этом в наибольшей степени востребована информация, касающаяся защиты прав потребителей финансовых услуг и защиты от рисков при их пользовании. На втором месте оказалась группа тем, связанных со знанием того, как и где искать информацию о финансовых услугах и как ее отличить от рекламы, какими налогами облагаются доходы граждан. В этой же группе оказались темы, отражающие довольно высокий интерес студентов к страхованию, налоговой системе, пенсионной системе и фондовому рынку. В конце же списка оказались формулировки, связанные с описаниями таких услуг, как банковские счета и вклады, потребительский кредит, кредитные карты, а также кредитные бюро. Таким образом, можно сделать вывод о том, что предмет финансовой грамотности (в виде отдельного курса или факультатива) в вузах должен в большей степени быть проблемно ориентирован, нежели чем описателен. Студенты лучше воспримут материал, поданный в проблемной форме, развивающей

компетенции потребителя, нежели чем описания финансовых институтов и услуг как таковых.

Как показывают результаты опроса, чаще всего в качестве учителя финансовой грамотности студенты хотели бы видеть независимых финансовых консультантов. Следующие три места в предпочтениях студентов занимают сотрудники государственных организаций, регулирующих данные рынки, коммерческих банков и вузов экономического и финансового профиля. Следует заметить, что популярность государственных органов – регуляторов финансовых рынков в 2 с лишним раза выше, чем общественных организаций, занимающихся защитой прав потребителей (при том, что именно тема защиты своих прав как потребителей является одной из самых главных, по которой студенты очень хотели бы узнать больше). Все остальные лица – сотрудники пенсионных фондов, страховых компаний, а также журналисты, не пользуются спросом в качестве учителей финансовой грамотности.

Наиболее важной является проблема повышения финансовой грамотности студентов, что позволит достичь максимального охвата различных слоев населения. Однако работа не должна ограничиться введением отдельного предмета или раздела программы в существующих курсах, для решения проблемы выделения часов на финансовую грамотность достаточно было бы вернуть экономику в федеральный компонент программы. Помимо этого необходимым представляется создание системы дополнительного, факультативного образования в рамках государственно-частного партнерства, в которой при участии банков, управляющих компаний и других участников рынка, а также некоммерческих организаций, в вузах появлялись бы внеучебные формы работы со студентами: дни открытых дверей, экскурсии, кружки «юных финансистов» и т.д. Основные каналы информирования населения – телевидение, радио, печатные СМИ, печатные материалы в виде книг, брошюр, листовок, музеи финансовой истории, дни открытых дверей в финансовых компаниях и т.п.

Рост финансовой грамотности приведет к стабильному повышению уровня пользования финансовыми продуктами. Недостаток грамотности может привести к снижению финансовой активности. Спрос на финансовые услуги растет по мере роста денежных доходов населения, однако приход на рынок людей с низкой финансовой грамотностью может создать большие проблемы для адекватной работы финансовых рынков. Если люди, делая свой выбор, не могут отличить добросовестные компании от недобросовестных, инвесторы реагируют на ложные сигналы и паникуют при первых же негативных новостях, а заемщики отказываются платить по своим обязательствам, то за коротким периодом роста неизбежно последует кризис и новый спад интереса населения к финансовому рынку.

И хотя сами участники рынка заинтересованы в росте финансовой грамотности населения, немногие из них делают что-либо для ее повышения. Основным барьером является то, что игроки не заинтересованы в том, чтобы за свои деньги создавать общественное благо для всего рынка, а договориться между собой и преодолеть «проблему безбилетника» они даже не пытаются. В силу этого необходим координатор в лице государства, способный объединять усилия участников рынка в данном направлении, следить за тем, чтобы программы повышения финансовой грамотности не свелись к рекламным и маркетинговым действиям по продвижению продуктов и привлечению клиентов; наладить сбор и анализ информации, например, по тем жалобам от населения, которые поступают в организации, контролирующие и регулирующие финансовые рынки; совершенствовать законодательную базу для того, чтобы недобросовестные участники не имели возможности предоставлять финансовые услуги населению; проводить политику повышения прозрачности работы финансовых институтов: раскрытие информации, унификация договоров. Повышение финансовой грамотности обязательно должно сопровождаться как повышением прозрачности финансовых институтов, так и доступности информации об их услугах, сравнимости условий по различным продуктам. Необходим закон о финансовых услугах, который бы определил правила поведения любой компании, предлагающей товары и услуги населению с предоплатой.

Примечания

- ¹ Roberts P. Defining Literacy: Paradise, Nightmare or Red Herring? // British Journal of Educational Studies. 1995. Vol. 43. № 4. P. 412–432. [Электронный ресурс]. URL

//<http://www.jstor.org/stable/3121809>. (дата обращения 17.01.2010)

- ² Measuring Financial Capability: an Exploratory Study. Financial Services Authority. 2005. [Электронный ресурс]. URL: //<http://www.fsa.gov.uk/pubs/consumer-research/crpr37.pdf>. (дата обращения 17.01.2010)
- ³ Improving Financial Literacy. Analysis of Issues and Policies. OECD. 2005. [Электронный ресурс]. URL //http://www.oecd.org/document/28/0,3343,en_2649_15251491_35802524_1_1_1_1,00.html. (дата обращения 17.01.2010)
- ⁴ Correia A. Information literacy for an active and effective citizenship: White paper prepared for Unesco, the US National Commission on Libraries and Information Science and the National Forum on Information Literacy, for use at the Information Literacy Meeting of experts, Prague, July 2002. [Электронный ресурс]. URL: //<http://www.nclis.gov/libinter/infolitconf&meet/papers/correiafullpaper>. (дата обращения 17.01.2010)
- ⁵ Measuring Financial Capability: an Exploratory Study. Financial Services Authority. 2005. [Электронный ресурс]. URL //<http://www.fsa.gov.uk/pubs/consumer-research/crpr37.pdf>; <http://nacfin.ru/finansovaja-gramotnost-naselenija-rossii/zasedanie-koordinacionnogo-komiteta-po-finansovoi-gramotnosti.html>. (дата обращения 17.01.2010)
- ⁶ С целью оценки уровня финансовой грамотности студентов и их отношения к преподаванию азов финансовой грамотности в вузах общероссийской группой компаний ЦФТ (Центра финансовых технологий) с участием ЦРСИ СГУ и автора статьи было проведено социологическое исследование по выявлению востребованности знаний о финансовом рынке, финансовых институтах и услугах со стороны студентов. Объем и структура выборочной совокупности: опрошено 4794 студента в 7 федеральных округах в 17 городах России, в том числе 1265 студента (26,4%) – в ПФО.

УДК 316.346.32-0532-056.24

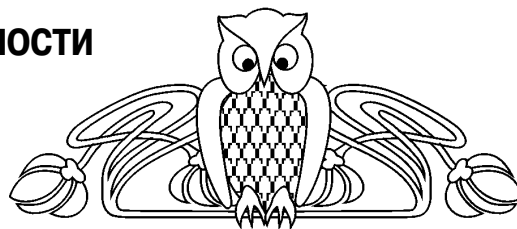
СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ В РАКУРСЕ НАРОДОСБЕРЕЖЕНИЯ РОССИИ

О.Н. Потапова

Педагогический институт
Саратовского государственного университета,
E-mail: potan57@mail.ru.

Статья посвящена репродуктивным проблемам молодежи в России. Представлены результаты социологического опроса по данной тематике. Предлагаются приоритетные направления основных превентивных мероприятий в ракурсе народосбережения.

Ключевые слова: молодежь, репродуктивное поведение и установки, семья, брак, брачность, развод.

Socially-demographic Features of Reproductive Behavior of Youth in a Foreshortening of Saving of the Russian Population

O.N. Potapova

Clause is devoted to reproductive problems of youth in Russia. Results of sociological interrogation on the given subjects are presented. The prioritetal directions main preventive measures of the saving of population are offered.

И хотя сами участники рынка заинтересованы в росте финансовой грамотности населения, немногие из них делают что-либо для ее повышения. Основным барьером является то, что игроки не заинтересованы в том, чтобы за свои деньги создавать общественное благо для всего рынка, а договориться между собой и преодолеть «проблему безбилетника» они даже не пытаются. В силу этого необходим координатор в лице государства, способный объединять усилия участников рынка в данном направлении, следить за тем, чтобы программы повышения финансовой грамотности не свелись к рекламным и маркетинговым действиям по продвижению продуктов и привлечению клиентов; наладить сбор и анализ информации, например, по тем жалобам от населения, которые поступают в организации, контролирующие и регулирующие финансовые рынки; совершенствовать законодательную базу для того, чтобы недобросовестные участники не имели возможности предоставлять финансовые услуги населению; проводить политику повышения прозрачности работы финансовых институтов: раскрытие информации, унификация договоров. Повышение финансовой грамотности обязательно должно сопровождаться как повышением прозрачности финансовых институтов, так и доступности информации об их услугах, сравнимости условий по различным продуктам. Необходим закон о финансовых услугах, который бы определил правила поведения любой компании, предлагающей товары и услуги населению с предоплатой.

Примечания

- ¹ Roberts P. Defining Literacy: Paradise, Nightmare or Red Herring? // British Journal of Educational Studies. 1995. Vol. 43. № 4. P. 412–432. [Электронный ресурс]. URL

//http://www.jstor.org/stable/3121809. (дата обращения 17.01.2010)

- ² Measuring Financial Capability: an Exploratory Study. Financial Services Authority. 2005. [Электронный ресурс]. URL: //http://www.fsa.gov.uk/pubs/consumer-research/crpr37.pdf. (дата обращения 17.01.2010)
- ³ Improving Financial Literacy. Analysis of Issues and Policies. OECD. 2005. [Электронный ресурс]. URL //http://www.oecd.org/document/28/0,3343,en_2649_15251491_35802524_1_1_1_1,00.html. (дата обращения 17.01.2010)
- ⁴ Correia A. Information literacy for an active and effective citizenship: White paper prepared for Unesco, the US National Commission on Libraries and Information Science and the National Forum on Information Literacy, for use at the Information Literacy Meeting of experts, Prague, July 2002. [Электронный ресурс]. URL: //http://www.nclis.gov/libinter/infolitconf&meet/papers/correiafullpaper. (дата обращения 17.01.2010)
- ⁵ Measuring Financial Capability: an Exploratory Study. Financial Services Authority. 2005. [Электронный ресурс]. URL //http://www.fsa.gov.uk/pubs/consumer-research/crpr37.pdf ; http://nacfin.ru/finansovaja-gramotnost-naselenija-rossii/zasedanie-koordinacionnogo-komiteta-po-finansovoi-gramotnosti.html. (дата обращения 17.01.2010)
- ⁶ С целью оценки уровня финансовой грамотности студентов и их отношения к преподаванию азов финансовой грамотности в вузах общероссийской группой компаний ЦФТ (Центра финансовых технологий) с участием ЦРСИ СГУ и автора статьи было проведено социологическое исследование по выявлению востребованности знаний о финансовом рынке, финансовых институтах и услугах со стороны студентов. Объем и структура выборочной совокупности: опрошено 4794 студента в 7 федеральных округах в 17 городах России, в том числе 1265 студента (26,4%) – в ПФО.

УДК 316.346.32-0532-056.24

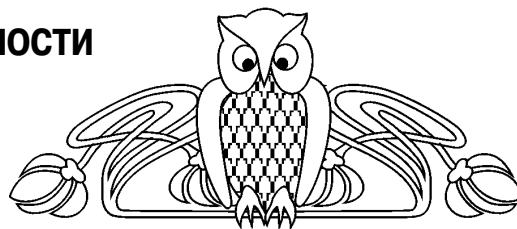
СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ В РАКУРСЕ НАРОДОСБЕРЕЖЕНИЯ РОССИИ

О.Н. Потапова

Педагогический институт
Саратовского государственного университета,
E-mail: potan57@mail.ru.

Статья посвящена репродуктивным проблемам молодежи в России. Представлены результаты социологического опроса по данной тематике. Предлагаются приоритетные направления основных превентивных мероприятий в ракурсе народосбережения.

Ключевые слова: молодежь, репродуктивное поведение и установки, семья, брак, брачность, развод.

Socially-demographic Features of Reproductive Behavior of Youth in a Foreshortening of Saving of the Russian Population

O.N. Potapova

Clause is devoted to reproductive problems of youth in Russia. Results of sociological interrogation on the given subjects are presented. The prioritetal directions main preventive measures of the saving of population are offered.

Key words: youth, reproductive conduct and putting, family, marriage, divorce.

Современная молодежь – это особая социальная группа населения, определяющая количественный и качественный состав экономического, научного, военного, творческого потенциала страны. Помимо роли основного трудового резерва страны молодежь является той частью населения, которая определяет социокультурные особенности современной российской семьи и, в конечном счете, темпы воспроизводства населения в России. Переход к рыночным отношениям и изменения в экономике способствовали обесцениванию моральных устоев общества и утверждению культа «праздной» жизни, материальных благ и денег. Крушение идеологических постулатов советского общества способствовало формированию духовного вакуума у молодежи, деформируя мировосприятие и мироощущение как взрослых, так и молодых людей. При этом определенная часть молодежи не приобрела основополагающих жизненных принципов и нравственных ориентиров. Нарушены межпоколенческие связи и отношения. «Для успешного функционирования человеческого общества, как целостной социальной системы, ему необходимо закрепить и сделать обязательными для своих членов наиболее важные типы социальных отношений, обеспечивающих удовлетворение соответствующих потребностей. Потребность в воспроизводстве заставляет людей социализировать подрастающее поколение, закреплять, поддерживать и обновлять передаваемые ему традиционные социокультурные позиции и отношения»¹. Некоторые слои молодежи отрицают нравственные принципы предшествующих поколений, не имея при этом новых, не знают историю своего рода. Школа и религиозные конфессии практически не влияют на воспитание нравственных установок у этой молодежной группы. В сочетании с сокращительной и навязчивой пропагандой СМИ, рекламирующих безудержную свободу эмоций и сексуальных отношений, бездушную физическую силу и огромные деньги, незаметно и всепоглощающе занимая умы и сердца молодых людей, это привело к образованию безвольной и беспринципной прослойки в молодежной среде, представители которой по воле случая становятся маргинальными личностями, наркоманами, лудоманами, вступают в связь с криминалом. Естественно, что позитивные репродуктивные установки у этой части молодежи отсутствуют, что приводит к беспорядочным половым связям и ранним сексуальным отношениям. Незащищенные сексуальные отношения, начинающиеся в подростковом возрасте, являются факторами риска для здоровья девушки так же, как ранние аборт и болезни, передаваемые половым путем. Результатом ранней половой активности, неразборчивости и низкой культуры половых отношений является

феномен «подросткового материнства»², что негативно влияет как на здоровье матерей, так и на здоровье новорожденных детей и приводит к их инвалидизации. Наблюдается также неуклонный рост числа заболеваний, передающихся половым путем, и ВИЧ-инфекции. Так, в 1998 г. уровень заболеваемости сифилисом среди подростков составил в РФ 277,3 на 100000 населения, гонореей – 74,3 на 100000. Все эти заболевания, перенесенные в подростковом возрасте, являются в будущем причиной бесплодия и рождения ребенка с пороками развития и умственной отсталостью. Растет заболеваемость СПИДом среди подростков. Так, в Саратовской области количество ВИЧ-инфицированных составляет 7,5 тыс. человек, причем большинство из них – девушки и женщины репродуктивного возраста, инфицированные половым путем. В результате беспорядочных половых связей и незапланированных беременностей у этих женщин растет количество детей с врожденным ВИЧ-инфицированием, которые затем оказываются без попечения родителей, так как матери отказываются от них еще в роддоме.

В настоящее время в России, согласно заявлению главы МВД Р.Г. Нургалиева, насчитывается 700 тысяч детей-сирот, 2 млн неграмотных подростков, более 6 млн детей находятся в социально-неблагоприятных условиях, т.е. не получают необходимого воспитания и образования. Около 4 млн подростков употребляют наркотики, 2 млн подвергаются различным видам насилия. Таким образом, в среднем по стране насчитывается от 2 до 5 млн безнадзорных детей и подростков.

По данным Всероссийской переписи населения 2002 г., молодежь в возрасте от 20 до 34 лет составляет в общей сложности 31915754 человека, т.е. около 23% населения России. При этом число молодых людей в возрасте от 20 до 24 лет составляет 11466404 человека (7,9%), от 25 до 29 лет – 10612976 человек (7,31%), от 30 до 34 лет – 9836374 (6,78%). Согласно этим цифрам, численность молодежи репродуктивного возраста с возрастом уменьшается. Количество молодежи мужского пола от 20 до 24 лет составляет 5783137 человек (8,5%), от 25 до 29 лет – 5314150 человек (7,86%), от 30 до 34 лет – 4914529 человек (7,27%). Численность молодых женщин представлена следующими данными: от 20 до 24 лет 5683267 человек (7,33%), от 25 до 29 лет – 5298826 (6,83%), от 30 до 34 лет – 4921845 (6,35%) .

На фоне отрицательной динамики численности молодых людей обоего пола с возрастом, брачность в России по сравнению с прошлыми годами немного возросла – если в 1998 г. она составляла 848,7 тысяч зарегистрированных браков, то в 2005 г. уже 1066,4 тыс. в год . При этом количество разводов за последнее время уменьшилось: в 2002 году – 853500 (6,0 на 1000 населения), а в 2005 году – 604700 (4,2 на 1000 населения).

В связи со сложившейся демографической ситуацией определенным интерес представляет

социологический опрос, проведенный автором методом анкетирования среди студентов дневного отделения Педагогического института СГУ им. Н.Г. Чернышевского и заочного отделения Поволжского филиала Московского государственного университета путей сообщения (МИИТ) в возрасте от 18 до 22 лет по проблеме брака и семьи. В анкете было предложено ответить на 30 вопросов.

На вопрос о том, что является главным для них в жизни – карьера, семья или все вышперечисленное, большинство выбрало и то, и другое (55%) и 67,5% главенствующую роль семьи отметили 30% девушек и 27,5% юношей. Карьеру предпочли 15% девушек и 5% юношей. Цель создания семьи для рождения и воспитания детей видят 37% юношей и девушек. Смысл создания семьи в продолжении рода – 19% девушек и 12,5% юношей. И ту, и другую цели вместе в создании семьи видят 44% девушек и 45% юношей. При этом оптимальным возрастом для создания семьи практически единодушно признан возраст от 21 до 25 лет – так считают 85% девушек и 80% юношей. Все опрошенные студенты категорически против брака по расчету и предпочитают брак по любви. К своему спутнику жизни предъявляют следующие требования.

Девушки – преимущественно в следующей последовательности по степени важности – ум, порядочность, любовь к детям и желание иметь детей, ответственность за семью, доброта, любовь к спутнику жизни. Юноши предъявляют эти требования преимущественно в другом порядке по степени важности: любовь к спутнику жизни, честность, ответственность за семью, любовь к детям и желание иметь детей, трудолюбие, доброта, ум. Характерным является то, что и юноши, и девушки почти единодушно признают такие качества, как красота, богатство, богатый жизненный опыт второстепенными по степени важности.

Большинство опрошенных хотят иметь детей: 82,5% юношей и 93% девушек. При этом двоих детей хотят иметь 47,5% юношей и 70% девушек. Одного ребенка хотят 25% юношей и 27% девушек, в основном по той причине, что уже имеют одного ребенка. Троих детей и более хотят иметь всего лишь 17,5% юношей и 3% девушек. Не хотят детей 10% юношей. Планируют рождение ребенка сразу же после заключения брака 45% юношей, не планируют 30%. Среди девушек на этот вопрос аналогично ответили соответственно 59 и 30% опрошенных девушек.

Планируют рождение детей, в основном, в 21–25 лет 60% юношей и 70% девушек. Юноши мечтают, но не могут себе позволить иметь детей из-за жилищных проблем – 32,5% опрошенных, отсутствия достойного спутника жизни – 27,5% опрошенных, финансовых трудностей – 25%, социально-экономической нестабильности в стране – 33% опрошенных. Для девушек решающими стали следующие причины: нет достойного спут-

ника жизни – 27%, уже есть дети – 11%, жилищные проблемы – 27%, желание сделать карьеру – 11%, финансовые трудности – 14%, социально-экономическая нестабильность в стране – 11%. Незарегистрированный или гражданский брак признают 50% опрошенных юношей и 59% опрошенных девушек, не признают 27,5% опрошенных юношей и 22% опрошенных девушек. Создание семьи и рождение детей в гражданском браке возможно для 47,5% юношей и 40% девушек, невозможно для 32,5% юношей и 53% девушек.

Отрицательно относятся к внебрачным половым связям 22,5% юношей и 52% девушек, положительно – 47,5% юношей и 11% девушек, считают это вполне возможным 30% юношей и 37% девушек.

Все опрошенные знают об инфекциях, передающихся половым путем. Как юноши, так и девушки хорошо осведомлены о таких инфекциях, как гонорея, сифилис, ВИЧ-инфекция. Мало знают или совсем не слышали о хламидиозе, трихомониазе, вирусном гепатите В, герпесе. Большую осведомленность в этом вопросе проявили девушки. О профилактике таких заболеваний знают 62,5% юношей и 78% девушек, не знают 15% юношей и 7% девушек, затрудняются с ответом 22,5% юношей и 11% девушек. Сексуальный дебют, как правило, происходил раньше у юношей (15–16 лет), в исключительном случае даже с 10 лет, у девушек в 16–18 лет. При этом с современными средствами контрацепции знакомы 95% юношей и 96% девушек. О причинах возникновения бесплодия знают 75% юношей и 89% девушек. По отношению к абортам высказались отрицательно 75% юношей и 89% девушек, положительно – 20% юношей и 17% девушек, остальные равнодушно относятся к этой проблеме.

Против детского сиротства высказались 62,5% юношей и 78% девушек.

О проблеме роста числа разводов и неполных семей знают 72,5% юношей и 85% девушек. При этом положительно изменить свои установки по отношению к браку, семье желают лишь 40% юношей и 54% девушек. О депопуляции в России слышали 42,5% юношей и 57% девушек. Наличие демографического кризиса связывают в основном с социально-экономической нестабильностью в стране 62,5% юношей и 67% девушек, обнищанием населения – 17,5% юношей и 26% девушек.

О том, что употребление алкоголя, никотина, наркотиков, даже в прошлом, может привести к рождению ребенка с пороками развития и умственной отсталостью, знают 95% юношей и 100% девушек. О том, что прием анаболиков и допинга для достижения лучшего спортивного результата и наращивания мышечной массы может привести к бесплодию и рождению больного, ребенка знают 72,5% юношей и 70% девушек. 77,5% юношей и 93% девушек считают, что могут стать хорошими родителями. На вопрос: «Если вдруг в Вашей семье родится ребенок-инвалид (пред-

положительно) каковы будут Ваши действия?» 75% юношей и 78% девушек ответили, что будут растить его, как других своих детей, остальные решили отказаться от ребенка или отдать его в дом инвалидов.

По результатам данного социологического опроса можно заключить, что современная молодежь имеет достаточно сильную психологическую установку на создание семьи с целью рождения и воспитания детей и продолжения рода в возрасте 21–25 лет. Молодежь предпочитает брак по любви, ценя в спутнике жизни любовь к мужу (жене), честность, порядочность, ответственность за семью, доброту, ум. Примечателен тот факт, что предъявляя высокие требования к спутнику жизни, молодые люди тем не менее в большинстве своем положительно относятся к внебрачным половым связям и гражданскому браку. В основном молодые люди хотят иметь двоих детей. Причинами отсутствия семьи и детей считают прежде всего жилищные и финансовые проблемы. При этом молодежь признает гражданский брак и считает вполне реальным рождение в нем детей. Около половины опрошенных юношей положительно относятся к внебрачным половым связям, владея весьма скудными знаниями о профилактике венерических заболеваний и ВИЧ-инфекции и имея сексуальный дебют в 14–16 лет. Молодые люди знают о влиянии алкоголя, наркотиков, никотина, анаболиков на репродуктивные функции и здоровье будущего ребенка. Причиной демографического кризиса в стране молодежь считает социально-экономическую нестабильность и обнищание населения, низкую продолжитель-

ность жизни. Опрошенные и юноши, и девушки считают, что могут стать хорошими родителями. Внушает оптимизм достаточно высокий уровень толерантности опрошенных: в большинстве своем они отрицательно относятся к проблеме детского сиротства и согласны растить и воспитывать своего гипотетического ребенка-инвалида вместе с другими своими детьми.

Таким образом, приоритетными направлениями в превентивной деятельности органов исполнительной и законодательной власти и всего общества в целом должны быть повышение образовательного и культурного уровня молодежи, санитарно-просветительская работа путем введения обязательных курсов по охране здоровья и репродуктивному поведению молодежи в средних и высших учебных заведениях, возрождение социально-нравственных принципов путем установления преемственности между поколениями.

Примечания

- 1 Шахматова Н.В. Социология поколений // Поколенческая организация современного российского общества / Под ред. А.Д. Крахмалевой. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000.
- 2 См.: Греченкова Т.И. Социальный возраст материнства: Автореф. дис. ... канд. социолог. наук. Саратов, 2004.
- 3 См.: Официальный сайт Всероссийской переписи населения 2002 г. [Электронный ресурс]. <http://www.pereris.2002.ru> (дата обращения: 20.10.09).
- 4 См.: Госкомстат России и Росстат. [Электронный ресурс]. <http://www.gks.ru> (дата обращения: 20.10.09).

УДК 612.67-053.9:612.821:316.6].002.25(045)

ПОЗДНИЙ ВОЗРАСТ: ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ АКТИВНОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ

Е.В. Чернышкова

Саратовский государственный медицинский университет
E-mail: chervy@mail.ru

В статье представлен анализ наиболее распространенных в отечественной и западной социологической науке теорий активного образа жизни в старости.

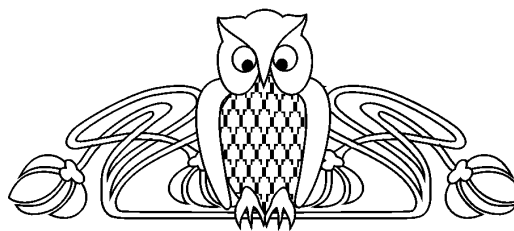
Ключевые слова: старость, образ жизни, активный образ жизни.

Late Age: Explanatory Models of Active Way of Living

E.V. Chernyshkova

The article presents the analysis of the most widespread Russian and foreign sociological theories of active way of living at an old age.

Key words: old age, way of living, active way of living.

Современная демографическая ситуация свидетельствует о значительном старении населения практически во всех развитых странах мира, что является своего рода результатом улучшения социальных и экономических условий в сочетании с технологическими достижениями в области диагностики и лечения различных заболеваний. Спад рождаемости, увеличение продолжительности жизни и выход на пенсию большого количества людей влияют на необходимость пересмотра роли и места пожилых людей в обществе, инклюзии их в активную социальную жизнь как на ма-

положительно) каковы будут Ваши действия?» 75% юношей и 78% девушек ответили, что будут растить его, как других своих детей, остальные решили отказаться от ребенка или отдать его в дом инвалидов.

По результатам данного социологического опроса можно заключить, что современная молодежь имеет достаточно сильную психологическую установку на создание семьи с целью рождения и воспитания детей и продолжения рода в возрасте 21–25 лет. Молодежь предпочитает брак по любви, ценя в спутнике жизни любовь к мужу (жене), честность, порядочность, ответственность за семью, доброту, ум. Примечателен тот факт, что предъявляя высокие требования к спутнику жизни, молодые люди тем не менее в большинстве своем положительно относятся к внебрачным половым связям и гражданскому браку. В основном молодые люди хотят иметь двоих детей. Причинами отсутствия семьи и детей считают прежде всего жилищные и финансовые проблемы. При этом молодежь признает гражданский брак и считает вполне реальным рождение в нем детей. Около половины опрошенных юношей положительно относятся к внебрачным половым связям, владея весьма скудными знаниями о профилактике венерических заболеваний и ВИЧ-инфекции и имея сексуальный дебют в 14–16 лет. Молодые люди знают о влиянии алкоголя, наркотиков, никотина, анаболиков на репродуктивные функции и здоровье будущего ребенка. Причиной демографического кризиса в стране молодежь считает социально-экономическую нестабильность и обнищание населения, низкую продолжитель-

ность жизни. Опрошенные и юноши, и девушки считают, что могут стать хорошими родителями. Внушает оптимизм достаточно высокий уровень толерантности опрошенных: в большинстве своем они отрицательно относятся к проблеме детского сиротства и согласны растить и воспитывать своего гипотетического ребенка-инвалида вместе с другими своими детьми.

Таким образом, приоритетными направлениями в превентивной деятельности органов исполнительной и законодательной власти и всего общества в целом должны быть повышение образовательного и культурного уровня молодежи, санитарно-просветительская работа путем введения обязательных курсов по охране здоровья и репродуктивному поведению молодежи в средних и высших учебных заведениях, возрождение социально-нравственных принципов путем установления преемственности между поколениями.

Примечания

- 1 Шахматова Н.В. Социология поколений // Поколенческая организация современного российского общества / Под ред. А.Д. Крахмалевой. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000.
- 2 См.: Греченкова Т.И. Социальный возраст материнства: Автореф. дис. ... канд. социолог. наук. Саратов, 2004.
- 3 См.: Официальный сайт Всероссийской переписи населения 2002 г. [Электронный ресурс]. <http://www.pereris.2002.ru> (дата обращения: 20.10.09).
- 4 См.: Госкомстат России и Росстат. [Электронный ресурс]. <http://www.gks.ru> (дата обращения: 20.10.09).

УДК 612.67-053.9:612.821:316.6].002.25(045)

ПОЗДНИЙ ВОЗРАСТ: ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ АКТИВНОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ

Е.В. Чернышкова

Саратовский государственный медицинский университет
E-mail: chervy@mail.ru

В статье представлен анализ наиболее распространенных в отечественной и западной социологической науке теорий активного образа жизни в старости.

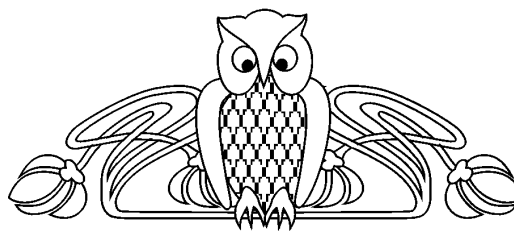
Ключевые слова: старость, образ жизни, активный образ жизни.

Late Age: Explanatory Models of Active Way of Living

E.V. Chernyshkova

The article presents the analysis of the most widespread Russian and foreign sociological theories of active way of living at an old age.

Key words: old age, way of living, active way of living.

Современная демографическая ситуация свидетельствует о значительном старении населения практически во всех развитых странах мира, что является своего рода результатом улучшения социальных и экономических условий в сочетании с технологическими достижениями в области диагностики и лечения различных заболеваний. Спад рождаемости, увеличение продолжительности жизни и выход на пенсию большого количества людей влияют на необходимость пересмотра роли и места пожилых людей в обществе, инклюзии их в активную социальную жизнь как на ма-

кроуровне, так и в индивидуальной перспективе. Актуальным становится анализ существующих и поиск новых механизмов активного образа жизни в позднем возрасте.

Несмотря на частое обращение к концепции активного старения во многих научных исследованиях и политических программах на различных уровнях управления, парадигма активного образа жизни в старости все еще далека от всеобщего принятия в различных областях.

Появление понятия «образ жизни» можно отнести к началу 60-х гг. XX в., однако проблематика образа и стиля жизни отмечается уже в классической социологии. К. Маркс и Ф. Энгельс в работе «Немецкая идеология» подчеркивали тесную взаимосвязь образа жизни и способов производства: «Способ производства – это определенный способ деятельности данных индивидов, определенный вид их жизнедеятельности, их определенный образ жизни. Какова жизнедеятельность индивидов, таковы и они сами»¹. Такое видение позволяло использовать системный подход к анализу жизнедеятельности общества, социальных групп и индивидов и объяснить качество его диалектического развития. До 80-х гг. XX в. понятие «образ жизни» носило ярко выраженный идеологический подтекст и рассматривалось в качестве альтернативы, активно развиваемой в западной социологии, концепции стиля и качества жизни. Образ жизни понимался как социалистический и должен был продемонстрировать коренные преимущества социализма.

Позднее в западной социологии образ жизни понимался как определенная часть культуры, характеризующая ее динамическую сторону, то есть каждодневное бытие личности, типичные и часто практикуемые нормы поведения людей, способ их деятельности в труде и быту, в производстве и потреблении материальных и духовных ценностей. Болгарский социолог В. Добриянов отмечал, что «образ жизни следует рассматривать как сложную систему типичных (общих), особых и единичных структур жизнедеятельности, носителями которых являются индивиды и различные социальные группы»².

В отечественной социологической мысли значительный вклад в изучение образа жизни российского общества и его отдельных социальных групп внесли исследования К. Тахтарева, Д. Садынского, В. Бехтерева и др. Позднее вопросы образа жизни рассматривались в работах В. Толстых, А. Бутенко, И. Бестужева-Лады, В. Куценко, А. Буриева, А. Возьмителя, Р. Рывкиной.

В 1980-е гг. сформировалось два направления исследования образа жизни в рамках ситуационной модели. С одной стороны – понимание образа жизни как эмпирической фиксации жизнедеятельности индивидов, характерное для прикладной социологии; с другой – рассмотрение общества как системы, определяющей конкретное поведение социальных субъектов на всех уровнях. При

втором подходе акцент делается на целостности жизнедеятельности индивидов во всех подсистемах общества.

В понятии образа жизни выражается не только реализация в жизнедеятельности индивида тех возможностей, которые заложены в обществе и его подсистемах, не только реакция субъекта на внешние условия, но, прежде всего, целостность данной жизнедеятельности.

Анализируя социокультурное пространство повседневности, Э. Орлова определяет образ жизни как организованную совокупность процессов и явлений жизнедеятельности людей в обществе: «Образ жизни – это динамический социокультурный «портрет» членов общества, представленный через процессы их жизнедеятельности в определенных условиях, целостность, обладающая культурным смыслом и обусловленная способностью человека к результирующей активности»³.

Отметим, что для более полного анализа активного образа жизни в старости важен интегрированный подход, определяющий способ бытия индивида во внешнем и внутреннем мире как систему взаимоотношений человека с самим собой и факторами внешней среды. Под системой взаимоотношений человека с самим собой понимается сложнейший комплекс действий и переживаний, наличие полезных привычек, укрепляющих природный ресурс здоровья, отсутствие вредных, разрушающих его⁴. В рамках данного определения возможно системное рассмотрение отношения пожилого человека к окружающей среде и к себе самому как активному участнику различных экономических, социальных и культурных процессов. Раскрывая сущность образа жизни, следует учитывать, что многие исследователи склонны рассматривать его как систему сфер жизнедеятельности, которые характеризуют социальный субъект (семейно-бытовая сфера, общественно-политическая, производственно-управленческая, духовная и т.д.). При этом для выявления показателей состояния и динамики образа жизни данная категория операционализируется в три основных компонента: уровень, качество и стиль (ориентация) жизни⁵.

Наиболее распространенная классификация образа жизни базируется на степени активности индивидов в процессе жизнедеятельности. Следовательно, можно выделить два основных типа образа жизни: активный и пассивный. Активность понимается в трех основных планах: как явление, как состояние и как отношение. В контексте исследования пролонгирования активного образа жизни в старости активность выступает именно как отношение, то есть энергичная самодеятельность, направленная на преобразование различных сфер физической, социальной и культурой реальности, а также на самого субъекта.

Активная старость как концепт социальной политики не является новым для исследовательского сообщества, однако, в последние годы заме-

тен процесс его актуализации. В 60-е гг. прошлого столетия в трудах Р. Климейра особое внимание уделялось важности продолжения профессиональной и трудовой деятельности в жизни пожилых людей⁶. В 1970-х гг. наблюдается развитие понятия активного старения в геронтологических исследованиях. Однако фокус исследований активного старения в значительной степени смещался на пенсионный период жизни пожилых людей, уделяя большее внимание деловой активности в позднем возрасте. Например, С. Майнц вместо резкого завершения профессиональной деятельности и выхода на пенсию предлагает постепенное сокращение рабочих часов, предоставляя, таким образом, человеку свободу выбора продолжать или прекратить работу в постпенсии период жизни⁷.

Идея непрерывной экономической интеграции пожилых работников представлена в работе «Продуктивная старость» под редакцией Р. Батлера и Г. Глисона. Авторы утверждают, что значительное число людей старше 60–65 лет могут фактически продолжать работать и способствовать развитию общества. Основная причина – хорошее здоровье и независимость большинства пожилых людей. В противовес многочисленным ранним исследованиям в области познавательных способностей представителей третьего возраста, процесс снижения этих способностей является постепенным и происходит медленнее и позже, что в значительной степени является достаточным для многих видов трудовой деятельности. Безусловными признаются более низкие способности, связанные с освоением новых технологий, что в свою очередь, по мнению авторов, компенсируется высоким уровнем опыта, социальной осведомленностью и во многих случаях даже более высоким уровнем мотивации к работе. Способности в пожилом возрасте определяются не только генетической предрасположенностью, но также социальной средой и индивидуальным выбором активности/пассивности как вектора, направляющего их жизнь в старшем возрасте. Здоровье, образование и мотивация – более важные детерминанты их физического и умственного состояния, чем возраст как таковой⁸.

Принятие Всемирной организацией здравоохранения Концепции активного старения в конце прошлого столетия является попыткой определения специфики данного феномена в отличие от здорового старения, а также выявления других особенностей этого процесса. ВОЗ определяет активное старение как «процесс оптимизации возможностей в плане здоровья, участия и безопасности в целях повышения качества жизни по мере старения людей»⁹. В данном контексте понятие «активность» предполагает продолжение участия в социальной, экономической, культурной, духовной и гражданской жизни общества, а не только физическую активность или рабочую силу. Указанное определение предполагает, что

активное старение также может использоваться в отношении людей старшего возраста, вышедших на пенсию, больных и инвалидов. Таким образом, рассматриваемое понятие определяется ВОЗ всесторонне, как и здоровье, которое включает в себя физическое, умственное и социальное благо-состояние.

На уровне Европейского союза понятие активного старения интерпретируется как длительная экономическая активность через продление периода трудоспособности, более позднего выхода на пенсию и участия в социальной жизни в качестве волонтеров или попечения после ухода на пенсию. Формирование активного подхода к старению, особенно в сфере экономики, приобрело особую актуальность в последние годы. Европейский союз стремится развивать политику активного старения, финансирует сохранение рабочих мест для пожилых людей, тем самым укрепляя их положение на рынке труда и увеличивая возможность их трудоустройства¹⁰.

Международная программа ООН по проблемам старения и Вторая Всемирная ассамблея по проблемам старения в Мадриде в 2002 г. последовательно продвигают идею активного общественного участия и развития пожилых людей. Частью международной программы ООН являлось проведение совместной с Европейской экономической комиссией в Берлине в 2002 г. конференции, целью которой была выработка общих принципов политики в отношении пожилых людей¹¹.

Отметим, что для достижения заявленных на макроуровне целей и реализации поставленных задач важен анализ мотивационного аспекта активности в третьем возрасте. Мотивация активности и различного использования свободного времени в старшем возрасте подробно рассматривается в литературе с различных точек зрения. Обзоры и анализы групповых и индивидуальных стратегий, выбираемых в различных социально-экономических и культурных условиях, часто маркируются как теории. Однако большинство из них, по существу, можно свести к следующим основным подходам.

«Теория разъединения» (Э. Камминг, У. Генри) рассматривает старение как процесс взаимного отчуждения между стареющей личностью и обществом, ведущий, в конечном счете, к дистанцированию. Старение приводит к отходу от множества обязанностей на социальном, индивидуальном и психологическом уровне. Осознание необходимости отмежевания на благо общества позволяет представителям старшей возрастной группы достигнуть «успешной» старости. Таким образом, разъединение пожилых людей с обществом постулируется как взаимовыгодная ситуация¹².

«Деятельная теория» или «теория активности» выступает как альтернатива предыдущей и делает попытку выделить положительные аспекты процесса старения. Сторонники этой позиции утверждают, что люди в старшем возрасте или

продолжают заниматься активной деятельностью или компенсируют потерю традиционных ролей посредством новой деятельности, дающей им личное удовлетворение и позитивный имидж. Основной предпосылкой является тезис, что пожилые люди так же как и представители среднего поколения счастливы и здоровы в том случае, если они выступают в качестве производительной силы общества, например волонтеров, путешественников, активных членов семьи. Любая утрата роли, функции и отношений в старости должны быть заменены новой функцией, деятельностью по обеспечению социального благополучия, ценностной гармонии и хорошего самочувствия. В адрес данной теории также высказывались следующие критические замечания: 1) отождествление теории активности с понятием успешной старости, маргинализирующее тех, кто не может поддерживать высокий уровень активности; 2) отход на второй план вопросов власти, неравенства и конфликтов между возрастными группами¹³.

«Теория преемственности» отмечает, что деятельность, которую осуществляют пожилые люди, является продолжением того, что они делали прежде. В процессе старения люди склонны поддерживать, насколько им это удастся, те же привычки, личностные предпочтения и стиль жизни, которые были характерны для них в течение всей жизни. Пожилые люди, таким образом, адаптируются к новому статусу на основе чувства преемственности между прошлым и настоящим. В данном случае речь может идти о снижении объема деятельности и о сохранении ее природы, имеющей первостепенное значение. Одним из наиболее последовательных представителей этой теории является американский социолог Р. Атчли¹⁴.

«Теория субкультуры» (А. Роуз) развивает идею о том, что пожилые люди продуцируют самостоятельную старческую субкультуру, которая формируется в результате их тесного взаимодействия между собой и дистанцированности от представителей прочих поколений. Культура пожилых людей отлична от культуры всех других возрастных групп, и обладает собственными нормами, ожиданиями, представлениями и образом жизни. Формирование особой культуры является результатом потери с возрастом привычного социального статуса, что переживается человеком крайне болезненно. В данной субкультуре индивидуальный статус зависит в большей степени не от профессии, образования и доходов, а от активности и здоровья¹⁵.

«Теория личности» рассматривает стареющего человека в рамках всего жизненного контекста. Личностный неповторимый жизненный стиль возникает в результате взаимодействия между биологическими, личными и социальными изменениями. Рассматривая вопрос адаптивности в старшем возрасте, один из основоположников данной концепции Д. Байррин развил стратегию

оценки индивидуального уровня функционирования в окружающей среде в соответствии с разными возрастами. Данное исследование функциональных способностей представителей старшего возраста приводит к описанию трех типов старения: биологического, социального и психологического. А психологический возраст определяется как возрастная адаптивная способность, позволяющая приспосабливаться как к привычной, так и к незнакомой среде¹⁶.

Согласно «теории обмена» (Дж. Доуд), каждый человек в процессе социального взаимодействия ищет максимальную выгоду и стремится минимизировать затраты в условиях потери престижа, чувства собственного достоинства и других привилегий. Данная теория строит микро-макро континуум, поскольку индивиды, группы или даже целые нации строят отношения обмена. Каждый участник обмена ищет максимальной прибыли и стремится получить больше, чем он вложил. Если одна из сторон обмена не получает ожидаемого, эта сторона уходит в поисках других обменов¹⁷.

«Теория возрастной стратификации» строится на предположении, что все общества можно структурировать по ролевому принципу и население дифференцировать по возрасту. Старость, таким образом, является не только индивидуальной характеристикой, но также компонентом общества, включенной в иерархию возрастных страт. В рамках данной перспективы фокус исследования сосредоточен на роли социальных структур в процессе индивидуального старения и возрастной стратификации в обществе¹⁸. Данная концепция представляет собой одну из наиболее ранних традиций макроуровня в социальной геронтологии, связанную с именами П. Сорокина, К. Мангейма, позже Т. Парсонса.

«Феноменологическая теория» подчеркивает значение, приписываемое старению самими стареющими. В рамках данной теории часто используется этнографический подход, который интересуется значением жизни в связи с изменением возраста.

«Теория модернизации» идентифицирует изменения в обществе как снижающие статус пожилых людей. Улучшение здоровья и увеличение продолжительности жизни, новые технологии, усовершенствование образовательных систем, активная урбанизация ослабляют старшее поколение. Несмотря на то, что они физически крепкие, однако, им не предоставляют рабочие места, поскольку у них нет навыков работы с новейшими технологиями и они отделены от семейных и социальных отношений. Согласно теории модернизации, предложенной Д. Кауджиллом, статус пожилых людей в обществе находится в обратной зависимости от уровня индустриализации¹⁹.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что фрагментарность исследований образа жизни и активности в позднем возрасте подчеркивает не-

обходимость выработки интегрированной модели в социологической перспективе. Однако нельзя отрицать тот факт, что упомянутые подходы служат аналитической основой эмпирических исследований, формирующих интеграционную теорию и предоставляющих информацию для политического строительства в отношении одной из наиболее уязвимых социальных групп – пожилых людей.

Примечания

- 1 Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. М., 1985. С. 139.
- 2 Добрянов В. Модели и индикаторы образа и качества жизни // Социология в странах Центральной и Восточной Европы. М., 2005. С. 51.
- 3 Орлова Э.А. Социокультурное пространство обыденной жизни. М., 2002. С. 32.
- 4 См.: Соковня-Семенова И.И. Основы здорового образа жизни и первая медицинская помощь. М., 1997. С. 78.
- 5 См.: Капустин Е.И. Уровень, качество и образ жизни населения России. М., 2006. С. 18.
- 6 См.: Kleemeier R.W. Time, Activity and Leisure. In Aging and Leisure / Ed. R.W. Kleemeier. N.Y., 1961.
- 7 См.: Mayence S. Un 3e âge actif. Bruxelles, r. Royale, 342. Labor. 1977. 211 p.
- 8 См.: Butler R.N., Gleason H.P. Productive Aging: Enhancing Vitality in Later Life. N. Y., 1985.
- 9 Active Aging. A Police Framework [Электронный ресурс]. // <http://www.alter-migration.ch/data/5/WHOactiveageing.pdf>. (дата обращения: 25.02.2010).

- 10 Active Ageing and Pension Policies in the Context of the European Employment Strategy [Электронный ресурс]. // <http://eng.newwelfare.org/?p=392> (дата обращения: 25.02.2010).
- 11 Общество для всех возрастов в регионе ЕЭК [Электронный ресурс]. http://www.un.org/russian/events/olderpersons/berl_dr_r.pdf (дата обращения: 25.02.2010).
- 12 Cumming E., Henry W. Growing Old: The process of Disengagement [Электронный ресурс]. <http://www.questia.com/library/book/growing-old-the-process-of-disengagement-by-elaine-cumming-william-e-henry.jsp> (дата обращения: 25.02.2010).
- 13 См.: Kossuth P., Bengtson V. Sociological Theories of Aging: Current Perspectives and Future Directions // Emergent Theories of Aging / Eds. J.E. Birren, V.L. Bengtson. New York, 1988.
- 14 См.: Atchley R.C. A Continuity Theory of Normal Aging // The Gerontological Society of America. 1989. № 29(2). P. 183–190.
- 15 См.: Rose A.M. The Subculture of the Aging: a Topic for Sociological Research // The Gerontologist. 1962. № 2. P. 123–127.
- 16 См.: Birren J. Age, Competence, Creativity and Wisdom // Productive Aging. Enhancing Vitality in Later Life / Ed. R.N. Butler, H.P. Gleason. N.Y., 1985. P. 29–36.
- 17 См.: Dowd J. Aging as Exchange: A Preface to Theory // Journal of Gerontology. 1975. Vol. 30. P. 584–594.
- 18 См.: Riley M.W., Kahn R.L., Foner A. Age and Structural Lag: Society's failure to provide meaningful opportunities in work, family, and leisure. N.Y., 1994.
- 19 См.: Cowgill D. Aging and Modernization: A Revision of the Theory // Late Life / Ed. J.F. Gumbrium. Springfield, 1974. P. 123–145.

Слово молодым социологам

УДК 316.334.2

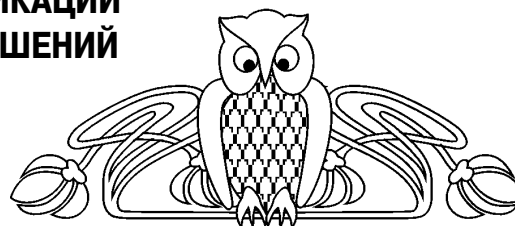
СПЕЦИФИКА МЕЖЛИЧНОСТНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ

Е.А. Макарихина

Саратовский государственный университет
E-mail: mac-kate@yandex.ru

В данной статье раскрывается специфика трудовых отношений в современном обществе. Анализируются сложившиеся модели и их недостатки. В качестве концептуального подхода смягчения напряженности в системе трудовых отношений автор предлагает выбрать путь гуманизации труда.

Ключевые слова: трудовые отношения, транзитивное общество, методы и направления гуманизации труда.

The specific Character of Interpersonal Communications in the System of Social Labour Relations of Transitive Society

Y.A. Makarikhina

The specific character of labour relations in modern society is examined in this article. The author analyses the present models of

обходимость выработки интегрированной модели в социологической перспективе. Однако нельзя отрицать тот факт, что упомянутые подходы служат аналитической основой эмпирических исследований, формирующих интеграционную теорию и предоставляющих информацию для политического строительства в отношении одной из наиболее уязвимых социальных групп – пожилых людей.

Примечания

- 1 Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. М., 1985. С. 139.
- 2 Добрянов В. Модели и индикаторы образа и качества жизни // Социология в странах Центральной и Восточной Европы. М., 2005. С. 51.
- 3 Орлова Э.А. Социокультурное пространство обыденной жизни. М., 2002. С. 32.
- 4 См.: Соковня-Семенова И.И. Основы здорового образа жизни и первая медицинская помощь. М., 1997. С. 78.
- 5 См.: Капустин Е.И. Уровень, качество и образ жизни населения России. М., 2006. С. 18.
- 6 См.: Kleemeier R.W. Time, Activity and Leisure. In Aging and Leisure / Ed. R.W. Kleemeier. N.Y., 1961.
- 7 См.: Mayence S. Un 3e âge actif. Bruxelles, r. Royale, 342. Labor. 1977. 211 p.
- 8 См.: Butler R.N., Gleason H.P. Productive Aging: Enhancing Vitality in Later Life. N. Y., 1985.
- 9 Active Aging. A Police Framework [Электронный ресурс]. // <http://www.alter-migration.ch/data/5/WHOactiveageing.pdf>. (дата обращения: 25.02.2010).

- 10 Active Ageing and Pension Policies in the Context of the European Employment Strategy [Электронный ресурс]. // <http://eng.newwelfare.org/?p=392> (дата обращения: 25.02.2010).
- 11 Общество для всех возрастов в регионе ЕЭК [Электронный ресурс]. http://www.un.org/russian/events/olderpersons/berl_dr_r.pdf (дата обращения: 25.02.2010).
- 12 Cumming E., Henry W. Growing Old: The process of Disengagement [Электронный ресурс]. <http://www.questia.com/library/book/growing-old-the-process-of-disengagement-by-elaine-cumming-william-e-henry.jsp> (дата обращения: 25.02.2010).
- 13 См.: Kossuth P., Bengtson V. Sociological Theories of Aging: Current Perspectives and Future Directions // Emergent Theories of Aging / Eds. J.E. Birren, V.L. Bengtson. New York, 1988.
- 14 См.: Atchley R.C. A Continuity Theory of Normal Aging // The Gerontological Society of America. 1989. № 29(2). P. 183–190.
- 15 См.: Rose A.M. The Subculture of the Aging: a Topic for Sociological Research // The Gerontologist. 1962. № 2. P. 123–127.
- 16 См.: Birren J. Age, Competence, Creativity and Wisdom // Productive Aging. Enhancing Vitality in Later Life / Ed. R.N. Butler, H.P. Gleason. N.Y., 1985. P. 29–36.
- 17 См.: Dowd J. Aging as Exchange: A Preface to Theory // Journal of Gerontology. 1975. Vol. 30. P. 584–594.
- 18 См.: Riley M.W., Kahn R.L., Foner A. Age and Structural Lag: Society's failure to provide meaningful opportunities in work, family, and leisure. N.Y., 1994.
- 19 См.: Cowgill D. Aging and Modernization: A Revision of the Theory // Late Life / Ed. J.F. Gumbrium. Springfield, 1974. P. 123–145.

Слово молодым социологам

УДК 316.334.2

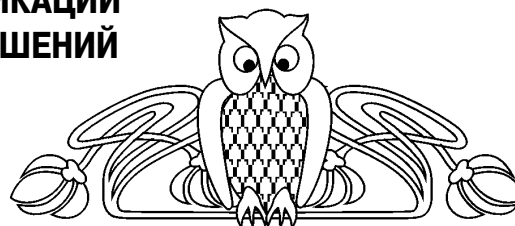
СПЕЦИФИКА МЕЖЛИЧНОСТНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ

Е.А. Макарихина

Саратовский государственный университет
E-mail: mac-kate@yandex.ru

В данной статье раскрывается специфика трудовых отношений в современном обществе. Анализируются сложившиеся модели и их недостатки. В качестве концептуального подхода смягчения напряженности в системе трудовых отношений автор предлагает выбрать путь гуманизации труда.

Ключевые слова: трудовые отношения, транзитивное общество, методы и направления гуманизации труда.

The specific Character of Interpersonal Communications in the System of Social Labour Relations of Transitive Society

Y.A. Makarikhina

The specific character of labour relations in modern society is examined in this article. The author analyses the present models of

these relations and their shortcomings. The author invites to choose the way of labour humanization as a conceptual approach of softening of intensity in the system of labour relations.

Key words: labour relations, transitive society, methods and directions of labour humanization.

Социально-трудовые отношения на современном этапе трансформации экономики являются сложным и многосторонним процессом. В условиях информационной экономики возрастает роль творческого, интеллектуального труда в качестве одного из важнейших факторов создания национального богатства. В странах с развитой информационной экономикой практически уже несколько десятилетий стали создавать и совершенствовать механизм целенаправленного регулирования профессиональной подготовки и занятости населения. Это было обусловлено становлением инновационной экономики, глубокими структурными изменениями, быстро меняющимися требованиями к качеству трудовых ресурсов.

Глобальные перемены в экономике и политическом устройстве страны породили новые неизвестные проблемы. Резко снизилась роль государства в управлении трудовой сферой как в общероссийском, так и в отраслевом масштабе. Руководитель остался один на один со своими работниками в ситуации, требующей постоянно решать проблемы, причем не просто новые, а прямо противоположные тем, которые возникали ранее на всем протяжении производственной жизни.

В настоящее время происходит перегруппировка, по сути дела, смена функциональных и ценностных ориентаций, целей, задач, а также значения и облика работников. С утверждением рыночных отношений происходит резкая смена ценностей и норм, связанных с трудовыми отношениями. Складывается новый блок их жизненных ориентаций, установок, мотивов, образцов и моделей трудового поведения, отношения к своему труду. Эти ценности во многом противоречат особенностям исторически сложившегося российского менталитета и традиционного типа мышления работников, что вызывает деформации, деструктивное трудовое поведение людей, делает часто непредсказуемыми трудовые и производственные процессы.

Транзитивность российского общества характеризуется изменчивостью, повышением уровня разнонаправленной социальной мобильности (при доминировании горизонтальной и нисходящей), пирамидальностью социальной организации, многоукладностью, приоритетом политики над экономикой, многослойной занятостью, регионализацией, всеобщей фрагментацией, институционализацией и доминированием скрытых (латентных) функций в деятельности практически всех социальных институтов в обществе, в том числе и в сфере труда, трудовых отношений, трудового поведения. Этим она существенно отличается от основных характеристик общемировых социаль-

ных процессов в трудовой сфере.

Большинство институтов, особенно в сфере труда, либо недостаточно развиты (например, рынок труда), либо теряют свои институциональные признаки (например, профсоюзы), либо эти признаки существуют чаще всего лишь номинально (например, государственные органы управления трудовыми отношениями). В России формирование и функционирование рынка накладывается на уже существующие институциональные формы, структуры, традиции социально-экономического и трудового поведения. Трансформация российского общества предполагает развитие основных институтов рыночной экономики (частной собственности, наемного труда, конкуренции, обмена, то есть купли-продажи, прибыли), института субсидиарной идеологии (индивидуализма, стратификации и свободы), которые соответствуют современному общему глобальным процессам. Реальные трансформационные процессы в экономике сформировали новые условия функционирования рынка труда. В результате институциональных, отраслевых и секторальных сдвигов произошли изменения в структуре занятости населения, масштабах и структуре безработицы, уровне экономической активности населения, которые весьма противоречиво отразились в трансформации трудовых отношений.

Сосредоточение основных усилий правительства на решении задач финансовой стабилизации при общем запаздывании институциональных преобразований (в том числе в социальной и трудовой политике) привели к преобладанию консервативных и латентных механизмов адаптации рабочей силы, а работодателя в значительной степени к новым условиям. Резко выросла дифференциация в уровнях оплаты труда, особенно если учесть скрытые выплаты, не всегда связанные с различиями в экономической эффективности организаций. Российский рынок труда отреагировал на резкий спад производства в условиях современного мирового экономического кризиса не только ростом высвобождения занятых, но и снижением средней заработной платы, значительно опережавшим темпы падения производства. Это, в свою очередь, привело к нарушениям в мотивационных механизмах трудовых отношений, усилению инструментального отношения работников к своему труду, отчуждению от его результатов.

Создание институтов социального партнерства на общероссийском, региональном и отраслевом уровнях было призвано обеспечить механизмы договорного регулирования трудовых отношений. Однако они не стали реальным механизмом рынка труда, поскольку практически оказывали лишь небольшое влияние на трудовые отношения на уровне конкретных предприятий.

На рыночную трансформацию трудовых отношений накладываются процессы развития информационных технологий. Под воздействием последних происходит расширение когнитивных

и коммуникативных возможностей всех субъектов трудовых отношений, снижается роль их пространственных и увеличивается значимость временных характеристик. При этом стремительно ускоряется процесс создания географически распределенных социальных групп работников, предприятий (сетей), характеризующихся преобладанием неиерархических «горизонтальных» коммуникаций. Развитие сетевой формы организации способствует росту эффективности взаимодействий в сфере труда. В то же время усиливается процесс локализации трудовых отношений, ограничиваясь рамками ближайшего профессионально-социального окружения, что создает благоприятные условия для расширения масштабов «нестандартных» (неформализованных или слабо формализованных) типов трудовых отношений.

Важный атрибут современных транзитивных трудовых отношений – денежно-материальная структура трудового вознаграждения, ее многокомпонентный характер как следствие сохранения рестрибутивных характеристик. Если в начале перестройки многие предприятия и организации, прежде всего частные, начали практиковать вознаграждение по западному образцу в виде фиксированных ставок за время и объем работы, то в последнее время ситуация изменилась. В настоящее время и в государственных, и в акционерных, и в коммерческих структурах восстанавливается сложная система выплат, включающая в себя, помимо ставок оплаты труда, премий и доплат, также компенсационные и социальные пакеты разного рода, доплаты на питание, медицинское и социальное страхование, отдых и т.д. Эти дополнительные выплаты носят как корпоративный, так и индивидуальный характер. Они также дополняются прямым распределением материальных благ и услуг. Созданные на базе «советской модели» регулирования, транзитивные трудовые отношения сумели интегрировать в себя ряд ключевых рестрибутивных характеристик, а частично и подходов классической западной концепции «социального партнёрства». Это делает их внешне весьма близкими к сложившимся в рыночных экономиках системам разрешения трудовых споров. В то же время в них воспроизводятся характерные черты и атрибуты рестрибутивной модели трудовых отношений, что делает их прямыми преемницами доперестроечной эпохи, хотя и более развитыми, цивилизованными, современными.

По отношению к рыночным преобразованиям трудовые отношения структурируются на рестрибутивные, комплиментарные и рыночные. По ценностно-мотивационным индикаторам выделяются субсидиарные, партнерские и патерналистские трудовые отношения. По основным стратегическим ориентациям выделяются фундаментальные (базовые), инструментальные и смешанные (в том числе симуляционные) трудовые отношения. На индивидуально-субъективном

уровне трудовые отношения проявляются через адаптационно-приспособительные (конформные, конвенциальные), церемониальные, субординационные, сбалансировано- комплиментарные, организационно- административные, стратификационные, инновационные, спонтанно немотивированные, дисфункциональные модели.

Субъективно на индивидуальном уровне эти модели трудовых отношений проявляются через сознательно реализуемый комплекс действий и поступков работника, связанных с синхронизацией профессиональных возможностей и интересов с функциональным алгоритмом производственного процесса, с самонастройкой, саморегуляцией работника, обеспечивающий определенный уровень личностной комфортности и самоидентификации работника.

К наиболее значительным дестабилизирующим факторам формирования рыночных трудовых отношений можно отнести нарушения в мотивационных механизмах трудовой деятельности, усиление недоверия работников к власти (причем уровень этого недоверия находится в обратной взаимосвязи с уровнем власти), криминализацию общества, бедность (не только как материальное положение, но и как субъективное состояние), увеличение дистанции между работниками и результатами их труда. На это накладываются рестрибутивные характеристики, такие как, например, традиционное для русского менталитета передоверие личной свободы коллективу, большая степень внеэкономических составляющих хозяйственного успеха.

Слабость институциональных механизмов противодействия произволу работодателей (включая государство) – важный фактор распространения неправовых практик, которые способствуют распространению конфликтных трудовых отношений. Это логически обусловило обращение к детальному анализу неформальных, неправовых и иных потенциально конфликтных практик в сфере труда.

Антагонистические (явные или латентные) трудовые отношения, при которых работодатель нарушает значимые трудовые права работников, а работники не могут этому противодействовать под воздействием различных обстоятельств. Источником конфликта является работодатель, а работники воспринимают факт попадания в неправовое пространство как нарушение своих законных трудовых прав. Устойчивость данной модели конфликтных трудовых отношений базируется на праве сильного (работодателя) и слабости институционально-правовых механизмов противодействия осуществляемому им насилию.

Солидаристические конфликтные трудовые отношения, при которых противозаконные действия в трудовой сфере приносят непосредственную выгоду работникам, чаще всего – за счет государства. Работодатели солидаризируются с работниками, стремясь как-то компенсировать

низкий уровень их зарплаты и тяжелые условия труда (бюджетники). В результате работники, а часто и работодатели, получают определенный выигрыш за счет государства. В рамках этой модели конфликтных трудовых отношений часто присутствуют такие формы противодействия, как неофициальное разрешение использовать производственные помещения, оборудование, материалы для «левых» работ, «закрывание глаз» на неофициальную оплату работы клиентами (пациентами), оформление на работу подставных лиц, накручивание разными путями заработка перед выходом на пенсию и др. В связи со всеми вышеперечисленными обстоятельствами концептуальной моделью совершенствования трудовых отношений является гуманизация труда.

Можно выделить следующие **направления** гуманизации труда.

Оздоровление окружающей (производственной) среды, т.е. речь идет об обеспечении благоприятной для человека микроэкологии труда, формирующейся под воздействием технологических факторов (применяемых материалов, оборудования, режимов производственного процесса), а также общего состояния окружающей атмосферы. Влияние микроэкологии труда на состояние организма человека характеризуется социально-гигиеническими факторами, для оценки которых используются критерии их вредности.

Эстетизация внешнего оформления места работы. Как известно, качество оформления интерьера, рабочих мест и спецодежды играет далеко не последнюю роль в формировании благоприятной атмосферы для производительного труда работников и сохранения их здоровья. Влияние эстетических факторов в совокупности определяется критерием комфортности условий труда. Для оценки степени комфортности условий труда может быть применен метод экспресс-анализа и экспертной оценки состояния условий труда с использованием опытных данных и рекомендаций.

Мотивация самоохраны труда, ориентирующая работников на формирование у них заинтересованного отношения к выполняемой работе, улучшению условий и охраны труда на рабочих местах. Используемые в этих целях социально-психологические факторы заключаются в осуществлении мер организационного и учебного характера по привитию работникам необходимых знаний и навыков по обеспечению безопасности и охране труда, предупреждению несчастных случаев при выполнении возложенных на них функций и работ на основе укрепления самодисциплины и повышения уровня общей культуры труда. Влияние этих факторов должно найти отражение в динамике несчастных случаев (в том числе по вине самих пострадавших) и профессиональных заболеваний. Что касается влияния социально-психологических факторов на взаимоотношения работников в процессе их трудовой деятельности и морально-психологический климат в коллекти-

ве, то этот аспект относится не к условиям труда на рабочем месте, а к проблеме формирования трудовых отношений.

Материальная мотивация. Гуманизация труда тесно взаимосвязана с достижениями высокой трудовой мотивации, так как она призвана сделать труд более привлекательным для работника и создать такие условия на производстве, которые бы обеспечивали наиболее полное приспособление технических средств производства к человеку, высокую содержательность труда работника, активное его участие в решении производственных задач.

Материально-вещественные факторы производства, развивающиеся под влиянием научно-технического прогресса, формируют повышенный спрос на высококвалифицированную рабочую силу. Работник же требует создания нормальных, «человеческих», гуманных условий на производстве, то есть таких условий труда, в которых бы трудовая деятельность стала непосредственной сферой самовыражения, самоутверждения человека.

Гуманизация труда приводит к повышению качества трудовой жизни, предопределяется улучшением нормирования труда, связана с совершенствованием организации рабочего места, повышением его ценности из-за повышения фактора морально-психического удовлетворения условиями труда, а не из-за солидного денежного дохода и страха потерять свое рабочее место.

Существует множество **методов гуманизации труда**, рассмотрим некоторые из них.

1. Внедрение новых форм организации труда:

- использование гибких графиков рабочего времени, т.е. разрешить работникам самим устанавливать начало и окончание рабочего дня, при этом ежедневно может меняться начало и окончание работы, но в целом надо отработать необходимое число рабочих часов;

- образование автономных рабочих бригад, которые осуществляют сборку отдельных узлов. Для каждой бригады выделяется самостоятельный участок, рабочие обучаются смежным специальностям и новым профессиям. Все члены бригады совместно планируют методы работы, устанавливают перерывы на отдых, контролируют качество продукции, сами выполняют функции по наладке, обслуживанию оборудования и уборке рабочего места.

2. Обогащение содержания труда за счет:

- расширения сферы труда, т.е. рабочий выполняет ряд обязанностей мастера и ряда вспомогательных подразделений;

- чередования рабочих мест, которое снижает монотонность работы, психологическую усталость;

- изменения ритма труда – внедрение системы, при которой ритм труда задают сами работники, они сами могут чередовать труд и отдых в течение рабочей смены.

3. Создание условий для профессионального продвижения на карьерной лестнице, создание условий для профессионального роста. Обычно работник приобретает трудовые навыки в течение нескольких лет, затем он достигает пика в своей карьере, а в дальнейшем перспектива его сужается, так как полученные знания и умения устаревают. Дальнейший профессиональный рост сотрудников – важный элемент кадровой политики. Эффект от учебы в значительной мере связан с методами и технологией обучения. Важной формой обучения сотрудников является создание тренировочных, учебных ситуаций в процессе реальной производственной деятельности, что дает возможность для индивидуального развития. Самым ценным источником роста является столкновение с настоящими проблемами. Тренировочные ситуации предполагают, что люди берутся за поручения, выходящие за рамки их служебных обязанностей, что расширяет их опыт и компетентность.

Такие поручения должны носить характер реальных заданий, например:

- посещение заседаний сотрудников более высокого ранга;
- осуществление проектов;
- консультации с другими подразделениями;
- принятие решений в новых областях деятельности;
- анализ информации и др.

4. Обеспечение безопасных условий труда, так как человеческий потенциал не может быть реализован в полной мере, если условия производства неблагоприятны и человек испытывает страх и беспокойство за свое здоровье. Безопасность на рабочем месте – не только вопрос техники или организации производства, но, прежде всего, моральная обязанность каждого руководителя. Несчастные случаи обычно являются результатом комбинации факторов, которые делают их если не неизбежными, то весьма вероятными. Главные из них плохое обучение, непродуманная политика в области техники безопасности и ее реализации на местах. Управление персоналом обязательно включает в себя специальное обучение сотрудников необходимым правилам техники безопасности. Для уверенности, что правила по технике безопасности выполняются, любому руководителю необходимо вести контроль за их исполнением.

5. Вовлечение работников в процесс разработки и принятия управленческих решений, т.е. выработка средств и методов устранения и смяг-

чения бюрократических форм управления трудом, создание условий, при которых сами работники приведут свои целевые установки в процессе труда в соответствие с оптимально определенными условиями и задачами предприятия. Многие работники крайне отрицательно относятся к административному диктату, авторитарному стилю управления, покровительственному отношению со стороны руководителей. Поэтому одной из главных задач гуманизации трудовой деятельности является выработка средств и методов устранения и смягчения бюрократических форм управления трудом. Участие рабочих в принятии управленческих решений позволяет более полно использовать потенциал каждого человека, улучшить морально-психологический климат в коллективе. Именно в переходе от жестких авторитарных форм управления трудом к гибким коллективным формам, в расширении возможностей рядового работника участвовать в управлении и заключается суть трудовой демократии.

6. Усиление стимулирующей роли заработной платы – достижение справедливого и надлежащего вознаграждения за труд. Для того чтобы заработная плата стала действенным мотиватором к труду, необходимо обеспечение двух условий:

- заработная плата должна соответствовать стоимости рабочей силы и обеспечивать работнику достойные условия жизни;
- заработная плата должна зависеть от полученных результатов.

Материальная заинтересованность, безусловно, является одним из основных общечеловеческих стимулов трудовой активности, однако срабатывает он далеко не всегда (иногда важнее иметь больше свободного времени или более комфортные условия труда, менее напряженный труд и т.п.). Удовлетворенность работников заработной платой зависит не столько от ее размера, сколько от социальной справедливости в оплате труда. И самое большое препятствие к усилению трудовой мотивации – уравниловка. При всей увлеченности и добросовестном отношении к труду сознание, что другой человек при значительно меньшем вкладе получает столько же, оказывает на работника деморализующее действие.

Таким образом, гуманизация в системе трудовых отношений является неотъемлемым элементом развития не только на уровне отдельно взятого предприятия, но и общества в целом, а ее необходимость вызвана множеством факторов, в том числе и кризисными явлениями в последнее время.

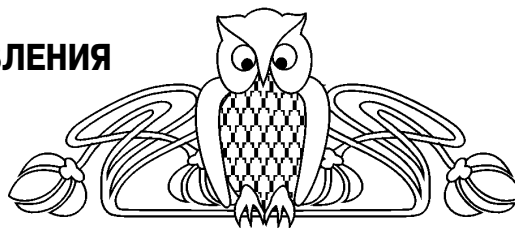

УДК 316.33:321; 316.77

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИНСТИТУТА ПУБЛИЧНЫХ УСЛУГ КАК ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

И.А. Мурзина

Пензенский государственный университет,
E-mail: mirial11@mail.ru

В статье проанализировано влияние качества оказания публичных услуг на становление и успешное развитие гражданского общества и предложены механизмы повышения эффективности публичных услуг. Статья выполнена в рамках Государственного контракта с Федеральным агентством по образованию (№ П1954 от 29 октября 2009 г.) по ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 годы.

Ключевые слова: публичная услуга, гражданское общество, качество публичных услуг, публичная власть

Improvement of Institution of Public Services as the Factor of a Civil Society's Formation

I. A. Murzina

The article analyses influence of quality of public services' rendering on formation and successful development of a civil society. Mechanisms of increase of public services's efficiency are offered.

Key words: public service, a civil society, quality of public services, the public power

Сильное гражданское общество – это обязательный признак стабильного демократического государства с конкурентоспособной экономикой. В настоящее время гражданское общество, постепенно институционализируясь, приобретает устойчивые признаки социально-политического института, соразмерного государству. В контексте институционализации гражданское общество понимается как совокупность общественных институтов, которые позволяют отдельным гражданам и их объединениям самостоятельно, без вмешательства государства достигать своих интересов¹. Гражданское общество одновременно выступает и как партнер власти в реализации всех ее начинаний, и как ее конструктивный оппонент, отстаивающий свободы и интересы каждого гражданина и различных групп общества.

В современный период происходят изменения в соотношении общества и государства. По мере нарастания социализации государств происходят существенные изменения в объеме, содержании и методах их деятельности. Усложнение и динамизм общественной жизни, с одной стороны, своего рода укрупнение объектов правового воздействия и увеличение доли концентрации частных интересов в публичном праве, с другой, приводят к новому пониманию природы и функций пу-

бличной власти. Гражданское общество сильнее «привязывает» ее к себе, заставляя выполнять все больший объем общих дел². Эти процессы значительно усиливают социальную роль такого института, как публичная услуга.

Говоря о содержании понятия «публичная услуга», можно использовать два подхода – эмпирический и теоретический.

Эмпирический подход основывается на реально выполняемых ведомствами и их учреждениями функциях. Здесь публичными услугами называют услуги, предоставляемые органами исполнительной власти и их учреждениями при непосредственном взаимодействии с гражданами. В рамках данного подхода можно, с некоторой долей условности, отождествить публичные услуги с государственными и муниципальными услугами.

Теоретический подход исходит из типологии благ, обладающих определенным набором свойств.

К примеру, Л.К. Терещенко выделяет следующие признаки публичных услуг:

- обеспечивают деятельность общезначимой направленности;
- имеют неограниченный круг субъектов, пользующихся ими;
- осуществляются либо органом государственной и муниципальной власти, либо другим субъектом;
- основываются как на публичной, так и на частной собственности³.

Первые два признака характерны для государственных и муниципальных услуг, два других признака в приведенной формулировке шире, чем признаки государственных услуг, что дает основание рассматривать государственные и публичные услуги как часть и целое. Последний, четвертый признак не является самостоятельным и произведен от третьего, поскольку, если публичные услуги осуществляются либо органом государственной и муниципальной власти, либо другим субъектом, то совершенно очевидно, что оказание публичных услуг может базироваться на любой форме собственности.

Первый из приведенных признаков публичных услуг – характеристика их как деятельности общезначимой направленности – показывает наличие публичного интереса в осуществлении такой деятельности и позволяет сделать вывод: не-

зависимо от того, какой субъект (государственный орган, муниципальный орган, негосударственная организация) в конкретном случае их выполняет, публичная власть обязана обеспечить их исполнение. Если в частном секторе желающих оказывать определенного рода публичные услуги не нашлось либо это по определенным причинам не под силу частной организации, то государственный, муниципальный орган обязан взять ее выполнение на себя. И если заинтересованности нет, то орган публичной власти либо формирует такой интерес, либо берет на себя выполнение публичной услуги.

Вопрос об объеме понятия «публичная услуга» пока еще остается дискуссионным, однако при любой трактовке данного понятия очевидно, что важнейшим элементом системы публичных услуг являются именно государственные и муниципальные услуги.

Интересен вопрос о взаимодействии между процессом становления гражданского общества и институционализацией современной системы публичных услуг в современной России.

Одним из парадоксов развития российского гражданского общества, отмечаемых многими исследователями, является огромная роль государственных и окологосударственных структур в данном процессе. В этой связи нередко упоминают историю создания таких организаций, как общественные палаты: с одной стороны, они вроде бы являются институтами гражданского общества, с другой – их создание осуществляется при прямом участии государственной власти как в центре, так и на местах. Причина этого очевидна – готовность общества к самоорганизации пока еще невелика, патерналистские настроения в большинстве слоев населения весьма распространены, соответственно, без поддержки властных структур многие институты гражданского общества просто не возникнут. Но и властная опека таких институтов небезобидна: она во многом дискредитирует саму идею самоорганизации общества, способствуя переводу гражданской активности в режим простой имитации. По нашему мнению, выход из этого порочного круга – в реализации идеи «поддерживающего» воздействия властных институтов на развитие ростков гражданского общества как на общероссийском, так и на региональном уровнях.

Институт публичной услуги с этой точки зрения уникален: с одной стороны, эффективность его функционирования в решающей степени зависит от качества системы государственного и муниципального управления, с другой – развитие этого института может очень сильно повлиять на базовые культурные установки населения, постепенно приобщая его к новому, более равноправному стилю взаимоотношения с государством и исподволь способствуя разрушению патерналистских стереотипов. Соответственно, сложно говорить о перспективах развития гражданского общества в стране, где система государственных

и муниципальных услуг воспроизводит традиционалистскую систему отношений между властью и гражданином.

Между тем, качество услуг еще остается на достаточно низком уровне и требует масштабной работы по повышению его эффективности. Социологическое исследование, проведенное специалистами кафедры «Государственное управление и социология региона» ПГУ, выявило отношение населения к качеству полученных услуг. Данное исследование проводилось методом массового анкетного опроса по месту жительства респондентов; в качестве исследовательской техники использован метод формализованного интервью; объем выборки – 500 жителей Пензенской области. 42,3% опрошенных отмечают, что ситуация с качеством предоставления публичных услуг коренным образом не меняется. Причем данные показывают, чем выше уровень образования и занимаемая должность, тем выше пессимистические настроения. Наибольшее недовольство среди получателей услуг вызвали медицинские услуги, услуги по социальной поддержке, регистрации прав собственности, получению финансовой поддержки по улучшению жилищных условий, получению разрешающих документов на строительство (реконструкцию) и информации.

Ответы респондентов свидетельствуют о том, что наибольшее неудовлетворение в процессе получения услуг вызывают хождение по многим кабинетам (отсутствие системы «одного окна») (77%), большие очереди (76,5 %) и дороговизна услуг (75,5 %). Наименее значимыми, но тоже довольно весомыми, явились претензии, проявляющиеся в отсутствии (недостатке) оборудованных мест для ожидания (60,7 %) и отсутствии (недостатке) необходимой информации (60,2 %).

Планомерное устранение этих претензий станет существенным фактором снятия барьеров в доступности и качестве услуг. Причем качественная публичная услуга должна создавать возможность для потребителя получить максимальный конечный эффект. В целом качество государственной услуги может быть представлено: качеством содержания её конечного результата; качеством получения услуги, связанного с комфортностью и доступностью.

Критерии качества и комфортности (включая доступность) публичных услуг – это совокупность количественных и качественных параметров, позволяющих измерять, учитывать, контролировать и оценивать результат предоставления данных услуг. Выделяются следующие виды критериев: информированность потребителя о получении услуги, комфортность ожидания услуги, комфортность получения услуги, доступность оказываемой услуги, отношение персонала к потребителю услуги, возможность обжалования действий персонала, время, затраченное на получение

конечного результата услуги (оперативность), качество содержания конечного результата услуги, компетентность персонала¹⁰.

В связи с этим представляется целесообразным внедрение системы оценки потребителями качества и доступности предоставляемых публичных услуг, которая является эффективным методом изучения современного состояния в области предоставления услуг и направлена на дальнейшее совершенствование качества этих услуг с учетом потребностей и ожиданий самих получателей услуг. В этом нужно видеть пути гармонизации интересов в обществе.

Всё это позволит упорядочить отношения в области публичных услуг что в свою очередь, способствует становлению гражданского общества в нашей стране.

УДК316.334.5+929 Мечников

ПРОБЛЕМЫ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ДЕТЕРМИНИЗМА В ТРУДАХ И.И. МЕЧНИКОВА

Е.Н. Горина

Саратовский государственный университет
E-mail: Dylnov GV@ info.sgu.ru

В статье рассматриваются особенности воззрений И.И. Мечникова на место и роль географических факторов в жизни человеческого общества.

Ключевые слова: географическая школа в социологии, географический детерминизм, солидарность, социальный прогресс.

The Problems of Geographical Determinism, Described in the I.I. Mechnikov's Scientific Works

E.N. Gorina

In the article the peculiarities of the scientific views of I.I. Mechnikov about place and role of the geographical factors in the human beings' life are regarded.

Key words: geographical school in sociology, solidarity, social progress.

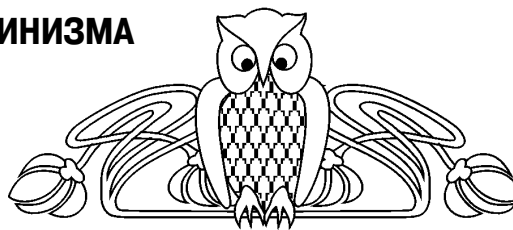
В истории отечественной социологии XIX в. известное место принадлежит географической школе, полагавшей, что психическая жизнь и деятельность человека обусловлены его естественной средой, которая направляет эволюцию данного общества и культуры.

Особенности интерпретации этой доктрины рассматривались рядом русских мыслителей (К. Бэр, В.О. Ключевский и др.).

Крупнейшим представителем географического направления в социологии, получившим мировую известность после опубликования (посмертно) главного сочинения «Цивилизация и великие исторические реки. Географическая гео-

Примечания

- 1 См.: Абакумов М.А. Гражданское общество в России (от Древней Руси до наших дней). – М.: «Галерея», 2008. С. 15
- 2 См.: Тихомиров Ю.А. Публичные услуги: спрос общества и реализующие его институты // Модернизация экономики и выращивание институтов: Материалы междунар. науч. конф. М., 2005.
- 3 См.: Терещенко Л.К. Услуги: государственные, публичные, социальные // Журн. рос. права. 2004. №10. С. 17.
- 4 См.: Мониторинг государственных и муниципальных услуг в регионе как стратегический инструмент повышения качества регионального управления: опыт, проблемы, рекомендации / С.И. Неделько, А.В. Осташков, С.В. Матюкин и др.; Под общ. ред. В.В. Маркина, А.В. Осташкова. М., 2008.

рия современных обществ» (СПб., 1898) является И.И. Мечников.

И.И. Мечников не случайно обратился к проблеме географического фактора. Этому способствовали его научные интересы в области географии в совокупности с его этнографическими, антропологическими, социально-психологическими изысканиями. Он всегда был склонен к комплексному методу и возможности широкого и полноценного применения этого метода давала, по его мнению, новая, только что возникшая наука – социология. В след за позитивистами школы Конта–Спенсера Мечников считал, что социология, с одной стороны, должна усвоить строгий, свободный от пережитков метафизики метод естественных наук, с другой ей следует ясно и определенно установить свою специфику как особой общественной науки.

Специфика социологии, по Мечникову, и заключается прежде всего в том, что она способна дать объективное обоснование идеи прогресса в развитии человеческого общества. С анализом этой проблемы и начинается Мечников изложение своей социологической концепции, подчеркивая, что человеческая история, лишенная идеи прогресса, представляет лишь бессмысленную смену событий, вечный прилив и отлив случайных явлений, которые не укладываются в рамки общего мировоззрения. Однако собственно историческая наука, излагающая «факты и деяния» народов в хронологическом порядке, может только доставить

конечного результата услуги (оперативность), качество содержания конечного результата услуги, компетентность персонала¹⁰.

В связи с этим представляется целесообразным внедрение системы оценки потребителями качества и доступности предоставляемых публичных услуг, которая является эффективным методом изучения современного состояния в области предоставления услуг и направлена на дальнейшее совершенствование качества этих услуг с учетом потребностей и ожиданий самих получателей услуг. В этом нужно видеть пути гармонизации интересов в обществе.

Всё это позволит упорядочить отношения в области публичных услуг что в свою очередь, способствует становлению гражданского общества в нашей стране.

УДК316.334.5+929 Мечников

ПРОБЛЕМЫ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ДЕТЕРМИНИЗМА В ТРУДАХ И.И. МЕЧНИКОВА

Е.Н. Горина

Саратовский государственный университет
E-mail: Dylnov GV@ info.sgu.ru

В статье рассматриваются особенности воззрений И.И. Мечникова на место и роль географических факторов в жизни человеческого общества.

Ключевые слова: географическая школа в социологии, географический детерминизм, солидарность, социальный прогресс.

The Problems of Geographical Determinism, Described in the I.I. Mechnikov's Scientific Works

E.N. Gorina

In the article the peculiarities of the scientific views of I.I. Mechnikov about place and role of the geographical factors in the human beings' life are regarded.

Key words: geographical school in sociology, solidarity, social progress.

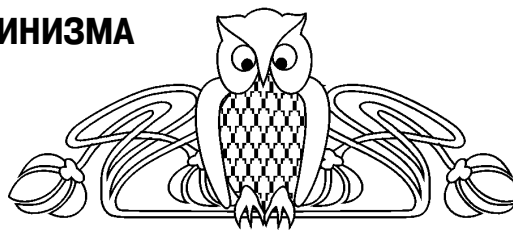
В истории отечественной социологии XIX в. известное место принадлежит географической школе, полагавшей, что психическая жизнь и деятельность человека обусловлены его естественной средой, которая направляет эволюцию данного общества и культуры.

Особенности интерпретации этой доктрины рассматривались рядом русских мыслителей (К. Бэр, В.О. Ключевский и др.).

Крупнейшим представителем географического направления в социологии, получившим мировую известность после опубликования (посмертно) главного сочинения «Цивилизация и великие исторические реки. Географическая гео-

Примечания

- 1 См.: Абакумов М.А. Гражданское общество в России (от Древней Руси до наших дней). – М.: «Галерея», 2008. С. 15
- 2 См.: Тихомиров Ю.А. Публичные услуги: спрос общества и реализующие его институты // Модернизация экономики и выращивание институтов: Материалы междунар. науч. конф. М., 2005.
- 3 См.: Терещенко Л.К. Услуги: государственные, публичные, социальные // Журн. рос. права. 2004. №10. С. 17.
- 4 См.: Мониторинг государственных и муниципальных услуг в регионе как стратегический инструмент повышения качества регионального управления: опыт, проблемы, рекомендации / С.И. Неделько, А.В. Осташков, С.В. Матюкин и др.; Под общ. ред. В.В. Маркина, А.В. Осташкова. М., 2008.

рия современных обществ» (СПб., 1898) является И.И. Мечников.

И.И. Мечников не случайно обратился к проблеме географического фактора. Этому способствовали его научные интересы в области географии в совокупности с его этнографическими, антропологическими, социально-психологическими изысканиями. Он всегда был склонен к комплексному методу и возможности широкого и полноценного применения этого метода давала, по его мнению, новая, только что возникшая наука – социология. В след за позитивистами школы Конта–Спенсера Мечников считал, что социология, с одной стороны, должна усвоить строгий, свободный от пережитков метафизики метод естественных наук, с другой ей следует ясно и определенно установить свою специфику как особой общественной науки.

Специфика социологии, по Мечникову, и заключается прежде всего в том, что она способна дать объективное обоснование идеи прогресса в развитии человеческого общества. С анализом этой проблемы и начинается Мечников изложение своей социологической концепции, подчеркивая, что человеческая история, лишенная идеи прогресса, представляет лишь бессмысленную смену событий, вечный прилив и отлив случайных явлений, которые не укладываются в рамки общего мировоззрения. Однако собственно историческая наука, излагающая «факты и деяния» народов в хронологическом порядке, может только доставить

необходимый материал для обоснования теории прогресса, которая относится к компетенции более абстрактной науки – социологии. Социология и призвана указать «ариаднину нить», необходимую для отыскания дороги в запутанном лабиринте исторических факторов и событий. Существенная задача, считает Мечников, определить, в чем состоит прогресс и по какому точному признаку можно узнать, прогрессирует ли данное общество, не употребляя при этом никакого субъективного произвола, никакого предвзятого мнения.

Что же следует считать несомненным критерием исторического прогресса? Таким критерием можно считать развитие науки и техники, но это не исчерпывающий показатель. Доказательством действительного существования общего прогресса в истории, по утверждению Мечникова, является непрерывная эволюция социальной связи между людьми и факт нарастания общечеловеческой солидарности.

Самой общей, специфически социальной формой жизни Мечников считает кооперацию, добровольное или вынужденное объединение людей в обществе для достижения общей цели. Принцип кооперации совершенно отличен и противоположен принципу борьбы за существование, поэтому И.И. Мечников энергично возражал против механического перенесения этого принципа из природы в общественную жизнь.

Следует подчеркнуть, что взгляды Мечникова во многом не совпадают с воззрениями приверженцев географического детерминизма. Сторонники этого направления исходили из того, что различие исторических судеб народов, населяющих разные территории, должно быть поставлено в непосредственную зависимость от различных свойств географической среды. Как известно, такой взгляд зародился еще в глубокой древности, а в новое время в той или иной степени его разделяли Монтескье, Бокль, Риттер и многие другие. С точки зрения названных ученых, географическая среда определяет психический склад людей (характер, темперамент и т.д.), который в свою очередь выступает в качестве двигателя истории. При этом они мало обращали или даже вовсе не обращали внимания на то обстоятельство, что человек как общественное существо вместе со всеми своими психическими и моральными наклонностями формируется в гораздо большей степени под влиянием социальной среды, чем под прямым воздействием природы.

Одобрив общее направление географической социологии, Мечников, однако, гораздо глубже смотрел на взаимодействие природы и общества, чем большинство тогдашних социологов, принадлежавших к этой школе.

Он впервые поставил вопрос о влиянии географических условий на социальную жизнь.

Социальная динамика, по его мнению, определяется, с одной стороны, условиями среды, а с другой – теми средствами, которыми располагает само общество для организации «солидарно-кооперативного труда». Эти два фактора – географическая среда и способность людей к приспособлению через организацию коллективного труда, и являются элементами изменчивыми, откуда неопровержимо вытекает, что исторические судьбы народов, живущих в каких бы то ни было странах, должны постоянно меняться.

Рассматривая влияние природных условий на общественную жизнь, И.И. Мечников сравнительно немного говорит о физико-геологических различиях в строении земной поверхности, о растительности и животном мире, о климате и атмосфере, хотя, конечно, признает, что ни одно из природных условий не может быть сброшено со счета, когда выясняются естественные обстоятельства, сопутствующие течению жизни народов.

Главным фактором он считает «воду» – реки, моря и океаны, которые, по его мнению, более чем какие-либо другие явления географической среды, содействуют зарождению цивилизации, объясняет ее неравномерное распределение на Земле, равно как и само направление общественного прогресса. В этом состоит еще одна особенность социологической концепции Мечникова, которая ставит русского социолога в своеобразное положение среди других социологов географической школы.

Рассматривая роль морей, океанов в истории человечества, Мечников замечает, что капризное на первый взгляд и случайное передвижение центра цивилизации из одной страны в другую в разные эпохи, изменение в течение истории культурной ценности различных географических областей в действительности представляются явлениями строго закономерными, подчиненными порядку. Эта объективная закономерность, по его мнению, проявляется в том, что цивилизации первоначально образуются на берегах великих рек, затем постепенно расширяются, сосредоточиваясь вокруг средиземноморских бассейнов, и, наконец, выходят на простор океанов, охватывая обширные океанические побережья.

Оригинальной чертой социологической концепции Мечникова является ее интегральный характер: роль географического фактора он органично связывает с процессом генезиса и развития человеческой солидарности. Жизненные впечатления и наблюдения, результаты глубокого анализа философских и социально-политических учений и личного общения со многими выдающимися мыслителями, раздумья над острыми проблемами эпохи – все это стало той гносеологической базой, на которой он выстраивал свою теорию.

УДК 316.74:37 (470+571)

ВХОЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ В ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ

Е.Н. Васильева

Саратовский государственный университет
E-mail: Dylnov GV@ info. sgu. ru

В статье характеризуются нынешнее состояние социологического образования в России, пути его вхождения в общеевропейское пространство, основные проблемы данного процесса.

Ключевые слова: социологическое образование, общеевропейское образовательное пространство, качество образования, уровни образования.

Russian Sociology in the All-European Educational Space: Condition and Problems

E.N. Vasilyeva

In the article the present condition of the sociological education in Russia is characterized. The author analyzes the ways of its entering in the all-European educational space and the main problems of this process.

Key Words: Sociological education, the all-European educational space, quality of education, educational levels.

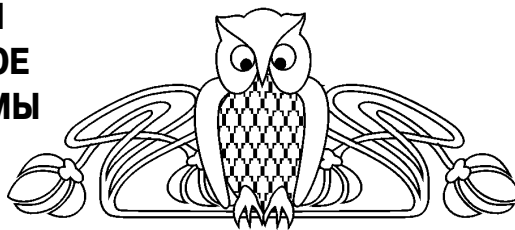
В последние годы высшая школа России предпринимает усилия по реализации основных принципов и положений Болонского процесса. Как известно, 2010 г. был определен для России началом активного участия в данном процессе. Не является исключением и отечественное социологическое образование. Как же сегодня, в начале 2010 г., обстоят дела в этом направлении?

Последние – 2008 и 2009 г. – были весьма знаменательны для социологии России. Как известно, Российская академия наук объявила 2008-й Годом социологии, что связано с тем, что именно в этом году отмечалось 50-летие создания советской социологической ассоциации и 40-летие Института социологии РАН.

Научная общественность страны широко отмечала эти юбилейные даты, что, естественно, было связано с подведением определенных итогов развития социологии в стране, определением новых перспектив данного процесса.

Не менее знаменательным для нашей социологии явился и 2009 г., когда отмечалось 20-летие отечественного социологического образования.

Социология в том виде, как она представлена в системе научного знания, претерпевает серьезные организационные, теоретико-методологические и идейно-политические изменения. Организационные изменения социологии в России за последние 20 лет определились прежде всего возрождением и институционализацией университетской социологии,

логии, которой не существовало на протяжении 70 лет советской власти.

Решающей вехой в становлении социологического образования стало открытие в 1989 г. социологических факультетов в Московском и Санкт-Петербургском государственных университетах. С тех пор в стране сделаны масштабные шаги в развитии социологического образования. В 1989 г. лишь 6 вузов осуществляли подготовку социологов (из них только два располагали факультетами, два – имели отделения и два – кафедры социологии). В настоящее время 105 вузов России готовят социологов. Более 20 тысяч выпускников получили социологическую специальность. В стране функционирует многоуровневая система подготовки кадров социологов: бакалавр, специалист, магистр, аспирант, докторант. На кафедрах преподают социологические дисциплины более 4000 преподавателей. По социологическим наукам квалификационную работу осуществляют более ста докторских и кандидатских диссертационных советов.

Создана достаточно обширная учебно-методическая база преподавания социологических дисциплин. Ныне в год выпускаются более 400 наименований учебной и научной литературы. Координационную работу по теоретическим, методическим вопросам подготовки специалистов-социологов в вузах страны осуществляет Совет по социологии Учебно-методического объединения (УМО) классических университетов. Этот Совет стал центром обмена опытом, творческих дискуссий, кооперации усилий по улучшению качества подготовки специалистов.

В теоретико-методологическом плане изменения коснулись пересмотра ортодоксальной марксистской парадигмы и перехода к разнообразию научных парадигм и способов мышления. Молодое поколение российских социологов вольно выбирать теоретическую парадигму, с точки зрения которой оно интерпретирует эмпирические данные и осмысляет общественные процессы, будь то структурный функционализм, символический интеракционизм, позитивизм, витализм или постмодернизм¹.

Во всех вузах страны идет активная работа по подготовке учебных планов и программ для бакалавров и магистров; создаются специальные учебники и учебно-методические пособия;

налажена работа по подготовке и повышению квалификации преподавателей-социологов. Активизировалась научная проработка проблем, связанных с вхождением высшей школы России в Болонский процесс.

В системе высшего образования страны все более широко и эффективно развиваются интеграционные и инновационные процессы, внедряются новые технологии и методики обучения, совершенствуется научно-исследовательская работа, повышается самостоятельность студентов.

Вместе с тем очевидны и нерешенные вопросы в этом плане. Прежде всего, общественность вузов пока незнакома с новым федеральным ГОСТом по социологии, принятие которого явно затянулось. Как известно, при его разработке не были приняты во внимание многочисленные замечания и предложения вузовских педагогов; нет ясности и четкости в стратегии действий вузов.

В этих условиях на уровне Министерства образования и науки Российской Федерации должны быть разработаны рекомендации по реализации принципов Болонского процесса; должны быть и соответствующие организационно-практические разработки. Думается, что следовало бы в централизованном порядке решать вопросы по уровням и зачетным единицам, по научным степеням. На этой основе вузы могли бы разработать конкретные программы деятельности по переходу на

УДК 316.422.42

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ДЕМОКРАТИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Н.В. Емельянова

Саратовский государственный университет
E-mail: igranad@gmail.com

В статье рассматриваются особенности политического режима в современной России, предпосылки его становления и перспективы дальнейших изменений. Особое внимание уделяется проблеме противоречия между заявленной российским правительством линией развития политического режима и реалиями Российского государства на настоящий момент.

Ключевые слова: политический режим, суверенная демократия, политическая система.

The Problems and the Prospects of Development of Democracy in Modern Russia

N.V. Emeljanova

The features of the political regime in modern Russia, preconditions for its formation and prospects for further changes are considered in this article. Special attention is given to a contradiction between the line of development of the political regime declared by Russian government and Russia's realities at the moment.

Key words: political mode, political regime, sovereign democracy, political system.

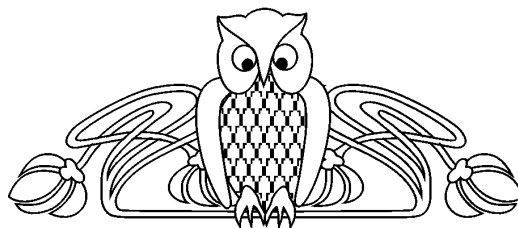
двухуровневую систему образования – бакалавриат и магистратура².

В самое последнее время на различных уровнях (включая и Государственную Думу) заговорили о неготовности нашей системы и переходу на принципы болонского процесса; о нерешенности вопросов по присуждению научных степеней и т.д. Следствием этого, на наш взгляд, явилось решение Минобрнауки РФ о продлении приема в 2010 г. на специальности наряду с возможностью открытия бакалавриата и магистратуры. Все это делается с позиций того, чтобы все мероприятия по вхождению в Болонский процесс носили менее болезненный характер и учитывали бы специфику национальной высшей школы.

Примечания

¹ См. об этом подробнее: *Добреньков В.И.* Ценностные ориентиры современной социологии // Социс. 2009. № 8. С. 109; *Добреньков В.И., Кравченко А.И., Гутков Д.А.* Социологическое образование в России. М., 2009.

² См.: *Дыльнов Г.В.* Социологическое образование в России в контексте Болонского процесса /некоторые проблемы социально-политического развития современного российского общества: Сб. науч. тр. Вып. 15. Саратов, 2008. С. 156.

Россия в настоящее время, несмотря на значительные изменения в экономической и политической сферах, характеризуется большинством аналитиков, как российских, так и зарубежных, как страна «переходного типа». В значительной степени это связано с различиями в организации ее политической системы и, как следствие, с перманентно стоящей проблемой выбора между демократической линией развития и авторитаризмом.

С момента возникновения данной проблемы скепсис в подходе к перспективам российской демократии проявляется как некая интеллектуальная мода. Его можно проследить, например, у «традиционалистов», убежденных в отторжении российской ментальностью любых западных моделей развития.

Еще более определенную и резкую позицию можно найти у некоторых аналитиков, рассматривающих ограничения свободы СМИ, преследова-

налажена работа по подготовке и повышению квалификации преподавателей-социологов. Активизировалась научная проработка проблем, связанных с вхождением высшей школы России в Болонский процесс.

В системе высшего образования страны все более широко и эффективно развиваются интеграционные и инновационные процессы, внедряются новые технологии и методики обучения, совершенствуется научно-исследовательская работа, повышается самостоятельность студентов.

Вместе с тем очевидны и нерешенные вопросы в этом плане. Прежде всего, общественность вузов пока незнакома с новым федеральным ГОСТом по социологии, принятие которого явно затянулось. Как известно, при его разработке не были приняты во внимание многочисленные замечания и предложения вузовских педагогов; нет ясности и четкости в стратегии действий вузов.

В этих условиях на уровне Министерства образования и науки Российской Федерации должны быть разработаны рекомендации по реализации принципов Болонского процесса; должны быть и соответствующие организационно-практические разработки. Думается, что следовало бы в централизованном порядке решать вопросы по уровням и зачетным единицам, по научным степеням. На этой основе вузы могли бы разработать конкретные программы деятельности по переходу на

УДК 316.422.42

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ДЕМОКРАТИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Н.В. Емельянова

Саратовский государственный университет
E-mail: igranad@gmail.com

В статье рассматриваются особенности политического режима в современной России, предпосылки его становления и перспективы дальнейших изменений. Особое внимание уделяется проблеме противоречия между заявленной российским правительством линией развития политического режима и реалиями Российского государства на настоящий момент.

Ключевые слова: политический режим, суверенная демократия, политическая система.

The Problems and the Prospects of Development of Democracy in Modern Russia

N.V. Emeljanova

The features of the political regime in modern Russia, preconditions for its formation and prospects for further changes are considered in this article. Special attention is given to a contradiction between the line of development of the political regime declared by Russian government and Russia's realities at the moment.

Key words: political mode, political regime, sovereign democracy, political system.

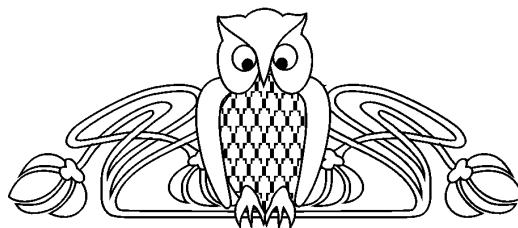
двухуровневую систему образования – бакалавриат и магистратура².

В самое последнее время на различных уровнях (включая и Государственную Думу) заговорили о неготовности нашей системы и переходу на принципы болонского процесса; о нерешенности вопросов по присуждению научных степеней и т.д. Следствием этого, на наш взгляд, явилось решение Минобрнауки РФ о продлении приема в 2010 г. на специальности наряду с возможностью открытия бакалавриата и магистратуры. Все это делается с позиций того, чтобы все мероприятия по вхождению в Болонский процесс носили менее болезненный характер и учитывали бы специфику национальной высшей школы.

Примечания

¹ См. об этом подробнее: *Добреньков В.И.* Ценностные ориентиры современной социологии // Социс. 2009. № 8. С. 109; *Добреньков В.И., Кравченко А.И., Гутков Д.А.* Социологическое образование в России. М., 2009.

² См.: *Дыльнов Г.В.* Социологическое образование в России в контексте Болонского процесса /некоторые проблемы социально-политического развития современного российского общества: Сб. науч. тр. Вып. 15. Саратов, 2008. С. 156.

Россия в настоящее время, несмотря на значительные изменения в экономической и политической сферах, характеризуется большинством аналитиков, как российских, так и зарубежных, как страна «переходного типа». В значительной степени это связано с различиями в организации ее политической системы и, как следствие, с перманентно стоящей проблемой выбора между демократической линией развития и авторитаризмом.

С момента возникновения данной проблемы скепсис в подходе к перспективам российской демократии проявляется как некая интеллектуальная мода. Его можно проследить, например, у «традиционалистов», убежденных в отторжении российской ментальностью любых западных моделей развития.

Еще более определенную и резкую позицию можно найти у некоторых аналитиков, рассматривающих ограничения свободы СМИ, преследова-

ния представителей бизнес-элиты, снижение роли политической оппозиции и т.д. как свидетельство авторитарной составляющей нынешнего режима.

Также нередко высказываются точка зрения о том, что само общество, разочаровавшееся в демократии, ждёт наведения порядка жесткими авторитарными методами.

Однако ни одна из этих точек зрения не в состоянии целостно объяснить суть существующей проблемы. Надо думать, что ситуация, сложившаяся в современной России, несёт в себе куда более неоднозначную проблему, обусловленную целым рядом различных факторов.

Несмотря на существующие трудности становления демократического режима в России, представители политической власти, судя по всему, сдаваться не собираются. В попытках хоть сколько-нибудь конкретизировать политический режим недавним из значительных нововведений явилось заявление В.Ю. Суркова о новом витке в развитии российской демократии, а именно заявление о становлении суверенной демократии. Однако какого-либо заметного развития при «новой власти» это направление не возымело. Если в период президентства нынешнего Председателя Правительства Кабинета министров РФ данная идея активно муссировалась, то с момента вступления на пост Дмитрия Медведева этот вопрос, по крайней мере до настоящего времени, больше не поднимался.

Стоит заметить, что указанный выше политико-правовой режим призван выражать исторические, экономические, геополитические, социальные и ментальные особенности российского народа. Сущность суверенной демократии может заключаться в полномостии народа, демократических процессах и формах выражения этого полномостия в деятельности государства на основе его независимости от всякой иной власти внутри и вне границ Российской Федерации. Целью установления режима суверенной демократии должно являться обеспечение высокой динамики роста благосостояния граждан, развития свободы личности, предпринимательства, развития институтов гражданского общества.

Однако думается, что политический режим современной России не в полной мере соответствует заявленным выше характеристикам. Достижение же целей, которые ставит перед собой суверенная демократия, представляется сомнительным, в первую очередь по причине тех особенностей политического режима, который сложился в России за последние годы.

Сложность реформирования авторитарной организации в России заключается в том, что для ее осуществления необходимо, кроме всего прочего, значительное повышение уровня оплаты труда наемной рабочей силы. Для этого нужны обширные капиталовложения. В то же время реформирование России осуществляется с целью повышения эффективности экономики, которая

сама нуждается в значительных масштабных дополнительных инвестициях. Отсюда возникает потребность в поднятии уровня инвестирования экономики для ее модернизации и одновременно в повышении оплаты труда всей массе наемных работников, что представляется весьма затруднительным. Поэтому требуется новая и мощная система «мобилизации» наемного персонала, который должен работать лучше, чем при социализме, за значительно меньшую дореформенной оплату труда.

Вместе с тем в современной России ставилась задача преодоления «авторитарных пережитков». Ещё нередко звучат реплики о том, что вера народа в чудодейственность частной собственности или рыночных механизмов быстро была развенчана. Национально-государственная идеология опирается лишь на фантомы политической характера. Исполнительная власть заполняет вакуум событиями текущей политики, сменой кадров и обещаниями. Законодательная власть и оппозиция критикуют исполнительную власть, а политические программы и предвыборные обещания превратились в официозную политическую «риторику», которую после выборов никто не вспоминает¹. Всё это напрямую привязано к специфике современного периода как переходного. Однако достаточно явным видится тот факт, что не вполне правомочно говорить о переходности периода спустя почти 20 лет после начала «перестройки», когда политические фантомы успели вырасти до политических реалий. При том что соотношение советского периода длиной примерно в 80 лет по отношению к нынешним 20-ти кажется мало чем оправданным.

В то же время власть еще больше отделилась от народа, нежели при советской власти. Многие противоречия, возникшие еще в эпоху социализма, не разрешены. Идет очень жесткая борьба за статус в высших эшелонах власти. Ослабли контрольные функции власти, что позволяет элите решать свои корпоративные проблемы за счет общества. Однако вариант возврата к авторитарному прошлому не представляется возможным, даже в случае выхода из-под контроля государственной власти. Но неустойчивость этой ситуации, сложность социально-политической обстановки затрудняют процессы демократизации общества и создают условия для усиления в стране авторитарных настроений.

В результате складывающийся демократический политический режим несет на себе четкий отпечаток экономического и политического преимущества элитарных групп, что свидетельствует об усилении авторитарных тенденций в государстве.

На основании принятой в 1993 г. новой Конституции сложилась президентская республика с действующим двухпалатным парламентом – Федеральным собранием, состоящим из Совета Федерации и Государственной думы. Верхняя

палата Федерального собрания – Совет Федерации – включает в свой состав представителей администраций и законодательных органов власти регионов. В Государственную думу баллотироваться депутаты по смешанной избирательной системе. В силу этого политический режим современной России может быть охарактеризован как демократический с устойчивыми «авторитарно-олигархическими» чертами и элементами политического корпоративизма.

Здесь надо помнить, что авторитарность заложена в традициях российского общества. В современных условиях тоска по «сильной руке» усиливается ходом и направленностью реформ, за которые подавляющему большинству населения приходится платить слишком высокую цену. Все возрастающий разрыв между богатыми и бедными, который образовался в результате реформирования последних лет, при отсутствии стабилизирующего среднего класса и является ключевой причиной авторитарных настроений.

В результате непродуманной в своё время политики приватизации значительная часть государственной собственности оказалась в руках малочисленных, но могущественных финансово-промышленных групп, монополизирующих, к тому же, масс-медиа и распространяющих свое влияние на политику исполнительной и законодательной ветвей власти. Тем самым эти «империи» превращают существующий режим в корпоративно-олигархический².

Говоря о ситуации в современной России, нужно отметить, что идеал политического развития заявлен: это демократизм и правовое государство. Однако политический режим в большей мере соответствует интересам находящейся у руля экономического и политического управления политической элиты и финансово-промышленной олигархии, нежели большинства граждан РФ.

При этом с формально-правовой точки зрения Россия, согласно Конституции, является демократическим федеративным правовым государством с республиканской формой правления. Человек, его права и свободы объявлены высшей ценностью, гарантировать которые обязуется государство. Единственным источником власти объявлен народ, который на референдумах и выборах изъясляет свою волю³.

По Конституции Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. В государстве охраняются труд и здоровье людей, устанавливается минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства. В 137 статьях Конституции можно найти нормы, которыми удовлетворилась бы любая развитая демократия⁴.

В действительности Россия представляет собой иное государство, нежели провозглашенное в

Конституции. Сказать, какое именно, трудно, поскольку нет в полной мере сформированного идеологического осознания современной реальности. Но подобное состояние России с неизбежностью будет приводить к противоречию между формальными правовыми демократическими основаниями и реальной действительностью. А это противоречие не может не воспроизводить социальную раздвоенность, свойственную авторитаризму, состояние алегитимности, теневых отношений и многих иных отрицательных явлений, которые не позволяют осуществлять демократическое реформирование на деле.

Хорошо известно, что стабильная демократия не может существовать без такого уровня экономического развития страны, который обеспечивал бы приемлемый для большинства граждан уровень благосостояния. Как справедливо отмечает У. Бек, «только те люди, которые имеют жилье, надежную работу и, следовательно, материально обеспеченное будущее, являются или могут стать гражданами, способными усвоить демократические правила поведения и наполнить демократию жизнью. Простая истина гласит: политические свободы не бывают без материальной безопасности», и россияне, отказывающиеся в праве системе, которая не обеспечивает реализацию их социально-экономических прав, как мы видим, отнюдь не оригинальны. Так, например, известный американский исследователь К. Лэш небезосновательно утверждает, что случись ситуация, при которой условия жизни в американских городах начнут приближаться к условиям жизни в странах третьего мира, демократии в Америке неизбежно предстоит утверждать себя заново.

Сегодня российский народ не имеет возможности реализовать принадлежащее ему по Конституции право на осуществление непосредственного народовластия. Российская демократия выживает только в том случае, если к оставшимся островкам народовластия, парламентским и президентским выборам мы сможем добавить пакет конституционных законов, которые подкрепят представительную демократию непосредственными формами осуществления народовластия. Пока что бюрократия не дает возможности развиваться этим институтам.

Пока исполнительная власть сама и пишет законы, и контролирует их исполнение, мы будем иметь монополию как в политике, так и в экономике.

Думается, что основной особенностью развития демократии в современную эпоху является то, что оно ведет не столько к «прирастанию» демократии (т.е. не к углублению и совершенствованию демократического начала в политических системах), как это происходило в прошлом, сколько к ее «убыванию» – к выхолащиванию этого демократического начала. И связано это отнюдь не только с эгоистическими интересами

правлящих элит, но и с объективными императивами функционирования демократических систем в изменившемся мире.

Следует, однако, сделать одну весьма существенную оговорку. Развитие демократического общества является особенно в современную эпоху процессом со многими неизвестными. И хотя факторы, влияющие на этот процесс, представляются сегодня достаточно сложившимися и устойчивыми, было бы все же неверным говорить о некоей предопределенности перспектив развития современной демократии и о необратимости тех тенденций, которые вырисовываются на сегодняшний день.

УДК 316.482.5 (470+571)

НЕКОТОРЫЕ ПРИЧИНЫ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В ПРИВОЛЖСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

В.В. Мосина

Саратовский государственный университет имени
E-mail: vitel@pochtamt.ru

В статье рассматриваются основные причины возникновения межэтнической напряженности и этнонациональных конфликтов на территории Приволжского федерального округа. Особое внимание уделяется роли миграции и производству негативных этнических стереотипов как основным конфликтогенным факторам на территории округа.

Ключевые слова: этнонациональный конфликт, межэтническая напряженность, миграция, этнические стереотипы.

Causes of Interethnic Tension and Ethno-national Conflict in Privolzhsky Federal District

V.V. Mosina

This article is devoted to the main causes of ethnic tension and ethno-national conflicts on the territory of the Privolzhsky Federal District. Particular attention is paid to the role of migration and production of negative ethnic stereotypes as the main factors for conflict in the district.

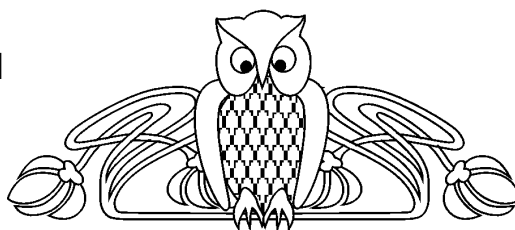
Key words: ethno-national conflict, interethnic tension, migration, ethnic stereotypes/

В условиях развития современного российского общества актуализируются проблемы обеспечения стабильности межэтнических отношений и предотвращение возможных этнонациональных конфликтов в регионах России. Поиск оптимальных способов решения назревающих проблем в этой сфере предполагает всестороннее исследование причин межэтнической напряженности как на федеральном, так и на региональном уровне.

По материалам регулярных исследований в субъектах Российской Федерации, проводимых

Примечания

- ¹ См.: Скакунов Э. Политическая оппозиция и период модернизации в России // Социологические исследования. 1999. № 8. С. 13; Розов Н. Россия и ее призраки // Политический журнал. 2007. № 3. С. 22.
- ² Шевцова Л.Ф. Политические зигзаги посткоммунистической России. М., 1997. С. 59.
- ³ Конституция РФ. Раздел Первый. Основные положения. Ст. 1: Основы конституционного строя.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Цит. по: Лэш К. Восстание элит и предательство демократии // ЛОГОС и ПРОГРЕСС. М., 2002. С. 69.

Сетью этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (ЕАВАРН) под руководством В.А. Тишкова, более 80% субъектов Федерации отнесены к категории спокойных¹. В их числе и субъекты, находящиеся на территории Приволжского федерального округа. Однако ситуация в них, равно как и перспектива ее развития, далеко не однозначна: наряду с отсутствием резкого проявления напряженности, социально-экономические и политические противоречия в этнонациональной сфере в той или иной форме все же существуют.

Основным источником межэтнических противоречий в Приволжском округе служат демографические и миграционные проблемы. Население Приволжского федерального округа насчитывает свыше 30,2 млн человек² – это один из самых многонаселенных округов Российской Федерации. Кроме того, его этнодемографическая особенность заключается в следующих чертах. В округе самая низкая по России доля русских в общем населении – 21,1 млн человек (67,8%); вторых по численности – татар – 4,1 млн человек (13%). Оставшиеся 20% включают представителей практически всех этнических групп, живущих в России. Однако среди этнических групп насчитывается всего 9, за исключением русских и татар, численность которых более 100 тыс. человек: чувашаи – 1,4 млн (4,6%), башкиры – 1,3 млн (4,3%), мордва – 655,9 тыс. (2,1%), удмурты – 560,8 тыс. (1,8%), марийцы – 511,9 тыс. (1,6%), украинцы – 401,6 тыс. (1,3%), казахи – 228 тыс. (0,7%), коми-пермяки – 106,6 тыс. (0,3%), армяне – 105 тыс. (0,3%)³. Остальные народы на территории округа имеют численность менее 100 тыс. человек: среди них немцы, евреи, диаспоры российских этносов

правлящих элит, но и с объективными императивами функционирования демократических систем в изменившемся мире.

Следует, однако, сделать одну весьма существенную оговорку. Развитие демократического общества является особенно в современную эпоху процессом со многими неизвестными. И хотя факторы, влияющие на этот процесс, представляются сегодня достаточно сложившимися и устойчивыми, было бы все же неверным говорить о некоей предопределенности перспектив развития современной демократии и о необратимости тех тенденций, которые вырисовываются на сегодняшний день.

УДК 316.482.5 (470+571)

НЕКОТОРЫЕ ПРИЧИНЫ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В ПРИВОЛЖСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

В.В. Мосина

Саратовский государственный университет имени
E-mail: vitel@pochtamt.ru

В статье рассматриваются основные причины возникновения межэтнической напряженности и этнонациональных конфликтов на территории Приволжского федерального округа. Особое внимание уделяется роли миграции и производству негативных этнических стереотипов как основным конфликтогенным факторам на территории округа.

Ключевые слова: этнонациональный конфликт, межэтническая напряженность, миграция, этнические стереотипы.

Causes of Interethnic Tension and Ethno-national Conflict in Privolzhsky Federal District

V.V. Mosina

This article is devoted to the main causes of ethnic tension and ethno-national conflicts on the territory of the Privolzhsky Federal District. Particular attention is paid to the role of migration and production of negative ethnic stereotypes as the main factors for conflict in the district.

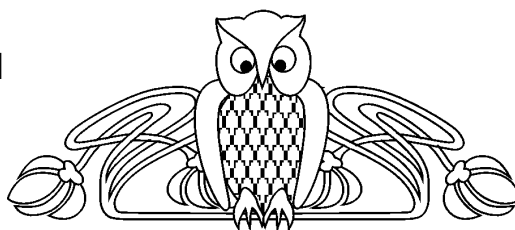
Key words: ethno-national conflict, interethnic tension, migration, ethnic stereotypes/

В условиях развития современного российского общества актуализируются проблемы обеспечения стабильности межэтнических отношений и предотвращение возможных этнонациональных конфликтов в регионах России. Поиск оптимальных способов решения назревающих проблем в этой сфере предполагает всестороннее исследование причин межэтнической напряженности как на федеральном, так и на региональном уровне.

По материалам регулярных исследований в субъектах Российской Федерации, проводимых

Примечания

- ¹ См.: Скакунов Э. Политическая оппозиция и период модернизации в России // Социологические исследования. 1999. № 8. С. 13; Розов Н. Россия и ее призраки // Политический журнал. 2007. № 3. С. 22.
- ² Шевцова Л.Ф. Политические зигзаги посткоммунистической России. М., 1997. С. 59.
- ³ Конституция РФ. Раздел Первый. Основные положения. Ст. 1: Основы конституционного строя.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Цит. по: Лэш К. Восстание элит и предательство демократии // ЛОГОС и ПРОГРЕСС. М., 2002. С. 69.

Сетью этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (ЕАВАРН) под руководством В.А. Тишкова, более 80% субъектов Федерации отнесены к категории спокойных¹. В их числе и субъекты, находящиеся на территории Приволжского федерального округа. Однако ситуация в них, равно как и перспектива ее развития, далеко не однозначна: наряду с отсутствием резкого проявления напряженности, социально-экономические и политические противоречия в этнонациональной сфере в той или иной форме все же существуют.

Основным источником межэтнических противоречий в Приволжском округе служат демографические и миграционные проблемы. Население Приволжского федерального округа насчитывает свыше 30,2 млн человек² – это один из самых многонаселенных округов Российской Федерации. Кроме того, его этнодемографическая особенность заключается в следующих чертах. В округе самая низкая по России доля русских в общем населении – 21,1 млн человек (67,8%); вторых по численности – татар – 4,1 млн человек (13%). Оставшиеся 20% включают представителей практически всех этнических групп, живущих в России. Однако среди этнических групп насчитывается всего 9, за исключением русских и татар, численность которых более 100 тыс. человек: чуваша – 1,4 млн (4,6%), башкиры – 1,3 млн (4,3%), мордва – 655,9 тыс. (2,1%), удмурты – 560,8 тыс. (1,8%), марийцы – 511,9 тыс. (1,6%), украинцы – 401,6 тыс. (1,3%), казахи – 228 тыс. (0,7%), коми-пермяки – 106,6 тыс. (0,3%), армяне – 105 тыс. (0,3%)³. Остальные народы на территории округа имеют численность менее 100 тыс. человек: среди них немцы, евреи, диаспоры российских этносов

и народов СНГ, представители народов Центральной и Юго-Восточной Азии.

Приволжский округ отличается наибольшим показателем удельного веса коренных жителей среди российских округов (59,3% всего населения округа)⁴, в нем нет ни одного субъекта, где мигранты составляли бы большинство населения. Несмотря на это, проблема этноконфликтов, связанных с миграцией, на территории округа чрезвычайно остра.

Численность мигрантов, прибывших на территорию Приволжского округа, составила примерно 3,7 млн человек⁵. Наибольший миграционный прирост наблюдался в Республике Татарстан, Самарской, Саратовской, Нижегородской и Пензенской областях. Но не только размах миграции, меняя численность и структуру населения, определяет формирование социальных и этнонациональных конфликтов. Конфликтогенность миграции на территории округа часто обуславливается большим миграционным оборотом, когда та или иная территория служит транзитной зоной для значительных потоков, прибывающих и убывающих из нее.

Конфликтогенность миграции в настоящее время в достаточной степени детерминирована внешней миграцией в недавнем прошлом. Именно этот тип миграции сопровождался возникновением напряженности в местах вселения отдельных этнических групп. В частности, мигранты титульных национальностей Закавказья имели в Приволжье положительное сальдо со второй половины 1990-х гг., особенно это правомерно в отношении армян и азербайджанцев. В то же время, на территорию округа прибыли и представители титульных народов Средней Азии и Казахстана.

Распределение мигрантов, приехавших на территорию округа из стран СНГ, неравномерно. В целом можно определить регионы с наибольшей их концентрацией. Это, прежде всего, южные области: Самарская, Ульяновская, Оренбургская и Саратовская, а также Пензенская и Нижегородская. Такая концентрация мигрантов сопровождалась усилением межэтнической напряженности, которая нередко возникала в этих регионах.

Между тем этноконфликтная ситуация в Приволжском федеральном округе, обусловленная миграцией второй половины 1990-х гг., продолжает усложняться и в настоящее время. И снова наибольшую миграционную нагрузку испытывают регионы, которые и так отличаются большой «плотностью» мигрантов.

В настоящее время в миграционном приросте Приволжского федерального округа, полученном за счет титульных народов округа, преобладают татары (69%), башкиры (12%) и чуваша (9%), а за счет титульных народов стран СНГ – украинцы (39%), армяне (14%), азербайджанцы (13%), казахи (10%), таджики (8%), узбеки (8%)⁶.

Распределение внешних мигрантов по территории округа можно представить следующим

образом. Мигранты из Казахстана избрали своим местом жительства в основном Саратовскую, Оренбургскую, Самарскую, Нижегородскую области и Республику Башкортостан; из Узбекистана – Республику Башкортостан и Татарстан; из Таджикистана – Республику Башкортостан и Татарстан, а также Самарскую, Саратовскую и Оренбургскую области; из Киргизии – Самарскую, Саратовскую, Оренбургскую области и Республику Башкортостан; с Украины – Нижегородскую, Пермскую области и Республику Башкортостан⁷.

В настоящее время миграция на территории Приволжского округа носит преимущественно трудовой характер. Поэтому последствия иммиграции, затрагивающие интересы принимающего населения, связаны, прежде всего, с повышением цен на жилье, в особенности на его аренду, обострением конкуренции за рабочие места, понижение уровня заработной платы в отраслях массовой занятости мигрантов.

Взаимодействие мигрантов с принимающим населением происходит в условиях конкурентной рыночной среды и нарастающей этнической сегментации наиболее доходных сфер деятельности. Конкуренция за ресурсы и сферы влияния все чаще выступает фактором этнической мобилизации. Мигрантам, как правило, отводятся отдельные ниши в сфере деятельности, которые они вынуждены постоянно отстаивать в соперничестве с другими этническими группами мигрантов и местного населения. Конкуренция создает риск вытеснения мигрантов из сфер их деятельности и риск изменения масштабов их влияния, что, в свою очередь, формирует предпосылки межэтнической напряженности и потенциальных этнонациональных конфликтов.

Полиэтничность, являющаяся одним из важнейших аспектов миграционных процессов, создает серьезные проблемы на территории Приволжского федерального округа. В то же время современные социально-экономические и политические условия округа также не способствуют адекватному приему, адаптации и интеграции мигрантов на новом месте жительства.

Характер межэтнического взаимодействия внешних мигрантов с коренным населением в значительной мере зависит от особенностей реализации в конкретных субъектах Приволжского округа миграционной политики государства. Эта политика предстает в виде соответствующих нормативно-правовых актов, управленческих решений и действий должностных лиц разного уровня. Миграционная политика и представления о ней, формируемые в основном средствами массовой информации, создают в сознании коренного населения установки на лояльное или, напротив, неблагоприятное отношение к иностранным гражданам.

Ситуация осложняется тем, что официально одобренной федеральной миграционной стратегией, которая бы увязывала воедино все виды миграции и интересы федерального государства, его

субъектов и муниципальных образований, а также различных групп населения, включая мигрантов, не существует. На федеральном уровне управления практически вся миграционная политика сводится к ограничению притока в РФ жителей СНГ и дальнего зарубежья.

Внутренние миграции на территории Приволжского округа практически игнорируются. Это тем более не оправданно, что внутренние перемещения населения на территории округа значительно превышают внешние миграции. Например, в 2002 г. внешний приток составил около 1 млн зарубежных мигрантов, тогда как количество внутренних мигрантов в этом же году было 2,7 млн человек⁸. Невнимание федерального центра к внутренним миграциям связано и с отсутствием в системе федеральной исполнительной власти отдельного института, который занимался бы этим вопросом.

Реальный вклад государства в регулирование миграции состоит во все усложняющейся системе контроля и регистрации, которая обязательна и для внутренних, и для внешних мигрантов и реализуется, главным образом, на региональном и местном уровнях. Система эта чрезвычайно бюрократизирована и некоторые малоэффективна, поскольку ее легко обойти⁹. Так, например, представители (руководители) диаспор – азербайджанской, армянской, казахской и др. в регионах Приволжского федерального округа оценивали масштабы легального/нелегального проживания членов своих общин как 1 : 1.

Нормативная база, регулирующая внешние миграции, существует лишь на федеральном уровне – основные законы, закладывающие фундамент миграционной политики, «О гражданстве» и «О правовом положении иностранных граждан». На уровне федеральных субъектов, как и в муниципальных образованиях, зачастую отсутствует адекватная современному периоду развития российского общества правовая база по вопросам миграции. В некоторых нормативных документах (связанных с распределением жилья, занятости) они упоминаются, но речь преимущественно идет о выполнении принятых на федеральном уровне решений или об общих декларациях.

В качестве основных недостатков миграционной политики можно назвать следующие моменты: ограничительно-карательный характер миграционной политики, при котором все внимание направлено на контроль, а не на прием и интеграцию мигрантов в общество и на рынок труда; отсутствие гибкости и возможности учитывать территориальные особенности ситуации, вследствие жесткой централизации миграционной политики; сложность процедур оформления пребывания в России, высокий уровень бюрократизации; отсутствие согласованных действий в отношении внешней и внутренней миграции; культивирование через СМИ мигрантофобии и связанной с ней этнофобии; отсутствие мер по адаптации и ассимиляции мигрантов.

Несовершенство миграционного законодательства, неразвитость демократических традиций¹⁰ только усиливают вероятность открытых этнонациональных конфликтов в будущем.

Миграция, как правило, влечет за собой еще один этноконфликтотенный фактор – негативные этнические стереотипы, особенно в отношении к иностранным мигрантам, выходцам из стран ближнего и дальнего зарубежья.

Приезд сегодняшних мигрантов редко ассоциируется у принимающего населения с чем-то положительным. Социокультурные и поведенческие различия служат источником негативного отношения местного населения к приезжим.

Во главе всех негативных стереотипов, бытующих в обществе на территории Приволжского округа, стоит образ мигранта-преступника, контрабандиста и торговца наркотиками. Чаще всего такой образ создается благодаря заявлениям ответственных государственных чиновников, милицейским сводкам и их отражению в СМИ и относится к этническим мигрантам из Северо-Кавказского региона и Таджикистана.

Еще один негативный стереотип – образ рыночного торговца, спекулянта и обманщика. Сфера торговли является той областью, в которой местные жители чаще всего сталкиваются с этническими мигрантами в повседневной жизни. Она-то и служит источником особого раздражения в адрес казахских мигрантов, в то время как другие сферы занятости трудовых мигрантов, например, сфера услуг, строительство или сельское хозяйство, не столь демонстративны. Недовольство коренных жителей может вызывать качество продаваемых мигрантами товаров и продуктов питания, что имеет под собой вполне реальную почву.

У принимающего населения есть все основания рассматривать мигрантов в качестве угрозы своему здоровью. Нелегальные мигранты не проходят медицинских осмотров, у них имеется ограниченный доступ к медицинским услугам. Многие из них приезжают из регионов с неблагоприятной санитарно-эпидемиологической обстановкой. Однако все эти угрозы носят потенциальный характер, случаи реального ущерба здоровью местного населения пока не выявлены.

Таким образом, источниками межэтнической напряженности на территории Приволжского федерального округа могут выступать миграция и связанные с ней негативные этнические стереотипы, возникающие из личного опыта населения вследствие искаженного представления о реальной ситуации или создаваемые и поддерживаемые в конкретных политических и финансовых интересах.

Примечания

¹ См.: Этническая ситуация и конфликты в государствах СНГ и Балтии. Ежегодн. докл. / Под ред. В.А. Тишкова и Е.И. Филипповой. М., 2007. С. 58.

- 2 Приволжский_федеральный_округ [Электронный ресурс]. URL: См.: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 25.02.2010).
- 3 Там же.
- 4 См.: *Дмитриев А.В.* Миграция: конфликтогенное измерение. М., 2007. С.35.
- 5 Там же. С.38–39.
- 6 Современные миграционные процессы в ПФО // [Электронный ресурс]. URL: <http://antropotok.arhipelag.ru/keys1/keys1-2.htm> (дата обращения: 25.02.2010).
- 7 См.: *Дмитриев А.В.* Указ. соч. С.52-53.
- 8 Там же. С. 38, 39.
- 9 Незаконная миграция в ПФО [Электронный ресурс]. URL: // <http://antropotok.arhipelag.ru/keys1/keys1-4.htm> (дата обращения: 25.02.2010).
- 10 *Немерюк Е.Е.* Миграция и рынок труда в современном российском обществе: социологический анализ / Под ред. Л.С. Аникина. Саратов, 2006. С.256.

УДК 316.334.52 (5)

ЗНАНИЯ СТУДЕНТОВ О КРЕДИТАХ И КРЕДИТНЫХ КАРТАХ

С.Л. Ревзина

Саратовский государственный университет
E-mail: DylnovGV@info.sgu.ru

В статье по результатам социологического опроса ставится проблема повышения уровня знаний студентов в финансовой сфере, дается оценка их знаний, умений и навыков пользования кредитами и кредитными картами, уточняются предпочтения в плане повышения информированности.

Ключевые слова: знания студентов о кредитах и кредитных картах, опыт пользования банковскими кредитными услугами, финансовая грамотность.

Student's Knowledge about Credits and Credit Cards

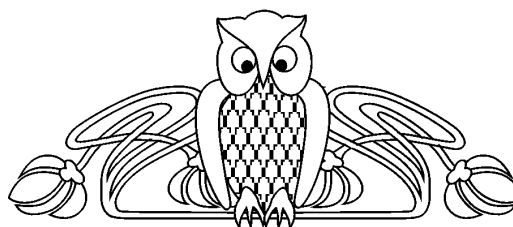
S.L. Revzina

The article is focused on the problems of the increasing the students' level of knowledge in the financial sphere. The article is written on the base of the social research. The students' skills and knowledge of using credits and credit cards services are estimated. The students' preferences concerning information about credits are précised.

Key words: student's knowledge about credits and credit cards, experience of using banking credit services, financial literacy.

Рост финансовой грамотности приводит к стабильному повышению уровня пользования финансовыми продуктами. Недостаток грамотности может привести к снижению финансовой активности. Спрос на финансовые услуги растет по мере роста денежных доходов населения, однако приход на рынок людей с низкой финансовой грамотностью может создать большие проблемы для адекватной работы финансовых рынков. Если люди, делая свой выбор, не могут отличить добросовестные компании от недобросовестных, инвесторы реагируют на ложные сигналы и паникуют при первых же негативных новостях, а заемщики отказываются платить по своим обязательствам, то за коротким периодом роста неизбежно последует кризис и новый спад интереса населения к финансовому рынку.

С целью оценки уровня финансовой грамотности студентов и их отношения к препо-

даванию азов финансовой грамотности в вузах общероссийской группой компаний ЦФТ (Центра финансовых технологий) с участием ЦРСИ СГУ и автора статьи было проведено социологическое исследование по выявлению уровня финансовых знаний и потребностей в данной информации со стороны студентов. Объем и структура выборочной совокупности: опрошено 4794 студента в 7 федеральных округах в 17 городах России, в том числе 1265 студента (26,4%) – в ПФО. Для оценки знаний студентов в сфере кредитования были использованы критерии, ориентированные на знание полной стоимости кредита и ее составляющих, возможных способов внесения платежей для погашения кредита, льготного периода кредитования, на сравнение стоимости разных форм потребительского кредита и знание о существовании и размерах штрафов за просрочку платежей по кредиту.

Полная стоимость кредита является важным показателем, характеризующим цену, которую должен заплатить заемщик за пользование деньгами банков. На начальном этапе становления банковского потребительского кредитования, когда банки начали выдавать кредиты людям при отсутствии кредитных историй, белых зарплат и даже единой системы учета паспортов, возможность рассчитать риски, связанные с возвратом средств, по сути, отсутствовала. При нежелании нести издержки от сбора такой информации, единственным способом, который позволял банкам рассчитывать на прибыль, было увеличение стоимости кредита для заемщиков и включение рисков невозвратов в процентную ставку. Однако слишком высокая процентная ставка была уже не столь привлекательной для заемщиков, особенно добросовестных, что тормозило развитие рынка. Поэтому при отсутствии соответствующего регулирования со стороны надзорных органов банки пошли на разного рода уловки с целью сокрытия

- 2 Приволжский_федеральный_округ [Электронный ресурс]. URL: См.: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 25.02.2010).
- 3 Там же.
- 4 См.: *Дмитриев А.В.* Миграция: конфликтогенное измерение. М., 2007. С.35.
- 5 Там же. С.38–39.
- 6 Современные миграционные процессы в ПФО // [Электронный ресурс]. URL: <http://antropotok.arhipelag.ru/keys1/keys1-2.htm> (дата обращения: 25.02.2010).
- 7 См.: *Дмитриев А.В.* Указ. соч. С.52-53.
- 8 Там же. С. 38, 39.
- 9 Незаконная миграция в ПФО [Электронный ресурс]. URL: // <http://antropotok.arhipelag.ru/keys1/keys1-4.htm> (дата обращения: 25.02.2010).
- 10 *Немерюк Е.Е.* Миграция и рынок труда в современном российском обществе: социологический анализ / Под ред. Л.С. Аникина. Саратов, 2006. С.256.

УДК 316.334.52 (5)

ЗНАНИЯ СТУДЕНТОВ О КРЕДИТАХ И КРЕДИТНЫХ КАРТАХ

С.Л. Ревзина

Саратовский государственный университет
E-mail: DylnovGV@info.sgu.ru

В статье по результатам социологического опроса ставится проблема повышения уровня знаний студентов в финансовой сфере, дается оценка их знаний, умений и навыков пользования кредитами и кредитными картами, уточняются предпочтения в плане повышения информированности.

Ключевые слова: знания студентов о кредитах и кредитных картах, опыт пользования банковскими кредитными услугами, финансовая грамотность.

Student's Knowledge about Credits and Credit Cards

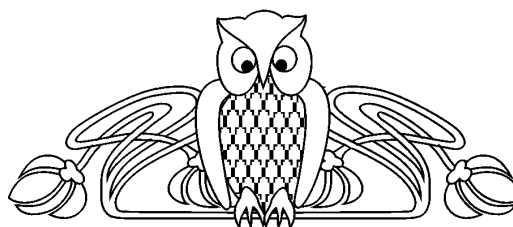
S.L. Revzina

The article is focused on the problems of the increasing the students' level of knowledge in the financial sphere. The article is written on the base of the social research. The students' skills and knowledge of using credits and credit cards services are estimated. The students' preferences concerning information about credits are précised.

Key words: student's knowledge about credits and credit cards, experience of using banking credit services, financial literacy.

Рост финансовой грамотности приводит к стабильному повышению уровня пользования финансовыми продуктами. Недостаток грамотности может привести к снижению финансовой активности. Спрос на финансовые услуги растет по мере роста денежных доходов населения, однако приход на рынок людей с низкой финансовой грамотностью может создать большие проблемы для адекватной работы финансовых рынков. Если люди, делая свой выбор, не могут отличить добросовестные компании от недобросовестных, инвесторы реагируют на ложные сигналы и паникуют при первых же негативных новостях, а заемщики отказываются платить по своим обязательствам, то за коротким периодом роста неизбежно последует кризис и новый спад интереса населения к финансовому рынку.

С целью оценки уровня финансовой грамотности студентов и их отношения к препо-

даванию азов финансовой грамотности в вузах общероссийской группой компаний ЦФТ (Центра финансовых технологий) с участием ЦРСИ СГУ и автора статьи было проведено социологическое исследование по выявлению уровня финансовых знаний и потребностей в данной информации со стороны студентов. Объем и структура выборочной совокупности: опрошено 4794 студента в 7 федеральных округах в 17 городах России, в том числе 1265 студента (26,4%) – в ПФО. Для оценки знаний студентов в сфере кредитования были использованы критерии, ориентированные на знание полной стоимости кредита и ее составляющих, возможных способов внесения платежей для погашения кредита, льготного периода кредитования, на сравнение стоимости разных форм потребительского кредита и знание о существовании и размерах штрафов за просрочку платежей по кредиту.

Полная стоимость кредита является важным показателем, характеризующим цену, которую должен заплатить заемщик за пользование деньгами банков. На начальном этапе становления банковского потребительского кредитования, когда банки начали выдавать кредиты людям при отсутствии кредитных историй, белых зарплат и даже единой системы учета паспортов, возможность рассчитать риски, связанные с возвратом средств, по сути, отсутствовала. При нежелании нести издержки от сбора такой информации, единственным способом, который позволял банкам рассчитывать на прибыль, было увеличение стоимости кредита для заемщиков и включение рисков невозвратов в процентную ставку. Однако слишком высокая процентная ставка была уже не столь привлекательной для заемщиков, особенно добросовестных, что тормозило развитие рынка. Поэтому при отсутствии соответствующего регулирования со стороны надзорных органов банки пошли на разного рода уловки с целью сокрытия

реальной стоимости кредита для заемщика с помощью введения дополнительных скрытых платежей и комиссий, уплачиваемых заемщиком помимо декларируемой годовой процентной ставки, обещанной банками в рекламных материалах. Понимание того, какие именно платежи входят в полную стоимость кредита, важно для заемщиков, так как позволяет сравнивать предложения банков между собой и выбирать наилучший вариант.

Более половины студентов сообщили о том, что не знают того, какие именно платежи и комиссии входят в полную стоимость кредита, причем всего 5% полагают, что им это известно точно, а 36,3% знают приблизительно. Среди тех, кто полагает, что в той или иной степени осведомлен о том, какие платежи входят в полную стоимость кредита, ни один из студентов не смог выбрать из предложенного списка единственно правильную комбинацию. Причем распределение полученных ответов свидетельствует о том, что в понимании студентов полная стоимость кредита в основном связана с процентами по кредиту, еще около половины с платежами по погашению тела кредита и разного рода комиссиями. Половина опрошенных ошибочно полагает, что в полную стоимость кредита входят также штрафы и неустойки за просрочку. Лишь 14% студентов в курсе того, что оплата услуг нотариуса и государственной регистрации и оценки имущества, передаваемого в залог, также входят в полную стоимость кредита.

В расчет полной стоимости кредита входят проценты по кредиту, платежи по погашению кредита, комиссии за открытие и ведение ссудного счета и комиссия за выдачу кредита как наиболее важные и распространенные виды платежей и комиссий. Студентов, которые правильно указали на эти платежи, в выборке оказалось всего 6%. 60,8% не дали ни одного правильного ответа.

Низкий уровень знаний студентов проявился еще и в том, что они не знают, в каких единицах и на какой период рассчитывается полная стоимость кредита – лишь 7% опрошенных дали правильный ответ, что расчет ведется в процентах в среднем за год. Более половины (58%) думают, что данный показатель измеряется в рублях за весь период кредитования, это означает непонимание ими основной функции данного показателя – сравнения разных предложений между собой. Например, если суммы и сроки кредитов в разных предложениях будут различаться, то выбрать наименее затратные на основе данных об абсолютных размерах переплаты без дополнительных расчетов будет затруднительно.

Знание о форме расчета полной стоимости кредита выше в ЦФО (9,1%), тогда как в СФО и УФО знающих студентов почти в три раза меньше (3,3 и 3,5% соответственно), причем студенты экономических специальностей (7,3%) проигрывают по этому показателю технарям (8,7%), а девушки (6,5%) юношам (8,5%).

Что касается знаний правил возврата кредитов, например, в отношении того, какой день считается днем внесения платежей по кредиту: день, когда внесли деньги через банкомат, или день, когда был отправлен почтовый перевод, или день получения банком денежных средств, правильный ответ был дан 65% опрошенных. При этом довольно большая часть студентов (24%) полагают, что расплата происходит в тот момент, когда они внесли деньги для оплаты через банкомат или отправили по почте. По данному вопросу наивысший процент правильных ответов был дан студентами, обучающимися на экономических специальностях (70,6%), девушки были более информированы, чем юноши (66,5 против 62,6%).

Вызывает опасение то, что около 15% студентов не знают, что банки за несвоевременное погашение минимального платежа штрафуют своих заемщиков. Среди тех, кто знает, около 30% пока не представляют себе, какими обычно бывают размеры штрафов (вопрос 17), поэтому не смогут адекватно отреагировать в том случае, если они будут необоснованно высоки. Из тех, кто дал свою оценку предельного размера штрафа, начиная с которого студенты будут считать его необоснованно высоким, треть выбрали рублевую оценку, а две трети предпочли оценить размер процентов от суммы кредита за каждый день просрочки. Давая оценки в рублях, всего 4,2% студентов назвали сумму от 300 до 600 рублей, а доля ответов в процентах за день просрочки, попавшая в диапазон 0,2–0,5%, составила всего 3%. Таким образом, адекватную оценку размерам штрафов, которые могут быть применены за просрочку минимального платежа по кредиту, смогли дать всего 7% студентов. О том, что такое «grace period», по их собственной оценке, знают всего 20% студентов, 69% – не знают, а оставшиеся 11% затрудняются сказать.

Вопрос о продолжительности льготного периода задавался только тем 20% студентов, которые указали, что знают, что это такое. Подавляющее большинство из них 69% думают, что продолжительность беспроцентного периода устанавливается банком и указывается в договоре, остальные 30% распределились практически поровну (по 10–11%) между двумя другими опциями и вариантом «затрудняюсь ответить». Теоретически правильным ответом на данный вопрос является ответ «от 30 до 50 дней до даты, указанной в выписке по счету», однако многие российские банки, чтобы упростить понимание сроков для своих клиентов, указывают точное количество дней.

Разные виды кредитов в одном и том же банке могут иметь разную стоимость, так, например, купить компьютер в кредит будет дешевле, если оформить в банке разовый потребительский кредит на эту покупку, а не покупать по кредитной карте. Почти половина студентов дали правильный ответ – 46% выбрали потребительский кре-

дит. Однако большинство (54%) ответили либо неправильно (30%), либо затруднились (24%). Таким образом, опрос показал очень низкий уровень знаний студентов о кредитах и кредитных картах. Пятая часть не смогла правильно ответить ни на один вопрос, полную осведомленность выказал только один студент. В разрезе округов доля не ответивших правильно ни на один вопрос выше в ДВФО, УФО и СФО. Студенты-экономисты сильно опережают другие специальности по уровню своих знаний о кредитах. Гендерные различия не выявлены.

Для измерения знаний студентов о пользования системами удаленного доступа к банковским счетам (банкоматов, мобильного банкинга и интернет-банкинга) нами были заданы три вопроса (вопросы 47–49). Большинство студентов (64%) знают о том, что снятие наличных денег из банкомата не всегда бесплатно). Около 20% выбрали неверные утверждения, 11% – затруднились ответить на данный вопрос. Также высокую степень осведомленности проявили студенты относительно способов пополнения счета мобильного телефона – 65% дали правильный ответ, включив туда все указанные способы (наличными, через терминалы моментальной оплаты, с помощью банковской пластиковой карты через банкомат, через Интернет). Четверть указали на один из них, еще 7% затруднились ответить.

Интернет-банкинг наименее знаком студентам – всего 36% опрошенных дали правильный ответ, указав, что с помощью интернет-банкинга нельзя снять наличные, 38% затруднились с ответом, остальные 27% дали неправильные ответы. Таким образом, по блоку систем удаленного доступа уровень знаний студентов оказался относительно высоким – 20% проявили свою полную осведомленность, правильно ответив на все три вопроса. Всего 14% не смогли правильно ответить ни на один вопрос.

После индексирования и перевода всех ответов студентов в 12-ти балльную шкалу (максимальное значение – 12 баллов, если студенты ответили правильно на все 12 вопросов, минимальное – 0 баллов, если не дали ни одного правильного ответа) было выявлено, что 48% получили 4–6 баллов, 25% – 3 и менее баллов, тогда как 7 и более баллов – 28%. 12 баллов не набрал ни один студент в выборке. Наиболее грамотными с точки зрения уровня знаний о финансах оказались студенты Северо-Западного (5,4 балла), Приволжского (5,2 балла) и Центрального (5,2 балла) федеральных округов. В этих округах студенты получили баллы выше среднего значения по выборке. Оценку немного ниже средней заслужили студенты из Уральского (5,0 баллов), Сибирского (4,9 баллов) и Южного округов (4,8 балла). Самая низкая оценка с отрывом в один балл от предыдущего значения – 3,8 балла – у студентов Дальневосточного федерального округа. Наиболее

продвинутыми оказались студенты-экономисты, получившие в среднем 5,8 балла. Удивительно, но уровень знаний по финансовой теме у студентов технических, естественно-биологических специальностей и гуманитариев не различался. Обе группы набрали по 4,6 балла. Этот вывод не подтверждает широко бытующего мнения о том, что студенты технических специальностей имеют больше знаний о личных финансах, чем студенты гуманитарных специализаций.

Самооценки своего уровня финансовой грамотности хотя и оказались у студентов завышенными, но в целом соответствовали достигнутому по сравнению с другими уровню: так, студенты, оценившие свои знания на «хорошо» и «отлично», получили 5,5 балла, тогда как считающие, что у них знаний и навыков нет – 3,4 балла. Наконец, юноши оказались немного более знающими, чем девушки: 5,2 против 5,0.

В целом, студенты проявили большую заинтересованность в дополнительных знаниях об управлении личными денежными средствами – 71% хотели бы знать больше об этой сфере. Тем не менее, доля тех, кто считает, что он (она) знает то, что ему (ей) нужно, достаточно высока и составляет 25%. По данным аналогичного исследования, проводившегося в прошлом году среди школьников старших классов, доля таковых была 34%. Среди нежелающих получать дополнительные знания есть понимание того, что их знаний после окончания вуза будет недостаточно, но большинство (47% от нежелающих получать дополнительные знания) полагают, что смогут освоить то, что им нужно, самостоятельно. Среди студентов-экономистов доля таких, уверенных в возможностях самообразования, выше – 53%, а среди гуманитариев, напротив, значительнее доля тех, кто полагает, что имеющихся сегодня у них знаний будет достаточно (45%), поэтому они и не хотят узнать больше об этом.

За введение отдельного предмета по финансовой грамотности в вузах высказалась треть студентов, 57% предпочли бы обучаться финансовой грамотности в рамках существующих предметов или на факультативных занятиях. Только 7% студентов полагают, что финансовое просвещение в вузах вообще не нужно. При этом в наибольшей степени востребована информация, касающаяся защиты прав потребителей финансовых услуг и защиты от рисков при их использовании (64% опрошенных очень хотели бы узнать об этом больше).

Таким образом, можно сделать вывод, что предмет финансовой грамотности (в виде отдельного курса или факультатива) в вузах должен в большей степени быть проблемно ориентирован, нежели чем описателен. Студенты лучше воспримут материал, поданный в проблемной форме, развивающей компетенции потребителя, нежели чем описания финансовых институтов и услуг как таковых.

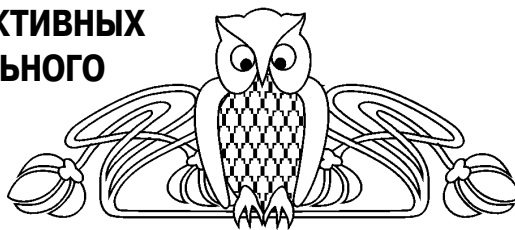

УДК 316.334.56

О ПРОЦЕССЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ СУБЪЕКТИВНЫХ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ СТРУКТУР СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ГОРОДА

И.А. Спиридонов

Саратовский государственный университет
E-mail: spiridonovia@yahoo.com

В статье анализируется социальное пространство города, соотношение субъективных и объективных пространственных структур. Также рассматривается сам процесс конструирования пространства субъектами на основе различных концепций. Оценивается вклад наличествующих, прошлых и будущих агентов в процесс конструирования.

Ключевые слова: социальное пространство, социология города, зонирование, повседневная реальность.

On the Process of Constructing the Subjective Spatial Patterns of Social Spaces of the City

I.A. Spiridonov

The article examines the social space of the city, the ratio of subjective and objective spatial structures. We also consider the process of designing the space entities on the basis of different concepts. Estimated contribution is present, past and future agents in the process of design.

Keywords: social space, urban sociology, zoning, everyday reality

В последние два десятилетия в развитии российских городов произошли значительные изменения. Если раньше развитие городов осуществлялось на основании разработанных градостроительных планов, которые в достаточной мере финансировались, то современный город живет в совершенно других условиях. Во-первых, в большинстве случаев развитие города осуществляется не на основе четкого плана, а на основании разобщенных локальных решений. Это естественным образом приводит к возникновению ряда проблем, главной из которых является ухудшение качества городской среды вследствие удовлетворения сиюминутных интересов коммерческих структур. Во-вторых, проекты, связанные с улучшением городской инфраструктуры, зачастую упираются в отсутствие финансирования. В целом развитию современного российского города свойственна фрагментарность.

Также значительной тенденцией нашего времени явился рост самостоятельности городов и превращение их в центры современной экономики. Эта тенденция имеет как положительные, так и отрицательные последствия. С одной стороны, управление на местах приближено к существующим проблемам, с другой – в значительной степени в развитии города вынуждены опираться на собственные финансовые ресурсы, что негативно сказывается на динамике их развития.

Следует отметить, что сдерживающим развитием города фактором часто является устаревшая инфраструктура. Так, например, устаревшая коммунальная инфраструктура ограничивает жилищное строительство, транспортная – в целом оказывает негативное воздействие на развитие города, так как ухудшает связанность районов города.

Управление городом в основном связано не с реализацией стратегий развития, а с решением проблем жилищного, коммунального, дорожного характера. Одновременно федеральный центр реализует множество проектов, которые могли бы придать импульс развитию городов. Однако данные проекты в большинстве не поддерживаются руководством городов. Как следствие, все усилия не приводят к комплексному развитию города¹.

Существенной проблемой для городов является противостояние городских и региональных властей. В подобном случае как городские, так и региональные власти могут задавливать инициативы оппонента.

Перечисленные выше проблемы в большей мере характерны для реализованного физически социального пространства. Согласно Бурдые, социальное пространство представлено, во-первых, объективными пространственными структурами, во-вторых, структурами субъективными². В отношении первого необходимо отметить, что любое социальное пространство стремится выразиться в физическом пространстве. Выраженное физически социальное пространство представляет собой, с одной стороны, распределение благ и услуг, с другой – распределение индивидуальных агентов и групп. Физическое распределение благ и услуг из различных подполей, как правило, стремится сконцентрироваться в одном месте физического пространства. Соответственно в этих же местах концентрируются и их пользователи, что приводит к появлению различных мест, заселенных преимущественно однородными в социальном плане субъектами. Для современных российских городов эта тенденция начала реализовываться только в последние десятилетия. Ранее тематика зонирования города была неприемлема по идеологическим соображениям³. Да и подобной проблемы в существенных масштабах не было. Но в обществе с ярко выраженной экономической сегрегацией сегрегация начинает проявляться и на

уровне территориального расселения в пределах города. Видимо, данная тенденция в перспективе будет только усиливаться. Уже сейчас даже в относительно небольших городах появляются районы, населенные элитой, представителями среднего класса и т.д. Ценность места городского пространства в значительной мере определяется качеством жилья, близостью к центру и, в последнее время все в большей степени, экологическими аспектами. В отношении последнего Гидденс писал: «Легкость, с которой люди, проживающие в престижных секторах рынка недвижимости, способны перемещать свою собственность, порождает «исход на окраины», постепенно превращающий центральные районы города из авансены в «задний план»...»⁴. Противоположной тенденцией является появление гетто – зон, наиболее удаленных от дефицитных благ и услуг, населенных обделенными в социальном плане агентами.

Если подобное физическое распределение довольно легко замерить, чем занимались еще представители чикагской школы⁵, то изучение субъективных структур требует, по-видимому, больших исследовательских усилий. Можно с полной уверенностью утверждать, что жители одного города в определенной степени населяют одно и то же физическое пространство. В отношении пространства социального это далеко не всегда так. Очевидно, что социальное пространство конструируется субъектами. Еще более очевидным является то, что подобное конструирование сильно зависит от групповых и, в меньшей степени, индивидуальных характеристик субъекта. Так, Манхейм писал: «мыслят не люди как таковые и не изолированные индивиды осуществляют процесс мышления, мыслят люди в определенных группах, которые разработали специфический стиль мышления в ходе бесконечного ряда реакций на типичные ситуации, характеризующие общую для них позицию»⁶.

Сам механизм конструирования социального пространства субъектами в полной мере раскрывает концепция Бергера и Лукмана. Так, любой человек живет для него самого в реальном мире, но не все аспекты действительности реальны для него в равной степени⁷. Это связано с тем, что человеческое сознание не может объять весь окружающий мир. Как следствие, конкретные люди живут в своих смысловых подуниверсумах, в ограниченных социальных реальностях. Повседневную реальность, в которой и конструируется социальное пространство для отдельных индивидов, можно разделить на различные зоны, ближайшими из которых являются те, в отношении которых субъект обладает возможностями для манипуляции. Одновременно существует множество других зон, интерес к которым со стороны индивида не является непосредственным или же отсутствует вовсе.

Также необходимо отметить, что социальное пространство конструируется не только наличествующими субъектами, но и субъектами про-

шлыми. Понимание этого дает такое направление, как экзистенциальная социология⁸. Так, определенный вклад, сделанный в социальное пространство прошлыми субъектами, будет оказывать различное воздействие на различные социальные группы. Причем характер воздействия может быть прямо противоположным. Естественно, что подобное взаимодействие с предшественниками будет отличаться большей степенью анонимности. В значительной мере это происходит через пользование строениями, построенными предшественниками⁹. Однако отношения индивида, видимо, не ограничиваются предшественниками и современниками, а дополняются еще и преемниками. Отношения с ними будут еще более анонимными. Несмотря на высокую степень анонимности в подобном взаимодействии, и первые и вторые вполне могут становиться элементами реальности повседневной жизни.

Все вышесказанное позволяет сделать определенные выводы. Во-первых, социальное пространство, если мы ведем речь не о его физической реализации, не представляет собой единого целого. Социальное пространство конструируется в человеческих умах и дополняется реальными практиками, а следовательно, будет сильно различаться в зависимости от социально-демографических и личностных характеристик агентов. Вместе с тем, можно предположить, что социальное пространство будет общим для определенных групп людей, обладающих схожими характеристиками. Здесь возникает вопрос – какие группы нужно исследовать в первую очередь, чтобы не упустить влияния на социальную деятельность других групп, то есть фактически являются большими конструкторами, а также рассмотреть наибольшие социальные пласты. На этих основаниях, видимо, можно будет представить интегральную схему социального пространства города.

Подобное теоретическое построение позволяет также сделать более глобальный вывод, что социальное пространство, конструируемое субъектами, в разных типах городов будет разным.

Примечания

- 1 См.: Криничанский К.В. Российский город в условиях социально-экономической трансформации // Социологические исследования. 2008. № 10. С. 68.
- 2 См.: Бурдые П. Социология политики. М., 1993. С.38.
- 3 См.: Вагин В.В. и др. Российское городское пространство: попытка осмысления / Отв. ред. В.В. Вагин. Сер. «Научные доклады». Вып. 116. М., 2000. С.78.
- 4 Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуры. М., 2003. С.200.
- 5 См.: Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2, № 3. 2002. С.36.
- 6 См.: Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994, С.9.

⁷ См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995, С8.

⁸ См.: Тириахьян А. Питирим Сорокин: мой учитель и пророк современности // Журнал социологии и

социальной антропологии. 1999. Т. 2, № 1. С. 18.

⁹ См.: Чернявская О.С. Социальное пространство: обзор теоретических интерпретаций // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Социология. Философия. Психология. 2008. № 5. С. 333.

УДК 316.334.2

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ ДОМОХОЗЯЙСТВ ГОРОДА САРАТОВА В КРИЗИСНЫЙ ПЕРИОД

М.А. Филимонова

Саратовский государственный университет
E-mail: Filipok.85@list.ru

В статье приведена типология городских домохозяйств, выделенная на основе самоидентификации членов домохозяйств по материально-ресурсным признакам. Данная типология рассматривает качественные характеристики пяти типов домохозяйств, на базе чего выделены три стратегии выживания домохозяйств г. Саратова в кризисный период.

Ключевые слова: тип домохозяйств, стратегии выживания, иждивенчество.

Socio-economic Survival Strategies for Households City of Saratov in times of Crisis

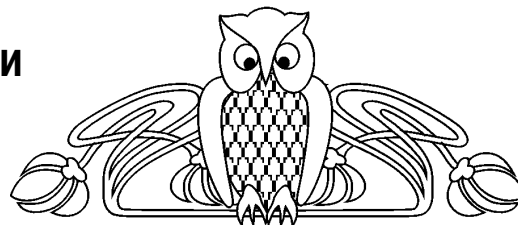
М.А. Filimonova

The article describes the typology of urban households allocated on the basis of self-identification of members of households on the material and resource characteristics. This typology considers the qualitative characteristics of five types of households on the basis of which there are three survival strategies of households Saratov during the crisis period.

Key words: type of household survival strategies, parasitism.

В условиях экономической нестабильности страны остро встает вопрос изучения положения такой социально-экономической единицы, как домохозяйство. Выступая наряду с государством и предприятиями (фирмами) одним из участников экономической деятельности, чьи финансы являются важнейшим элементом финансовой системы и индикатором состояния общества, отвечая за обеспечение материальных и социальных условий жизни членов домохозяйства и их воспроизводства, домохозяйство принято также и за базовую единицу в социально – демографических исследованиях.

Экономическая теория рассматривает домохозяйства как «особый тип хозяйства, оказывающий серьезное влияние на экономические отношения в стране, как субъекта экономической деятельности, участвующего в важнейших экономических процессах»¹. При этом экономические отношения на данном уровне тесно связаны с социальными отношениями, зависят от психоло-

гических, исторических и других факторов, определяющих экономическую деятельность людей.

Бюджетные ограничения, текущие денежные доходы и денежные сбережения, которыми располагает домохозяйство, являются важнейшим фактором, определяющим выбор стратегии выживания. Так, на сегодняшний день, используя матрицу стратификационных классов, можно выделить пять классов, основанных на самоидентификации городских домохозяйств по материально-ресурсным признакам (уровень доходов, объем накопленных сбережений)².

«Нищие» домохозяйства (3,1% от опрошенных) характеризуются уровнем совокупного дохода, не превышающего 10 тыс. руб. Они состоят из четырех членов, подушевой доход каждого из которых не превышает уровня прожиточного минимума, а в большинстве случаев и ниже его. При этом на продукты питания тратится более 60% всего бюджета. У них доходы не соответствуют расходам, что не позволяет делать сбережения. Представители данного типа домохозяйств чаще вынуждены прибегать к займам – «жизнь в долг».

«Бедные» домохозяйства (15,3%), совокупный доход которых исчисляется 10–20 тыс. рублей, преимущественно состоят из двух членов. Их расходы еще более не соответствуют доходам, что заставляет их чаще прибегать к различного рода займам. При этом на продукты питания ежемесячно затрачивается от 30 до 50% от общего бюджета.

Совокупный доход «средних» домохозяйств (52,9%), состоящих преимущественно из 3 человек, исчисляется 10–40 тыс. руб. Как и «бедные», относящиеся к среднему классу домохозяйства тратят преимущественно от 30 до 50 % совокупного бюджета на питание, утверждая, что их расходы соответствуют доходам. При этом возрастает процент тех, кто может позволить себе отложить некоторую сумму и уменьшается процент тех, кто берет в долг.

«Состоятельные» домохозяйства (22,4%) ежемесячно зарабатывают от 25 до 55 тыс. руб. С увеличением дохода увеличивается и размер домохозяйства (как и в случае с домохозяйствами среднего типа). 60% из них могут позволить себе

⁷ См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995, С8.

⁸ См.: Тириакаян А. Питирим Сорокин: мой учитель и пророк современности // Журнал социологии и

социальной антропологии. 1999. Т. 2, № 1. С. 18.

⁹ См.: Чернявская О.С. Социальное пространство: обзор теоретических интерпретаций // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Социология. Философия. Психология. 2008. № 5. С. 333.

УДК 316.334.2

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ ДОМОХОЗЯЙСТВ ГОРОДА САРАТОВА В КРИЗИСНЫЙ ПЕРИОД

М.А. Филимонова

Саратовский государственный университет
E-mail: Filipok.85@list.ru

В статье приведена типология городских домохозяйств, выделенная на основе самоидентификации членов домохозяйств по материально-ресурсным признакам. Данная типология рассматривает качественные характеристики пяти типов домохозяйств, на базе чего выделены три стратегии выживания домохозяйств г. Саратова в кризисный период.

Ключевые слова: тип домохозяйств, стратегии выживания, иждивенчество.

Socio-economic Survival Strategies for Households City of Saratov in times of Crisis

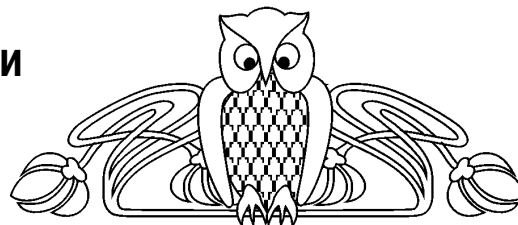
М.А. Filimonova

The article describes the typology of urban households allocated on the basis of self-identification of members of households on the material and resource characteristics. This typology considers the qualitative characteristics of five types of households on the basis of which there are three survival strategies of households Saratov during the crisis period.

Key words: type of household survival strategies, parasitism.

В условиях экономической нестабильности страны остро встает вопрос изучения положения такой социально-экономической единицы, как домохозяйство. Выступая наряду с государством и предприятиями (фирмами) одним из участников экономической деятельности, чьи финансы являются важнейшим элементом финансовой системы и индикатором состояния общества, отвечая за обеспечение материальных и социальных условий жизни членов домохозяйства и их воспроизводства, домохозяйство принято также и за базовую единицу в социально – демографических исследованиях.

Экономическая теория рассматривает домохозяйства как «особый тип хозяйства, оказывающий серьезное влияние на экономические отношения в стране, как субъекта экономической деятельности, участвующего в важнейших экономических процессах»¹. При этом экономические отношения на данном уровне тесно связаны с социальными отношениями, зависят от психоло-

гических, исторических и других факторов, определяющих экономическую деятельность людей.

Бюджетные ограничения, текущие денежные доходы и денежные сбережения, которыми располагает домохозяйство, являются важнейшим фактором, определяющим выбор стратегии выживания. Так, на сегодняшний день, используя матрицу стратификационных классов, можно выделить пять классов, основанных на самоидентификации городских домохозяйств по материально-ресурсным признакам (уровень доходов, объем накопленных сбережений)².

«Нищие» домохозяйства (3,1% от опрошенных) характеризуются уровнем совокупного дохода, не превышающего 10 тыс. руб. Они состоят из четырех членов, подушевой доход каждого из которых не превышает уровня прожиточного минимума, а в большинстве случаев и ниже его. При этом на продукты питания тратится более 60% всего бюджета. У них доходы не соответствуют расходам, что не позволяет делать сбережения. Представители данного типа домохозяйств чаще вынуждены прибегать к займам – «жизнь в долг».

«Бедные» домохозяйства (15,3%), совокупный доход которых исчисляется 10–20 тыс. рублей, преимущественно состоят из двух членов. Их расходы еще более не соответствуют доходам, что заставляет их чаще прибегать к различного рода займам. При этом на продукты питания ежемесячно затрачивается от 30 до 50% от общего бюджета.

Совокупный доход «средних» домохозяйств (52,9%), состоящих преимущественно из 3 человек, исчисляется 10–40 тыс. руб. Как и «бедные», относящиеся к среднему классу домохозяйства тратят преимущественно от 30 до 50 % совокупного бюджета на питание, утверждая, что их расходы соответствуют доходам. При этом возрастает процент тех, кто может позволить себе отложить некоторую сумму и уменьшается процент тех, кто берет в долг.

«Состоятельные» домохозяйства (22,4%) ежемесячно зарабатывают от 25 до 55 тыс. руб. С увеличением дохода увеличивается и размер домохозяйства (как и в случае с домохозяйствами среднего типа). 60% из них могут позволить себе

делать сбережения, при этом уменьшая займы до минимума и снижая долю средств, затрачиваемых на питание, до 30% от общего дохода.

«Элитные» домохозяйства (2,7%) характеризуются высоким доходом (от 55 до 100 тыс. руб. ежемесячно), при этом доля способных делать сбережения в данной категории увеличивается до 87,5%, а факт займов отсутствует вовсе. Размер данного типа домохозяйств также значителен – в основном 4 члена семьи. Как и «состоятельные» домохозяйства, они тратят на питание не более 30% от общего бюджета.

При этом стратегии выживания всех пяти типов домохозяйств помимо уровня дохода и сбережений определяются источниками средств существования. Главным источником дохода для всех типов домохозяйств является заработная плата по основному месту работы кормильца. Причем значение данного источника для всех, кроме «элитных» домохозяйств, увеличивается с возрастанием общего семейного дохода. Одновременно с этим значение заработной платы супруга/супруги для общего бюджета возрастает с изменением статуса. Так, для «нищих» домохозяйств значение данного источника минимально, для «элитных» – максимально. Только самые бедные и самые богатые домохозяйства не имеют таких источников, как заработная плата основного кормильца и супруга/супруги по дополнительному месту работы, то есть эти категории не стремятся улучшить собственное материальное положение за счет вторичной занятости. Для трех других типов домохозяйств важность данного источника возрастает и достигает своего апогея среди «состоятельных» (26,3%).

Значение таких источников дохода, как прибыль от собственного предприятия и прибыль от подсобного хозяйства снижается с увеличением общего дохода и отсутствует у категории «нищих» и «элиты». Данная тенденция также подтверждается и тем, что с увеличением дохода уменьшается и доля имеющих земельный участок в личном пользовании. При этом, для «элиты» характерно наличие участка рядом с домом, для «нищих» и «бедных» – в садоводческом товариществе, а для среднего класса и «состоятельных» домохозяйств свойственно наличие участка при даче. Все категории домохозяйств в равной степени используют земельный участок для выращивания продуктов питания для семьи, в то время как «элита» – как зону отдыха. С уменьшением величины доходов увеличивается зависимость домохозяйств от государственных трансфертов. Помощь родителей и родственников также имеет прямую зависимость от уровня материального положения домохозяйства. Зависимость от данного источника возрастает с увеличением совокупного дохода домохозяйства.

Таким образом, полученные данные позволяют выделить три стратегии выживания домохозяйств в кризисный период.

1. Иждивенческая стратегия, которая делится на пассивную и инертную (слабоактивную). Пассивной стратегии выживания отдают предпочтение «нищие» домохозяйства, которые при низком уровне дохода не рассматривают вариант устройства на дополнительную работу, а преимущественно улучшают материальное положение домохозяйства за счет государственных трансфертов. Стратегии инертного иждивенчества придерживаются «бедные» домохозяйства, которые помимо дохода основного кормильца, государственных трансфертов и помощи родственников, улучшают благосостояние семьи за счет разовых приработков и прибыли от личного подсобного хозяйства.

2. Активная стратегия выживания подразделяется на стабильную и нестабильную. Для среднего типа домохозяйств, наиболее многочисленного, свойственна стратегия «активной нестабильности», характеризующейся увеличением благосостояния за счет тех же источников, что и у «бедных», но при этом возрастает роль дохода основного кормильца и супруга/и по дополнительному месту работы и сохраняется ориентация на социальные трансферты. То есть происходит наращивание капитала за счет расширения профессиональной деятельности. Характерной особенностью стратегии «активной стабильности», которой придерживаются «состоятельные» домохозяйства, является увеличение роли профессиональной деятельности обоих супругов по основному и дополнительному месту работы с увеличением заработной платы.

3. «Элитные» домохозяйства придерживаются стратегии «рантье». Источники дохода: основная зарплата супругов, а также сдача внаем помещений и дивиденды от вкладов. При этом роль помощи родственников для данной категории домохозяйств увеличивается до максимума (75%). Более того, с увеличением дохода супруга увеличивается доход и супруги и значимость помощи от родственников. По сути их стратегия близка к пассивной иждивенческой стратегии «нищих» домохозяйств, так как они не столько стремятся достичь благополучия собственными усилиями, сколько используют уже накопленные родственниками ресурсы.

Таким образом, из пяти типов домохозяйств два (75%) реализуют активную стратегию выживания. Возможно, именно этим объясняется «спокойное» отношение населения к протеканию и последствиям мирового экономического кризиса в России.

Примечания

¹ Хотинская Г.И. Финансы домохозяйств: влияние на финансовый рынок России. // Финансовый бизнес. 2005. Май–июнь. С. 10

² По результатам социологического исследования, проведенного в г. Саратове в июле-августе 2009 г. методом анкетирования. Выборочная совокупность составила 255 членов домохозяйств.

УДК 321022 (32.019.5)

РИСКОГЕННОСТЬ ОБЩЕСТВЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В НОВЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Н.В. Сорокина

Саратовский государственный университет

E-mail: BegininalA@info.sgu.ru

В статье анализируется процесс формирования пространств риска, которые возникают в связи с глубинными общественными трансформациями в современной России. Обращается внимание, что в новых исторических условиях этот процесс протекает как процесс создания «хаотической неопределенности». Это повышает риски принятия политических решений во всех сферах общества.

Ключевые слова: социально-политический риск, новые исторические условия, хаотизация социального пространства.

Risks of the Social Transformation at the New Historical Situation.

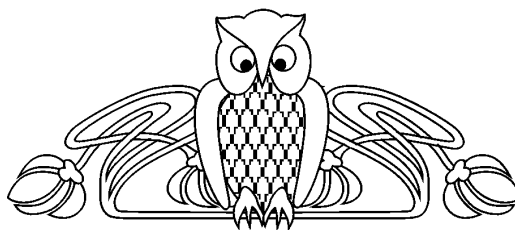
N.V. Sorokina

This article analyses the process of forming the spaces of risk. That spaces are initiated the large scale public transformations in contemporary Russia. It is stressed out, that at the new historical situation this process proceeds as the process of generating «chaotic ambiguity». That is increased the risks of taken political decisions in all the spheres of society on great extend.

Key words: social-political risk, new historical situation, chaotic process in social space.

Последние два десятилетия российской истории изобилуют событиями колоссального масштаба: разрушение одной общественной системы сменилось возникновением и формированием другой. Как следствие, трансформации подверглись все базисные структуры общества, что объективно не могло не привести к дезорганизации всех сторон общественной жизни, росту непредсказуемости социальных практик, дезориентации социального поведения. Возросшая неопределенность социального пространства современной России отягощается наложением действия процессов глобализации.

Этим сегодня определяется и степень ответственности политических субъектов, связанных необходимостью принятия политических решений, обеспечивающих инициирование, развертывание и завершение общественных преобразований. Политические решения в этих условиях выступают мощным детонатором, провоцирующим формирование пространств рисков. Сегодня риск становится атрибутивным свойством социальной деятельности, а рисковые формы поведения представлены на всех уровнях и срезах общественной жизни. Особенностью всех

современных обществ является их политическая организация, что объективно политизирует все риски, а точнее, политический риск может выступать и как самостоятельный фактор политики, и быть элементом всех других видов риска.

Рисконасыщенность современной жизни актуализировала как научно-теоретический, так и практический интерес к этой проблематике. За рубежом интерес к проблеме риска возник еще в начале 1950-х гг., однако до начала 80-х гг. из-за отсутствия необходимого материала и недостаточной разработанности методов анализа и прогноза риска в научной литературе ей отводилась подчиненная роль. Сейчас исследованиями рисков, и политического риска в частности, занимаются как частные компании, так и целые институты.

Рассмотрение и анализ понятия риска сегодня осуществляется под тем или иным углом зрения, в рамках достаточно автономных методологических баз, из-за чего понятие оказалось несколько размытым и весьма противоречивым. Это не только следствие междисциплинарности изучения, но и результат сложности и неоднозначности названного феномена. Понятийный разброс не только фиксирует эту сложность, но и отражает параметры, пусть и нечетко, искомого феномена.

Разнообразные трактовки этого феномена в философском, культурологическом, социологическом, психологическом и организационном направлениях позволили выделить так называемую средовую интерпретацию риска, акцентирующую роль внешнего фактора, учет специфики био-гео-социального окружения. В этом плане это явление по преимуществу рассматривается как результат неких неконтролируемых (а потому и малопросчитываемых) катаклизмов природного или социального характера.

Социологическое же направление интерпретации рисков делает упор на характеристике современного социума и акцентирует, прежде всего, ситуацию его тотальной неопределенности, провоцирующей высокую вероятность всевозможных конфликтов и даже катастроф.

Так, У. Бек и Э. Гидденс как известно, трактуют риск как производную от процессов модернизации и глобализации.

Другой социологический подход основан на субъективистском понимании риска. Согласно этому направлению, риск оценивается через по-

нятие «опасности» (вреда) путем вычисления вероятности его наступления и калькуляции последствий. Эта позиция Н. Лумана (сближающего, но не рассматривающего как тождественные, понятия «риск» и «опасность»), Ю.М. Плотинского, а также ряда других ученых рассматривает риск в основном как результат акта сознательного выбора между альтернативами.

Сопрягая эти подходы, можно утверждать, что вероятность риска при реформировании общественной системы в условиях хаотизации и нарастания неопределенности (снижающих возможности оптимального аналитического просчета ситуации), а следовательно, и увеличения цены ошибок при принятии решений, в современных условиях значительно возрастает. Соответственно, увеличивается и ответственность политиков за неправильно или несвоевременно принятые решения.

Кроме того, на модификацию интерпретаций риска влияет поиск адекватного теоретического инструментария для отражения новых реалий общественного развития, связанных с фактором глобализации и изменением конфигурации параметров современного миропорядка, обусловленного разрушением коммунистической системы. Нельзя не согласиться с мнением Э. Гидденса, что «понятие риска становится центральным в обществе, которое прощается с прошлым, с традиционными способами деятельности, которое открывается для неизведанного будущего... В среде, где нет больше рока, любая деятельность, даже строго увязанная с установленными образцами, в принципе исчисляется в понятиях риска, т.е. поддается своего рода общей оценке степени ее рискованности с точки зрения возможных результатов»¹. Можно только добавить, что общество, прощающееся с модерном и сталкивающееся с постмодерном, актуализирует риски в еще большей степени. Также можно отметить, как это делает В.А. Абчук, два аспекта: объективный и субъективный. Объективный компонент риска отражает ту или иную неопределенность в любой среде активности субъекта. Субъективный же компонент риска – это поведенческая готовность субъекта принимать решения с учётом характера, масштаба и динамики этой объективной неопределенности. При этом под неопределенностью понимается не нечто такое, о чём ничего нельзя сказать позитивного, но это невозможность точно спрогнозировать оптимальный вектор развертывания той или иной сложной системы, как некая рефлексия на поливариантность, неоднозначность общественных или природных процессов². Современная среда активности социального субъекта, применительно к России, в последние два десятилетия не только изменила свой характер, масштаб и параметры динамики, но и сменила вектор этой последней, породив не просто неопределенность, но «хаотизированную неопределенность». В условиях этой среды поведенческая активность

социального субъекта не только сталкивается с невозможностью прогнозирования оптимального вектора развертывания, но и в значительной мере блокирует саму возможность рефлексивной калькуляции общественных процессов. В свое время советский исследователь А.П. Альгин определял риск как деятельность, связанную с преодолением неопределенности в ситуации неизбежного выбора, в процессе которой имеется возможность количественно или качественно оценить вероятность достижения цели, отклонение от цели или неудачи³. Создавшаяся сегодня в России ситуация переводит деятельность социального субъекта в состояние, когда она не связывается и не может связываться только с преодолением неопределенности, она просто продуцирует новую, еще более глубокую неопределенность. Попытка посредством риска адаптироваться к неопределенности, дававшая позитивный результат совсем недавно, оказывается малопродуктивной в современных условиях и только способствует формированию новых зон риска.

Неслучайность этого обстоятельства, на наш взгляд, предопределяется следующими моментами. Традиционно риск как составляющая деятельности соотносится с современностью, измерения которой востребовали риск как необходимый элемент проявления активности социальных субъектов. Платой за свободу становится ответственность личности за принимаемые решения. Стихия рынка и конкуренция вносили свою лепту в неопределенность.

Переход от модерна в стадию постмодерна серьезно модифицирует проблематику социального риска. Во-первых, сегодня скорость изменений в политике, социальной сфере, экономике повышает вероятность быстрых непредвиденных событий, спорность и альтернативность принятых решений, то есть усиливает риск. Во-вторых, переход от индустриального к информационному контексту общественного развития порождает вал информационного продукта, большая часть которого представляет собой информационный мусор, качественная сепарация последнего вызывает серьезные затруднения. Как результат, переизбыток информационного ресурса играет негативную роль, увеличивая время принятия адекватных управленческих решений, т.е. сокращает ресурс времени. В-третьих, если риски модерна актуализированы функционированием абстрактных институтов, то риски сегодня модифицируются фактором виртуализации и появлением, если пользоваться понятием Ж. Бодриера, «риск-симулякра».

Российские общественные трансформации последних двух десятилетий, начавшись советской «перестройкой» и последующей реализацией либерального проекта, преломились в политической сфере демократизацией, в экономической – рынком, в социальной – нарастающей поляризацией и в духовной – полной вакханалией ценностей.

Каждый из перечисленных аспектов привносит в общественную жизнь современного российского социума свою долю хаоса, а взятые вместе, они придают состоянию хаоса синергетические характеристики. В этой связи рискогенность общественных явлений и процессов нарастает лавинообразно.

Н. Луман, автор одной из концепций риска, изложенной в труде «Социология риска», говорит о неправильности подхода, при котором риск и опасность понимаются как одно и то же. Различие риска и опасности предполагает, что существует неуверенность относительно будущего ущерба. Здесь есть два варианта. Либо возможный ущерб рассматривается как «следствие решения, т.е. вмняется решению. Тогда мы говорим о риске, именно о риске решения. Либо же считается, что причины такого ущерба находятся вовне, т.е. вмняются окружающему миру. Тогда мы говорим об опасности»⁴. Несомненно, именно такая трактовка наиболее конструктивна и методологически оправдана применительно к новым условиям, в которых оказалось современное российское общество.

Зоны формирования рискогенных пространств, следовательно, определяются, с одной стороны, принятием решений и распространяются на те социальные субъекты, которые их принимают, с другой – пространствами, размерность которых связана с опасностями, угрозами, которым подвергаются социальные группы, находящиеся в границах принимаемого или не принимаемого решения. Глобализационные процессы, размывающие привычные границы пространств модерна, глобализуют и рискогенные пространства. Сегодня решения, принимаемые в одной точке социального пространства, распространяют свое действие на значительно большее социальное пространство, нежели это имело место в условиях модерна.

Российский вариант перехода к либеральной, рыночной экономической системе, сопровождавшийся институциональной трансформацией собственности, изменением организационных и правовых статусов хозяйствующих субъектов, функциональным обвалом производства, коллапсом финансовой системы с соответствующими социальными последствиями безработицы в различных ее вариантах, свидетельствует, что этот переход осуществлялся без какой-либо предварительной рискологической экспертизы и проработки. Это было начало процесса. Каковы уровень и степень рискогенности сегодня? Рассмотрим их на примере преобразований в экономической области, которые продуцировали новые структуры и инициировали процессы, представляющие несомненную социальную опасность. В первую очередь, это бедность.

Интегрированное воздействие таких факторов, как несоразмерность высокой скорости разрушения прежней экономической системы и

сравнительно низкой формирования новой, быстрый распад Советского Союза и затянувшееся строительство российской государственности, сжатие фонда потребления и упадок традиционных механизмов социального обслуживания, непривычность новых жизненных условий, привело к чрезмерному обострению бедности в современной России⁵. Именно чрезмерность бедности представляется опасной.

Под опасностью понимается свойство объектов и процессов наносить ущерб себе и (или) окружению. Как можно заметить, применительно к бедности имеет место двойственность ущерба. Бедность опасна и для тех социальных групп, которые бедны, и для тех, которые выступают в качестве их окружения. Но дело даже не в этом. Опасность бедности в значительной степени определяется ее многоплановостью и особенностью динамики, обуславливающими высокую степень вариативности мер и форм воздействия на нее, своевременность и точность принимаемых решений и прежде всего политических.

Рассмотрим этот момент более детально. Научная рефлексия по вопросу бедности определяет два ее вида: абсолютную и относительную, что изначально предполагает как минимум два механизма ее преодоления. При этом специалисты отчетливо выделяют три степени абсолютной бедности: нищета, наиболее глубокая острая бедность; нужда, средняя бедность; необеспеченность, или недостаточная обеспеченность, умеренная бедность. Можно говорить в этом случае о степени опасности, с которой сталкиваются соответствующие социальные группы и слои, учитывая уровень неопределенности жизненных перспектив, а также веер возможных выборов адаптационных практик. Как можно заметить, степень опасности выше у социальных групп, находящихся в зонах нищеты, а риски в то же время значительно ниже из-за практически суженного выбора принимаемых решений.

Если рискогенное пространство, формируемое абсолютной бедностью, проявляет тенденцию к свертыванию по мере социально-экономической стабилизации и экономической позитивной динамики и более-менее однозначно выстраивает политику, то относительная бедность, связанная с ощущением бедности сравнительно с другими людьми или прошлым, практически неотделима от проблем социальной справедливости. В ситуации, когда в обществе имеются большие группы, считающие свой уровень жизни существенно и неоправданно более низким в сравнении с иными социальными категориями или в иное время, на иной территории, то такие группы будут чувствовать и вести себя как находящиеся в ситуации бедности, независимо от абсолютной величины их доходов и потребления. Природа относительной бедности делает ее границы и внутреннюю структуру особенно многообразными, подвижными и переменчивыми. Их выражение в критериях и

цифра отличается еще большей приближенностью и условностью, чем в случаях определения общего порога и отдельных категорий абсолютной бедности. Следовательно, пространство опасностей, связанное с относительной бедностью, не только тяготеет к большей неопределенности, но, базируясь на субъективном ощущении, достаточно быстро меняет свои характеристики, постоянно требуя корректировки при принятии решений.

Различение социальных пространств абсолютной и относительной бедности – не просто классификационное ухищрение. Отличаясь по своей природе, эти формы бедности обладают неодинаковыми потенциалами социальных угроз, предполагают различную перспективу, и для их преодоления нужно использовать различные политико-управленческие практики. Так, если абсолютная бедность ликвидируется по преимуществу развитием производства, наращиванием валового продукта, того «общественного пирога», величина которого, в конечном счете, определяет уровень потребления и в деле противодействия абсолютной бедности политическое вмешательство в разделение этого «пирога» играет второстепенную роль, то применительно же к относительной бедности дело обстоит иначе. В этом случае именно раздел «общественного пирога», создание механизмов, предотвращающих чрезмерное неравенство, играют определяющую роль. Соответственно, идеальная цель борьбы с абсолютной бедностью – ее абсолютное преодоление. Напротив, задача борьбы с относительной бедностью – неполное устранение неравенства, но его, так сказать, оптимизация, приведение к уровню, не выходящему за приемлемые в данном обществе

УДК 316.77:11

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, ПОТРЕБЛЕНИЕ, ВИРТУАЛИЗАЦИЯ КАК КУЛЬТУРНЫЕ КОНТЕКСТЫ ИДЕНТИЧНОСТИ

К.О. Черняева

Саратовский государственный технический университет
E-mail: chernjaevaksenia@mail.ru

В статье рассматриваются особенности социологической интерпретации глобализации, потребления, виртуализации как культурных контекстов идентичности.

Ключевые слова: глобализация, виртуализация, потребление, идентичность, культурная идентификация, социальные сети, Интернет.

Cultural Identification in the Social Networks of the Internet

К.О. Chernyaeva

The article describes the special feature of the sociological interpreta-

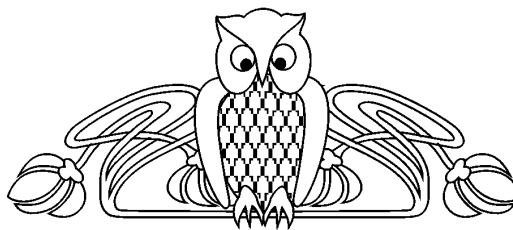
tion of globalization, consumption, virtualization as the cultural contexts of identity.

пределы и вместе с тем не подрывающему стимулы социально-экономической активности. Таким образом, рискогенность, возникающая в экономической сфере в связи и по поводу бедности, в современном российском обществе конституируется как аккумулированная относительно низким уровнем жизни основной социальной массы еще советской редакции, резким падением уровня и качества жизни периода начала либеральной трансформации, т.е. формирующейся на базе абсолютной бедности и актуализирующейся все больше и больше рискогенностью относительной бедности.

Даже беглое рассмотрение крайних проявлений трансформаций в экономической сфере подводит к выводу, что в современных условиях любые предпринимаемые действия, предполагающие оптимизацию социально-экономических состояний, должны учитывать не только объективные параметры, но и субъективное восприятие этой объективности.

Примечания

- 1 Подколозина И.А. Проблемы дефиниции и оценки политического риска в зарубежных исследованиях // Вестн. Моск. ун-та. 1996. Сер.12. № 5.
- 2 См.: Абчук В.А. Теория риска в морской практике. Л., 1983.
- 3 См.: Политический риск: анализ, оценка, прогнозирование, управление. М., 1992. С.15.
- 4 Луман Н. Понятие риска / Пер. А.Ф. Филиппова // THESIS. 1994. № 5. С. 149 – 150.
- 5 См.: Гордон Л.А. Четыре рода бедности в современной России. // Социологический журнал. 1994. № 4.

tion of globalization, consumption, virtualization as the cultural contexts of identity.

Key words: globalization, virtualization, consumption, identity, cultural identification, social networks, the Internet.

Глобализация и идентичность. Общество современной России, как и всех других стран, открыто для глобализационных процессов, проникающих во все сферы жизни. Глобализация стала предметом изучения экономистов, политиков, социологов. Для нас представляет особый интерес подход А. Аппадурай, разработанный в русле социологии глобальной культуры. Глобализация для него – своеобразная методологическая метафора, необходимая для выявления и анализа смысло-

цифрах отличается еще большей приближенностью и условностью, чем в случаях определения общего порога и отдельных категорий абсолютной бедности. Следовательно, пространство опасностей, связанное с относительной бедностью, не только тяготеет к большей неопределенности, но, базируясь на субъективном ощущении, достаточно быстро меняет свои характеристики, постоянно требуя корректировки при принятии решений.

Различение социальных пространств абсолютной и относительной бедности – не просто классификационное ухищрение. Отличаясь по своей природе, эти формы бедности обладают неодинаковыми потенциалами социальных угроз, предполагают различную перспективу, и для их преодоления нужно использовать различные политико-управленческие практики. Так, если абсолютная бедность ликвидируется по преимуществу развитием производства, наращиванием валового продукта, того «общественного пирога», величина которого, в конечном счете, определяет уровень потребления и в деле противодействия абсолютной бедности политическое вмешательство в разделение этого «пирога» играет второстепенную роль, то применительно же к относительной бедности дело обстоит иначе. В этом случае именно раздел «общественного пирога», создание механизмов, предотвращающих чрезмерное неравенство, играют определяющую роль. Соответственно, идеальная цель борьбы с абсолютной бедностью – ее абсолютное преодоление. Напротив, задача борьбы с относительной бедностью – неполное устранение неравенства, но его, так сказать, оптимизация, приведение к уровню, не выходящему за приемлемые в данном обществе

УДК 316.77:11

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, ПОТРЕБЛЕНИЕ, ВИРТУАЛИЗАЦИЯ КАК КУЛЬТУРНЫЕ КОНТЕКСТЫ ИДЕНТИЧНОСТИ

К.О. Черняева

Саратовский государственный технический университет
E-mail: chernjaevaksenia@mail.ru

В статье рассматриваются особенности социологической интерпретации глобализации, потребления, виртуализации как культурных контекстов идентичности.

Ключевые слова: глобализация, виртуализация, потребление, идентичность, культурная идентификация, социальные сети, Интернет.

Cultural Identification in the Social Networks of the Internet

K.O. Chernyaeva

The article describes the special feature of the sociological interpreta-

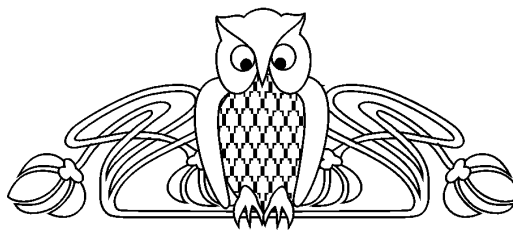
tion of globalization, consumption, virtualization as the cultural contexts of identity.

tion of globalization, consumption, virtualization as the cultural contexts of identity. Таким образом, рискогенность, возникающая в экономической сфере в связи и по поводу бедности, в современном российском обществе конституируется как аккумулированная относительно низким уровнем жизни основной социальной массы еще советской редакции, резким падением уровня и качества жизни периода начала либеральной трансформации, т.е. формирующейся на базе абсолютной бедности и актуализирующейся все больше и больше рискогенностью относительной бедности.

Даже беглое рассмотрение крайних проявлений трансформаций в экономической сфере подводит к выводу, что в современных условиях любые предпринимаемые действия, предполагающие оптимизацию социально-экономических состояний, должны учитывать не только объективные параметры, но и субъективное восприятие этой объективности.

Примечания

- 1 Подколозина И.А. Проблемы дефиниции и оценки политического риска в зарубежных исследованиях // Вестн. Моск. ун-та. 1996. Сер.12. № 5.
- 2 См.: Абчук В.А. Теория риска в морской практике. Л., 1983.
- 3 См.: Политический риск: анализ, оценка, прогнозирование, управление. М., 1992. С.15.
- 4 Луман Н. Понятие риска / Пер. А.Ф. Филиппова // THESIS. 1994. № 5. С. 149 – 150.
- 5 См.: Гордон Л.А. Четыре рода бедности в современной России. // Социологический журнал. 1994. № 4.

tion of globalization, consumption, virtualization as the cultural contexts of identity.

Key words: globalization, virtualization, consumption, identity, cultural identification, social networks, the Internet.

Глобализация и идентичность. Общество современной России, как и всех других стран, открыто для глобализационных процессов, проникающих во все сферы жизни. Глобализация стала предметом изучения экономистов, политиков, социологов. Для нас представляет особый интерес подход А. Аппадурай, разработанный в русле социологии глобальной культуры. Глобализация для него – своеобразная методологическая метафора, необходимая для выявления и анализа смысло-

бразующих компонентов «единого социального мира». Целостность и единство современного мира обеспечиваются электронными средствами связи и миграцией, которые не только символически отменили пространственные границы, но и темпорально преобразовали мир, отодвинув историческое (национальное, индивидуальное) прошлое и пробудив бесконечное настоящее. Это настоящее поддерживается современными медиа, прежде всего электронными, посредством смешения идей, образов, доктрин в новую, лишенную национально-культурной специфики реальность.

А. Аппадурраи тщательно исследует пространственное устройство глобальной культуры – соединение «осколков реальности» с помощью электронных средств коммуникации и масс-медиа в единый сконструированный мир, обозначаемый им термином «скейп». Само понятие «скейп», указывая на некоторую форму поверхности, как в слове *landscape*, вводится для обозначения временного среза, фиксации непрерывных потоков информации, людей, финансов, техники, отходов. Примерно так понимает скейп и Дж. Урри.

Глобальная культура по Аппадурраи включает пять основных пространств, понимаемых не в объективистском, а в символическом значении идентичности: этноскейп, техноскейп, финансовый скейп, медиаскейп и идеоскейп. Основопологающим для глобальной культуры является этноскейп, изменчивая идентичность разнообразных мигрирующих сообществ: туристов, мигрантов, беженцев, иностранных работников. Благодаря им формируется и поддерживается пространство имагинарной идентичности глобальной культуры. Для них характерно непрерывное движение в двух измерениях: в реальном пространстве мира территорий, имеющих государственные границы, и перемещение от культуры к культуре. Техноскейп – сеть существующих технологий, техническое пространство глобальной культуры. Финансовый скейп образуется потоками капитала, денежных и товарных рынков. Неразрывную целостность этих трех скейпов обеспечивают медиаскейп и идеоскейп. Медиаскейп состоит из текстов, образов, речевых посланий, звуков и мелодий, которые оформляются идеоскейпом в идеологические конструкты: свобода, благополучие, права человека, суверенитет, репрезентация, демократия.

Таким образом, глобальная культура становится новой оптикой, определяющей сложность современной жизни, в которой социология определяет локусы глобального научного интереса:

- течения и потоки, пассивность, жилище, конструирование мест;
- движения и методы создания и понимания пейзажа;
- значение и эффект сопричастности;
- связи в ситуациях (виртуального) присутствия, отсутствия, задержки;
- практическое формирование доверия, эмоций, благодарности;

- место профессиональных суждений, аффектов и смыслов;
- границы между множественным настоящим и будущим, потребителями и дизайнерами, критикой и принятием;
- образцы движения в воспоминаниях, фото- и видеозаписях;
- чувственный опыт;
- практики созерцания, представления, воспоминания, определения места;
- культурные биографии вещей;
- интерактивное освоение новых мобильных технологий;
- межпространства и места в движении.

В противоположность глобализации во многих сообществах крепнут процессы локализации, направленные на реминисценцию традиционной культуры. Синтезом разнонаправленных тенденций выступает так называемая глокализация, в процессе которой глобальные формы адаптируются к местным ресурсам, традициям, культурным и природным особенностям. Глокализация, безусловно, отложила свой отпечаток и на идентификационные практики. С одной стороны, привычные идентификационные модели (возраст, гендер, родословная), считавшиеся аскриптивными и неизменными критериями социального определения, в эпоху тонких хирургических технологий, широко распространившихся по всему свету, были поставлены под сомнение как значимые. Более того, в отдельных случаях стратегии идентификации направлены как раз на преодоление ограничений традиционных критериев. Поддельные родословные, измененное тело и трансформации биологического пола являются тому ярким примером. Критерием стратификации становятся зыбкие и размытые гламурные критерии социального успеха. С экранов телевизора на нас смотрят законсервированные в некоем символически успешном возрасте человеческие особи с общим лицом и неопределимым полом. Профессиональная принадлежность и социальный статус, как критерии идентичности, также в значительной степени пересмотрены. На первый план выходят критерии известности, измеряемые как количество упоминаний в медиа-структурах. Другая сторона этого процесса – появление противоположных тенденций к поиску корней, родственных связей, ностальгия по дому – в широком смысле, и интерес к традиционным культурным практикам.

Идентичность в пространстве потребления. Глобализация затронула российское общество и через практики потребления. Конsumerизм во многом стал следствием социальных макроизменений, прежде всего глобализации, сказавшейся на распределении пространства и времени социальной жизни в контексте индивидуального самоосуществления и нахождения своего места в системе социокультурных, политических, эко-

номических отношений общества. Потребление – это не просто удовлетворение потребностей. Это социальная и институционализованная практика, где между субъектом потребности и ее предметом лежит мощный пласт знаков того самого успеха, о котором мы говорили выше. Знаки производятся в ходе сложных многосторонних коммуникаций производителя, торговли, рекламистов, экспертов из разных областей знания, СМИ и потребителей. Безусловно, современное потребление невозможно без производства особого рода – прежде всего, производства желаний, в том числе и желаний, репрезентирующих собственное Я. Через потребление идет конструирование идентичности, в потреблении находят выражение ключевые компоненты представлений о смысле жизни и ее целях. Товар при этом рассматривается не как простой физический объект, а как продукт дискурсивного взаимодействия, своего рода коммуникативная упаковка физического объекта. Коммуникативная оболочка товара имеет несколько слоев, каждый из которых представляет зону специфических смыслов, приписываемых его стоимости (ценности). Как глобальный феномен, потребление воплощает принуждающую силу современных цивилизационных доминант, поддержанных коммуникативными инфраструктурами и культурной логикой консумеризма.

Виртуализация как культурный ресурс идентичности. Массированная виртуализация повседневности, составляющая общий фон глобального потребления, внесла свой вклад в картину повседневной жизни. По данным Фонда исследования общественного мнения, российская аудитория Интернета с 2005 г. увеличилась в пять раз. Зимой 2009/2010 г. число активных интернет-пользователей в России превысило 25 млн человек (рост за квартал – около 8%). Если определять интернет-пользователей максимально широко – как полугодовую интернет-аудиторию, то их доля составляет около 37% взрослого населения России (43,3 млн человек). Это сопоставимо с населением, например, Испании, где всего проживает около 40 млн человек. Российские пользователи Всемирной сети составляют примерно 10% всех европейских интернет-пользователей. Об этом свидетельствуют результаты очередного выпуска исследования «Интернет в России».

Широкое распространение сетевых коммуникаций, особенно среди молодежи (по данным того же ФОМ, интернетом пользуются 67% лиц от 18 до 24 лет), делает применение привычных практик идентификации неэффективным, а возрастающая неопределенность порождает необходимость формирования новых поведенческих паттернов, новых хабитусов, усиливается потребность в самоопределении относительно многообразных групп и общностей. Ответ на вопрос, какие группы и общности человек признает «своими», а какие частично близкими или враждебными, ста-

новится принципиально важным для понимания новых координат социальности.

С одной стороны, в общественном сознании укрепляется идея о том, что культура и как институт, и как фундаментальный контекст социальной жизни уже исчерпала себя: ее роль стремительно уменьшается. С другой стороны, появление новых, все более разнообразных социальных общностей на фоне агрессивной глобализации вызывает бездумное освоение западных стандартов идентичности и поведения на постсоветском пространстве, не всегда приемлемых для сложившегося менталитета российского общества. Это способствует падению образовательного и культурного уровня значительной части населения, оказывает негативное влияние на все стороны общественной жизни. Такая ситуация предполагает конструирование групповой идентификации, понимание групповой специфики, ее отличия от других объединений, что неизбежно приводит к необходимости обращения к культурным, ценностным основаниям социального мира.

Культурная идентификация – это установление духовной взаимосвязи между собой и группой, этносом, народом, переживание чувства принадлежности, интериоризация ценностей национальной культуры в свой жизненный сценарий. Процесс культурной идентификации по меткой метафоре Л. Ионина сравним с зеркалом, в котором человек познает себя, а в процессах отчуждения, деидентификации становится неузнаваемым для самого себя. В этом смысле кардинальные институциональные изменения в нашей стране за последние десять лет привели к частичной деидентификации не только отдельных личностей, но и социальных групп, возрастных когорт, целых сообществ. Более того, широкое внедрение информационных технологий в повседневную жизнь породило существенные изменения практик идентификации: множественные идентичности уже приобретают статус современной нормы. Однако, несмотря на обилие материалов по виртуальным мирам, их соотношение с миром повседневной жизни, особенности символического конструирования идентичности, специфика сетевой идентичности и практик ее конструирования, а также появление альтернативных форм сетевых идентификаций пока еще выступают как исследовательский горизонт, а не как сложившаяся и принятая картина социальной науки. Вместе с тем современность с особой остротой поднимает вопросы идентичности. Отчасти это связано и с так называемым культурным поворотом в социальном анализе, с ростом значимости проблем репрезентации, рефлексивности, символического конструирования, составляющими стержень социологии культуры. Сама по себе идентичность интерпретируется весьма разнообразно. Как заметил К. Тилли, концепт идентичности является размытым, но обязательным для объяснения опыта, социальной связи, взаимодействия, роли, групп

или организаций и социальной репрезентации этих феноменов, которые зачастую принимают форму нарратива. Культурный поворот потеснил прежний позиционный взгляд на идентичность (в рамках которого идентичность считалась производной от социального положения индивида). Новое понимание идентичности стало фокусироваться на репрезентациях и категоризациях относительно независимо от социального положения. Более того, признание рефлексивных практик социальной жизни предполагало, что человек действует как активный агент, создающий свою судьбу и противодействующий социальным ограничениям. Те же ученые, которые продолжали рассматривать социальную позицию как решающий фактор практики, например, в классовом анализе, зачастую понимали саморепрезентацию наряду со структурными факторами, действующими на заднем плане социальной жизни. Многим ученым такое отделение анализа социальной позиции от анализа субъективности и символической репрезентации пришлось не по вкусу, других же это привело к разграничению структуры и действия в социальном анализе. Тем не менее, на протяжении всей истории социологии осуществлялись попытки преодолеть этот разрыв. В этих условиях особую значимость приобретают вопросы соотношения понятий социальной и культурной идентификации, внутренней и внешней иерархии их семантической значимости, темпоральных и пространственных конфигураций их формирования.

Социологическая интерпретация практик культурной идентификации в социальных сетях предстает как важная задача социального познания: новые идентичности навязывают свой вариант социального мира, выход в понимание глобальных и международных отношений в мире, обозначают позиции в нем российского сообщества. Культурная идентификация – это практика созидания, воплощения и символического размещения различий, мобилизующих коллективные идентичности. Идентичность выступает результатом процесса определения и фиксации социального своеобразия и самобытности инди-

вида и группы и, как правило, сопровождается осознанием принадлежности к той или иной социальной общности. Идентичность формируется на пересечении глобализации, виртуализации, потребления, которые предстают как взаимопроникающие культурные контексты идентичности.

Примечания

- 1 См.: Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis, L.: Univ. of Minnesota Press, 1996; *Idem*. Deep democracy: urban governmentality and the horizon of politics // *Environment and Urbanization*. 2001. Vol. 13, № 2. P. 23–43; Фурс В. Арджун Аппадурраи. «Современность» на просторе: культурные измерения глобализации // *Социол. обозрение*. 2003. Т. 3, № 4.
- 2 См.: Urry J. *Mobilities*. Cambridge: Polity Press, 2007.
- 3 См.: Büscher M., Urry J. *Mobile Methods and the Empirical* // *Europ. J. of Social Theory*. 2009. Vol. 12. P. 99–117.
- 4 См.: Козловский В.В. Социокоммуникативный контекст практик консюмеризма // Четвертые Ковалевские чтения: Материалы науч.-практ. конф. 12–13 ноября 2009 г. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. Ч. I. С. 241–243.
- 5 Новый выпуск бюллетеня «Интернет в России. Зима 2009/2010». [Электронный ресурс]. URL http://bd.fom.ru/report/map/bntergum07/intergum0703/int240310_press (дата обращения: 24.03.2010).
- 6 Специальный выпуск бюллетеня «Интернет в России. Март 2009». [Электронный ресурс]. URL <http://bd.fom.ru/pdf/int0309.pdf> (дата обращения: 24.03.2010).
- 7 Ионин Л.Г. *Основания социокультурного анализа*. М.: Рос гос. гум ун-т, 1995. С.123.
- 8 Tilly C. *Citizenship, Identity and Social History*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- 9 См.: Bottero W. Intersubjectivity and Bourdieusian Approaches to 'Identity' // *Cultural Sociology*, 2010. Vol. XX (X). P. 2.
- 10 См.: Scott J. 'If Class Is Dead, Why Won't It Lie Down?' // Eds. Woodward A., Kohli M., *Inclusions and Exclusions in European Societies*. L.: Routledge, 2001. P. 127–146.
- 11 См.: Holmwood J., Stewart A. *Explanation and Social Theory*. L.: Macmillan, 1991.

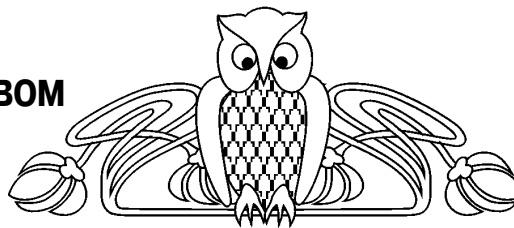

УДК 316.354

СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ УПРАВЛЕНИЯ МЕЖМУНИЦИПАЛЬНЫМ СОТРУДНИЧЕСТВОМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О.В. Ирискина

Саратовский государственный социально-экономический университет
E-mail: iriskina.ov@mail.ru

В статье рассматриваются современные формы управления межмуниципальным сотрудничеством в Российской Федерации, выявленные на основе анализа практики сотрудничества органов местного самоуправления муниципальных образований различных типов за период с конца 80-х годов XX века по настоящее время.

Ключевые слова: межмуниципальное сотрудничество, местное самоуправление, сотрудничество органов местного самоуправления.

Contemporary Forms of Management of Intermunicipal Cooperation in the Russian Federation

O.V. Iriskina

Contemporary forms of management of intermunicipal cooperation in the Russian Federation are considered in this article, which were revealed on the basis of the practice analysis of cooperation of local governments of municipal unions of various types from the end of 80th years of the twentieth century on the present.

Key words: intermunicipal cooperation, local government, cooperation of local governments.

Возникновение современных форм управления межмуниципальным сотрудничеством в Российской Федерации тесно связано с формированием местного самоуправления как самостоятельного уровня власти.

В России формирование обычаев и норм в связях муниципальных образований в 80–90-е гг. XX в. происходило спонтанно, и исходило, прежде всего, из объективной, актуальной потребности во взаимодействии. Политизированные вертикальные управленческие связи тормозили реализацию местных интересов, что вынуждало руководителей местных органов власти строить новые, горизонтальные связи.

Уже в 1990-х гг. в России закрепились отношения между органами местного самоуправления различных муниципальных образований и началось организационное оформление межмуниципального сотрудничества. Право на объединение местных властей было установлено ст. 2 Закона Российской Федерации № 1550-1 «О местном самоуправлении в Российской Федерации» 1991 г., предусматривающей возможность объединения городов и поселков в ассоциации в целях более эффективного осуществления своих прав и интересов². Указанной нормой были исполнены

положения Европейской хартии местного самоуправления, предусматривающие право органов местного самоуправления «при осуществлении своих полномочий сотрудничать и в рамках закона вступать в ассоциацию с другими органами местного самоуправления для осуществления задач, представляющих общий интерес»³.

Последующее нормативное закрепление сотрудничества органов местного самоуправления, выраженное в федеральном законодательстве, позволяло переводить возникающие социальные связи в официальные отношения: создание некоммерческих организаций в форме союзов, ассоциаций и прочих объединений, договорные формы взаимодействия и другие.

Общей предпосылкой становления и развития межмуниципального сотрудничества в России являлась необходимость более эффективной реализации местного самоуправления и решения вопросов межтерриториального характера с помощью горизонтальных связей муниципальных образований. основополагающий принцип организации межмуниципального сотрудничества, действующий по сегодняшний день – добровольность участия.

Органы местной власти вправе самостоятельно определять целесообразность, формы и объемы межмуниципального сотрудничества, исходя из интересов населения и конкретных проблем местного самоуправления территорий. Такое сотрудничество на практике представлено широким спектром различных форм взаимодействий: от неофициальных контактов должностных лиц органов местного самоуправления до нормативно закреплённых союзов и объединений.

Рассматривая формы управления межмуниципальным сотрудничеством, обратимся к понятию «форм» этого сотрудничества. Опираясь на исследование Е.В. Гриценко, обозначим, что под формой межмуниципального сотрудничества понимается организационное и правовое выражение связей, возникающих между муниципальными образованиями⁴. Сам термин «форма» неразрывно связан с термином «содержание». В.И. Кураев указывает, что содержание является «определяющей стороной целого, представляет единство всех составных элементов объекта, его свойств, внутренних процессов, связей, противоречий и тенденций», а форма представляет собой

внутреннюю организацию содержания⁵. Термины «содержание» и «форма» соотносятся как «изменяющееся» и «устойчивое»: содержание представляет подвижную, динамичную сторону целого, а форма охватывает систему устойчивых связей предмета. Возникающее в ходе развития несоответствие содержания и формы разрешается тем, что старая форма сменяется новой, адекватной развившемуся содержанию.

Исходя из изложенного, изменение содержания межмуниципального сотрудничества влечет изменение формы этого сотрудничества. Вместе с тем, учитывая взаимную связь терминов, изменение форм сотрудничества влечет изменение содержания. Таким образом, посредством целенаправленного воздействия на социальные структуры и процессы, возникающие в связях муниципальных образований, реализуется управление межмуниципальным сотрудничеством.

Анализируя практику организации межмуниципального сотрудничества в Российской Федерации, следует отметить, что межмуниципальное сотрудничество опирается на ресурсы муниципальных образований и их органов управления, такие как территориальный, финансовый, кадровый, организационный, правовой ресурсы.

Учитывая неоднородность муниципальных образований и их неодинаковую обеспеченность ресурсами, варианты и механизмы межмуниципального сотрудничества не могут быть стандартизированными, а «должны быть адаптированы к территориям»⁶.

В наиболее общем виде формы сотрудничества можно сгруппировать следующим образом:

- обмен практикой, опытом, информацией, нормативными правовыми актами, программами, проектами;
- совместные проекты, договоры, соглашения;
- формирование совещательных, координационных, экспертных и иных органов;
- создание ассоциаций, других некоммерческих организаций, межмуниципальных хозяйственных обществ для осуществления совместных проектов, организации обмена, защиты интересов, представления интересов;
- принятие решений консенсусом уполномоченных органов;
- объединение в рамках административно-территориального деления РФ (в частности, объединение в муниципальные районы).

На современном этапе муниципального строительства в России необходимость более эффективной реализации местного самоуправления и решения вопросов межтерриториального характера с помощью горизонтальных связей муниципальных образований приобретает особое значение. По утверждению Н.Э. Шишкиной, «возникновение на практике вопросов, затрагивающих интересы нескольких территорий и составляющих компетенцию местных органов, но решение

которых затруднено вследствие автономности каждой территории, вызвало необходимость создания различных форм межтерриториальной координации»⁷. Очевидно, что муниципальные образования сталкиваются с проблемами комплексного характера, требующими взвешенных решений, связанных, например, с функционированием средних образовательных учреждений, предоставлением социального жилья и многих других. В связи с тем, что вопросы местного значения государство распределило на разные уровни местного самоуправления, на практике возникает необходимость постоянного взаимодействия муниципальных образований, в том числе разных типов.

В соответствии с Федеральным законом № 131-ФЗ⁸, муниципальные образования в Российской Федерации могут быть следующих типов:

- городское поселение,
- сельское поселение,
- муниципальный район,
- городской округ,
- внутригородская территория городов федерального значения.

Введение нескольких типов муниципальных образований исходило из намерения создать основу для реального осуществления населением местного самоуправления на всей территории страны.

Межмуниципальное сотрудничество может осуществляться между муниципальными образованиями различных типов и охватывает различные территории. В зависимости от типов муниципальных образований группы взаимодействующих в сфере межмуниципального сотрудничества муниципальных образований могут быть:

- 1) однородными (данные группы представлены муниципальными образованиями одного типа),
- 2) смешанными (данные группы представлены муниципальными образованиями различных типов, например, муниципальные районы, городские округа, городские поселения, сельские поселения),
- 3) специализированными (данные группы представлены муниципальными образованиями по их специализациям, например, моногорода, закрытые административно-территориальные образования, наукограды, приграничные территории).

В зависимости от охвата территории группы взаимодействующих в сфере межмуниципального сотрудничества могут быть:

- 1) международные (объединяют муниципальные образования двух и более государств),
- 2) общероссийские (федеральные) (объединяют муниципальные образования Российской Федерации),
- 3) межрегиональные (объединяют муниципальные образования двух и более регионов, в уставах которых установлен географический охват территории),

- 4) региональные (объединяют муниципальные образования внутри региона – субъекта РФ),
- 5) субрегиональные (объединяют отдельные муниципальные образования субъекта РФ),
- 6) районные (объединяют муниципальные образования на уровне одного муниципального района).

В зависимости от организационно-правового статуса группы взаимодействующих в сфере межмуниципального сотрудничества могут быть:

- 1) официальные (формальные),
- 2) неофициальные.

Опираясь на исследования российских ученых в области муниципального управления⁹, с учетом организационно-правовых форм, официальные (формальные) формы межмуниципального сотрудничества в Российской Федерации на сегодняшний день можно классифицировать по следующим основным группам:

1. ассоциативные формы;
2. организационно-хозяйственные формы;
3. договорные формы.

Данная классификация является условной, хотя позволяет упорядочить рассмотрение организационно-правовых форм межмуниципального сотрудничества в Российской Федерации. Законодательством предложена многоуровневая организация межмуниципального сотрудничества, последующее оформление которой на практике позволяет определить структуру межмуниципального сотрудничества.

Рассмотрим основные группы подробнее.

1. Ассоциативные формы.

Законодательство о местном самоуправлении четко определяет три формы некоммерческих организаций, в которых может осуществляться межмуниципальное сотрудничество.

Сотрудничество муниципальных образований, как в масштабах Российской Федерации, так и на уровне субъекта на практике реализуется через объединения муниципалитетов. Прежде всего, через советы муниципальных образований в форме ассоциаций.

Федеральный закон № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» определяет, что в каждом субъекте Российской Федерации образуется совет муниципальных образований субъекта Российской Федерации (ст. 8, 66). В то же время с учетом особенностей территориальной и организационной основы муниципальных образований на добровольной основе продолжают действовать иные объединения муниципальных образований. Помимо советов муниципальных образований действуют общероссийские, межрегиональные и иные объединения, созданные в форме ассоциаций и союзов (эти формы сотрудничества будут рассмотрены ниже).

Организация и деятельность советов муниципальных образований субъектов Российской Федерации осуществляются в соответствии с

требованиями федерального законодательства о некоммерческих организациях, применяемыми к ассоциациям.

В качестве основных целей для советов муниципальных образований федеральный закон определил следующее:

- организация взаимодействия органов местного самоуправления,
- выражение и защита общих интересов муниципальных образований.

Процесс создания региональных советов муниципальных образований начался в 2005 г., когда в большинстве субъектов Российской Федерации были установлены границы муниципальных образований, определен их статус и проведены выборы в органы местного самоуправления. В ряде регионов советы муниципальных образований были организованы на базе ранее созданных региональных объединений.

На сегодняшний день созданы и функционируют советы муниципальных образований в 81 субъекте Российской Федерации из 83 (не сформированы советы в Республике Ингушетия и Чеченской Республике).

Анализируя организационно-правовой статус советов муниципальных образований, необходимо отметить, что все советы имеют статус юридического лица, зарегистрированы как некоммерческие организации в форме ассоциаций (союзов). Таким образом, на уровне субъектов федерации сформированы организации, призванные обеспечить социальный обмен между муниципальными образованиями и закрепить межмуниципальные связи.

Типичными предметами обмена между муниципальными образованиями являются программы развития, разработка нормативных актов и практика их реализации, организация деятельности представительных и исполнительных органов местного самоуправления, организация труда муниципальных служащих. Обмен, осуществляемый в рамках одного региона, являясь способом распространения успешного опыта и предотвращения возможных ошибок управления, способствует наиболее равномерному развитию муниципальных образований одного типа, уровня обеспеченности и оснащенности. Для муниципальных образований, по тем или иным причинам отстающих в развитии, связи с лидирующими муниципалитетами позволяют выбирать среди существующей практики лучший опыт, принимать и осваивать его на своей территории, а также учитывать недостатки.

Важно, чтобы в процессе обмена участвовали различные компоненты деятельности, влияющие на всестороннее развитие местного самоуправления.

Совет муниципальных образований, формируя информационное поле внутри одного региона, накапливает опыт и может распространять его не только в границах одного субъекта, но и взаимодействовать с советами других субъектов, в том

числе отдаленными. Межрегиональный обмен, так же как и межмуниципальный, способствует изучению и освоению практик, только в большем масштабе.

Для осуществления взаимодействия и координации работы региональных советов муниципальных образований, а также в целях представления интересов муниципальных образований в федеральных органах государственной власти и организации сотрудничества с международными организациями и иностранными юридическими лицами, советы муниципальных образований субъектов Российской Федерации в 2006 г. образовали Единое общероссийское объединение муниципальных образований (Конгресс). Образование данной организации предусмотрено нормами Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ст. 8, 67).

Помимо возможности создания региональных советов законодатель определил, что с учетом особенностей территориальной и организационной основы муниципальных образований представительные органы на добровольной основе могут принимать решения о создании иных объединений муниципальных образований.

В частности, к таким организациям, создаваемым в форме ассоциаций, относятся многочисленные структуры, функционирующие на территории Российской Федерации. Например, Ассоциация малых и средних городов России, Союз российских городов, Ассоциация муниципальных образований «Города Урала», Ассоциация шахтерских городов и другие.

2. Организационно-хозяйственные формы.

В соответствии с Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», могут быть образованы межмуниципальные объединения, учреждены хозяйственные общества и другие межмуниципальные организации в формах закрытых акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью, а также межмуниципальные некоммерческие организации в форме автономных некоммерческих организаций, фондов и иных объединений. Указанные формы могут быть образованы в целях объединения финансовых средств, материальных и иных ресурсов для решения вопросов местного значения. Кроме того, органы местного самоуправления могут выступать соучредителями межмуниципального печатного средства массовой информации.

Названные выше межмуниципальные объединения учреждаются представительными органами муниципальных образований в соответствии с федеральными законами. Межмуниципальные хозяйственные общества создаются двумя и более муниципальными образованиями для решения вопросов местного значения как организационно-правовой способ решения этих вопросов.

Деятельность межмуниципальных хозяйственных обществ регулируется положениями гражданского законодательства, а также специализированными федеральными законами, регулирующими деятельность обществ с ограниченной ответственностью, акционерных обществ, некоммерческих организаций.

Следует отметить, что на сегодняшний день среди юристов, изучающих правовой аспект межмуниципального сотрудничества в Российской Федерации, отсутствует единое мнение о перечне возможных организационно-хозяйственных форм межмуниципального сотрудничества. Некоторые считают, что законодатель представил закрытый перечень возможных форм, некоторые оставляют этот вопрос дискуссионным, расширяя перечень потенциально возможными формами.

Например, Э. Маркварт в своем исследовании, посвященном межмуниципальному сотрудничеству в хозяйственной сфере, отмечает, что «несмотря на отсутствие прямого указания в Законе № 131-ФЗ, муниципальные образования также вправе создавать в качестве некоммерческих организаций и межмуниципальные некоммерческие партнерства»⁰. Исходя из неочевидности выводов об использовании различных форм объединений для организации межмуниципального сотрудничества, представленных гражданским законодательством, необходимо учитывать судебную практику, а также позицию надзорных органов.

Существует еще одна форма сотрудничества, дополнившая перечень Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в 2005 году – соучредительство межмуниципального печатного средства массовой информации. На сегодняшний день межмуниципальные печатные средства массовой информации являются межмуниципальными только по сути содержания (в них публикуются материалы двух и более муниципальных образований), но по форме таковыми не являются, так как учреждаются органами местного самоуправления одного муниципального образования, как правило, муниципального района. Поэтому такое направление пока нельзя назвать распространенным.

Организационно-хозяйственные формы межмуниципального сотрудничества не получили в настоящее время широкого распространения. По оценке Э. Маркварта, «непопулярность данного способа связана с высоким уровнем взаимного недоверия, существующего в среде муниципальных политиков и чиновников, ... недоверием к гражданско-правовому договору как эффективному средству организации предоставления услуг, отсутствием надлежащих традиций совместного ведения дел, а также недостаточных знаний о возможностях и порядке реализации форм межмуниципальной хозяйственной кооперации»¹¹.

Однако возросшее количество небольших муниципальных образований поселенческого типа, сильно ограниченных в материальных, фи-

нансовых и кадровых ресурсах, способствует постепенному возрастанию интереса руководителей муниципальных образований к сотрудничеству.

3. Договорные формы.

Договорные формы сотрудничества применяются органами местного самоуправления как для организации социального обмена, так и в целях хозяйственной кооперации муниципальных образований.

Данная форма сотрудничества может осуществляться посредством:

1) заключения и исполнения разовых (краткосрочных) договоров о совместной деятельности в случаях, когда муниципалитеты совместно проводят разовые «акции» (например, совместное проведение семинара или конференции). Это наиболее простая форма межмуниципального сотрудничества;

2) заключения и исполнения договоров о совместной деятельности в случаях, когда муниципалитеты осуществляют систематическое сотрудничество по решению определенного вопроса местного значения (например, договор о совместном вывозе твердых бытовых отходов). Подобное сотрудничество требует более детального договорного регулирования, является более сложным по реализации и может нередко предвещать создание совместных хозяйствующих субъектов¹²;

В рамках договоров и соглашений о сотрудничестве могут создаваться коллегиальные органы муниципальных образований без образования юридического лица.

Правовой статус и нормативное регулирование договорных форм межмуниципального сотрудничества определяются Гражданским кодексом Российской Федерации. Вместе с тем, как отмечает Л. Рагозина, при их осуществлении возникают отдельные технические трудности. Например, необходимость государственной регистрации имущественных договоров на срок более года, влекущая сбор и подготовку необходимой технической документации¹³. Такие проблемы, как правило, связаны с ресурсными ограничениями: техническими, финансовыми, правовыми.

Кроме рассмотренных основных форм, законодателем предусмотрено, что муниципальные образования могут создавать другие межмуниципальные организации в соответствии с федеральными законами и нормативными правовыми актами представительных органов муниципальных образований.

Вместе с тем, как следует из анализа действующего законодательства и нормативных правовых актов¹⁴, на сегодняшний день муниципальным образованиям не предоставлена свобода в выборе форм и способов реализации права на межмуниципальное сотрудничество.

Обобщая анализ организационно-правовых форм межмуниципального сотрудничества необходимо отметить, что ни одна из форм межмуни-

ципального сотрудничества, не может наделяться полномочиями органов местного самоуправления по решению вопросов местного значения.

Практика современного периода межмуниципального сотрудничества в Российской Федерации, охватывающего последние двадцать с небольшим лет, показывает заметную эволюцию форм сотрудничества муниципальных образований. Изначально перед советами депутатов, принимавшими решения об участии в межмуниципальном сотрудничестве, стояла политическая задача защиты местного самоуправления. Особенность современной российской ситуации в объединительном движении была связана с проблемой сильной зависимости института местного самоуправления от государства, имеющего долгие и давние традиции жесткого централизованного управления.

Результатом объединительного процесса в конце XX в. стало возникновение ассоциаций и союзов российских городов, поставивших перед собой цели по решению политических задач и передаче опыта муниципального управления друг другу. В силу слабости института местного самоуправления в тот период даже не возникло предпосылок для объединения экономических и финансовых ресурсов несколькими муниципальными образованиями с целью решения хозяйственных задач¹⁵.

В настоящее время ситуация в межмуниципальном движении характеризуется следующим. Организации межмуниципального сотрудничества созданы и действуют на всех уровнях: от районных до международных. Степень активности этих организаций существенно различается. Связано это с тем, что часть недееспособных на сегодняшний день организаций создавались не для конкретной деятельности в интересах органов местного самоуправления, а в политических целях, или не смогли сохранить деятельность из-за отсутствия финансовых и кадровых ресурсов. Однако, несмотря на эти проблемы, межмуниципальное сообщество в современной России многогранно и широко представлено ассоциациями различного типа и уровня.

Примечания

¹ О местном самоуправлении в Российской Федерации, Федеральный закон от 6.07.1991 № 1550-1. Утратил силу // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. 18 июля. № 29. Ст. 1010.

² Кутафин О.Е., Фадеев В.И. Муниципальное право Российской Федерации. М., 2001. С. 194.

³ Европейская хартия местного самоуправления (совершено в Страсбурге 15.10.1985) // Собрание законодательства РФ. 1998. 07 сент. № 36. Ст. 4466. Ст. 10.

⁴ Гриценко Е.В. Каковы формы межмуниципального сотрудничества? [Электронный ресурс] / Проект «Институциональный, правовой, экономический федерализм в

- РФ». URL: <http://www.federalism.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=40&menu=31> (дата обращения: 17.01.2007).
- ⁵ Кураев В.И. Содержание и форма // БСЭ. 3-е изд. М., 1976. Т. 24.
- ⁶ Серебренникова А.С. Государственно-правовые проблемы межмуниципального сотрудничества: сравнительный анализ на примере России и Франции: Дис.... канд. юрид. наук. Иркутск, 2006. С. 47.
- ⁷ Шишкина Н.Э. Местное управление и самоуправление (практика зарубежных стран). Иркутск: Изд-во ИГУ, 1993. С.14.
- ⁸ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации, Федеральный закон от 6.10.2003 № 131-ФЗ с изменениями и дополнениями. Ч. 1 ст. 8 // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст.3822.
- ⁹ См. напр.: Бабичев И.В. Правовое регулирование межмуниципального сотрудничества // Правовое регулирование организации и осуществления местного самоуправления: Учеб. пособие / Под ред. В.А. Сивицкого. М., 2009. С. 391–421; Рагозина Л.Г. Правовое обеспечение и практика осуществления различных форм межмуниципальной кооперации в России и за рубежом. М., 2009. С. 2–7; Серебренникова А.С. Указ. соч. С. 83–173.
- ¹⁰ Маркварт Э. Межмуниципальное сотрудничество в хозяйственной сфере // Настольная книга для муниципальных политиков / Под ред. Е.С. Шугриной, В.А. Сивицкого. М., 2009. С.266.
- 1 Там же. С.257.
- 2 Там же. С.258.
- 3 Рагозина Л.Г. Правовое обеспечение и практика осуществления различных форм межмуниципальной кооперации в России и за рубежом. М., 2009. С. 77.
- 4 См. напр.: Бабичев И.В. Указ. соч. С. 417-420.
- 5 Межмуниципальное движение в России: Аналитический отчет/Фонд «Институт экономики города». М., 2004. С. 8.

УДК 316.74:796.032.2

ПАРАОЛИМПЕЙСКОЕ ДВИЖЕНИЕ КАК ФАКТОР РЕАБИЛИТАЦИИ ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ

М.Е. Абросимова

Саратовский государственный университет
E-mail: ABR1986@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы реабилитации лиц с ограниченными возможностями в рамках параолимпийского движения.

Ключевые слова: реабилитация, инвалидность, параолимпийское движение.

The Paralympic Movement as a Factor of People with Physical Inability Rehabilitation

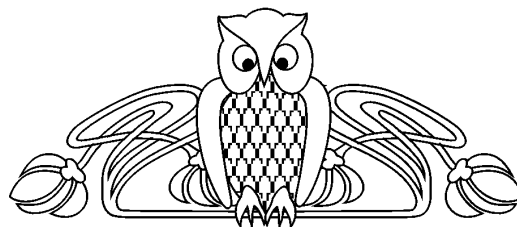
M.E. Abrosimova

In the article the problems of rehabilitation disable people are considered, through the Paralympics movement.

Key words: rehabilitation, physical inability, the Paralympics movement.

Кардинальное переустройство, продолжающееся в России второй десяток лет, наряду с социально-экономической и политической сферами в корне трансформировало систему взаимоотношений человека, общества и государства. Новая система выражена в формуле: обеспечение интересов государства через интересы каждого гражданина и общества в целом.

Государство может быть сильным, а его управление эффективным, если оно имеет социальным фундаментом доверие граждан, их заинтере-

ресованность в государственных делах и участие в решении общественно значимых проблем.

Современное российское общество вступило в фазу поступательного развития, которое характеризуется наличием преобразований в различных сферах жизнедеятельности человека – социально-экономической, политической, духовной, культурной и т.д. Эти преобразования направлены в первую очередь на утверждение и реализацию гуманистических ценностей и идеалов, создание развитой и устойчивой демократической системы и гражданского общества. Важное место в происходящих изменениях занимают вопросы, связанные с жизнедеятельностью самого человека, его здоровьем и образом жизни.

Параллельно с этими преобразованиями в современном российском обществе быстрыми темпами актуализируется проблема социальной защищенности наиболее уязвимых слоев населения. Люди с ограниченными возможностями, являясь достаточно многочисленной группой населения, ощущают необходимость постоянного воздействия со стороны государства. Сегодня в Российской Федерации более 13 млн человек официально признаны инвалидами. Процессы, происходящие в экономической, социальной, правовой сферах российского общества XXI в. влекут в дальнейшем к росту числа данной категории населения.

Социальная политика в России, ориентированная на таких людей, строится сегодня на осно-

- РФ». URL: <http://www.federalism.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=40&menu=31> (дата обращения: 17.01.2007).
- ⁵ Кураев В.И. Содержание и форма // БСЭ. 3-е изд. М., 1976. Т. 24.
- ⁶ Серебренникова А.С. Государственно-правовые проблемы межмуниципального сотрудничества: сравнительный анализ на примере России и Франции: Дис.... канд. юрид. наук. Иркутск, 2006. С. 47.
- ⁷ Шишкина Н.Э. Местное управление и самоуправление (практика зарубежных стран). Иркутск: Изд-во ИГУ, 1993. С.14.
- ⁸ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации, Федеральный закон от 6.10.2003 № 131-ФЗ с изменениями и дополнениями. Ч. 1 ст. 8 // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст.3822.
- ⁹ См. напр.: Бабичев И.В. Правовое регулирование межмуниципального сотрудничества // Правовое регулирование организации и осуществления местного самоуправления: Учеб. пособие / Под ред. В.А. Сивицкого. М., 2009. С. 391–421; Рагозина Л.Г. Правовое обеспечение и практика осуществления различных форм межмуниципальной кооперации в России и за рубежом. М., 2009. С. 2–7; Серебренникова А.С. Указ. соч. С. 83–173.
- ¹⁰ Маркварт Э. Межмуниципальное сотрудничество в хозяйственной сфере // Настольная книга для муниципальных политиков / Под ред. Е.С. Шугриной, В.А. Сивицкого. М., 2009. С.266.
- ¹ Там же. С.257.
- ² Там же. С.258.
- ³ Рагозина Л.Г. Правовое обеспечение и практика осуществления различных форм межмуниципальной кооперации в России и за рубежом. М., 2009. С. 77.
- ⁴ См. напр.: Бабичев И.В. Указ. соч. С. 417-420.
- ⁵ Межмуниципальное движение в России: Аналитический отчет/Фонд «Институт экономики города». М., 2004. С. 8.

УДК 316.74:796.032.2

ПАРАОЛИМПЕЙСКОЕ ДВИЖЕНИЕ КАК ФАКТОР РЕАБИЛИТАЦИИ ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ

М.Е. Абросимова

Саратовский государственный университет
E-mail: ABR1986@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы реабилитации лиц с ограниченными возможностями в рамках параолимпийского движения.

Ключевые слова: реабилитация, инвалидность, параолимпийское движение.

The Paralympic Movement as a Factor of People with Physical Inability Rehabilitation

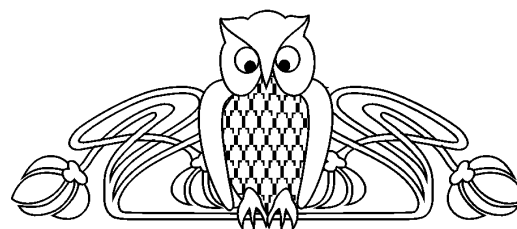
М.Е. Abrosimova

In the article the problems of rehabilitation disable people are considered, through the Paralympics movement.

Key words: rehabilitation, physical inability, the Paralympics movement.

Кардинальное переустройство, продолжающееся в России второй десяток лет, наряду с социально-экономической и политической сферами в корне трансформировало систему взаимоотношений человека, общества и государства. Новая система выражена в формуле: обеспечение интересов государства через интересы каждого гражданина и общества в целом.

Государство может быть сильным, а его управление эффективным, если оно имеет социальным фундаментом доверие граждан, их заинтере-

ресованность в государственных делах и участие в решении общественно значимых проблем.

Современное российское общество вступило в фазу поступательного развития, которое характеризуется наличием преобразований в различных сферах жизнедеятельности человека – социально-экономической, политической, духовной, культурной и т.д. Эти преобразования направлены в первую очередь на утверждение и реализацию гуманистических ценностей и идеалов, создание развитой и устойчивой демократической системы и гражданского общества. Важное место в происходящих изменениях занимают вопросы, связанные с жизнедеятельностью самого человека, его здоровьем и образом жизни.

Параллельно с этими преобразованиями в современном российском обществе быстрыми темпами актуализируется проблема социальной защищенности наиболее уязвимых слоев населения. Люди с ограниченными возможностями, являясь достаточно многочисленной группой населения, ощущают необходимость постоянного воздействия со стороны государства. Сегодня в Российской Федерации более 13 млн человек официально признаны инвалидами. Процессы, происходящие в экономической, социальной, правовой сферах российского общества XXI в. влекут в дальнейшем к росту числа данной категории населения.

Социальная политика в России, ориентированная на таких людей, строится сегодня на осно-

ве медицинской модели инвалидности. Опираясь на эту модель, инвалидность рассматривается в большей степени как недуг, заболевание, патология. Исходя из такого подхода реальная социальная помощь инвалидам снижает их социальную значимость, ослабляет их интеграцию в общество, обрекает их на признание своего неравенства, неконкурентоспособности по сравнению с другими людьми. Совершенно понятно, что такая модель предполагает лечение, трудотерапию, создание служб, помогающих человеку выживать, заметим – не жить, а именно выживать.

Существующая в нашей стране социальная политика в отношении людей с ограниченными возможностями в качестве предмета социальных наук, к сожалению, характеризуется невысокой степенью разработанности в отличие от состояния социологии инвалидности за рубежом.

Государственная политика в отношении инвалидов в России базируется на приоритетах их реабилитации и интеграции в общество. Действующий с 1995 г. Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» определил новое содержание понятия «инвалид». В соответствии со ст. 9 данного закона реабилитация инвалида – система медицинских, психологических, педагогических, социально-экономических мероприятий, направленных на устранение или возможно более полную компенсацию ограничений жизнедеятельности, вызванных нарушением здоровья со стойким расстройством функций организма.

Социальная реабилитация лиц с ограниченными возможностями – одна из наиболее важных и трудных задач современных систем социальной помощи и социального обслуживания.

На сегодняшний день в мировой и российской практике социальной работы с инвалидами наиболее эффективной формой является физическая реабилитация и социальная адаптация средствами физической культуры и спорта. Привлечь лица с физическими ограничениями к занятиям спортом, значит во многом восстановить у них утраченный контакт с окружающим миром. Использование средств физической культуры и спорта является эффективным и в ряде случаев единственным средством физической реабилитации и социальной адаптации этих лиц.

Физическая культура является частью общечеловеческой культуры, и ее цель – достижение физического совершенства человека, повышение выносливости и сопротивляемости организма, способности противостоять неблагоприятным условиям жизни и отрицательным воздействиям окружающей среды. В связи с ростом инвалидности в большинстве стран мира, провоцируемым усложнением производственных процессов, ухудшением экологической обстановки, широким распространением военных конфликтов, возникает огромная потребность в развитии адаптивной физической культуры, то есть физкультуры, адап-

тированной к особенностям людей с нарушениями в развитии и ограниченными физическими возможностями.

Адаптивная физкультура – это социальный феномен, целью которого является налаживание и укрепление социальных связей человека, ранее имевшего ограниченный доступ или вообще не включенного в социальный процесс, приобщение его к полноценной жизни, наполненной новым смыслом и эмоциями. Таким образом, адаптивная физкультура – это, скорее, не метод лечения, а способ переключения внимания инвалидов с болезни на общение, активный отдых и развлечение.

Адаптивный спорт (спорт инвалидов) является разновидностью адаптивной физической культуры. Его цель – реализация способностей человека и сравнение их со способностями других людей, имеющих аналогичные проблемы в развитии. Адаптивный спорт ориентирован на соревнование, на достижение максимальных результатов. То есть ключевой является установка на рекорд – это и есть главное отличие адаптивного спорта от всех остальных видов адаптивной физической культуры. Необходимым условием при занятиях адаптивным спортом является правильная классификация спортсменов по способностям, стремление к максимальному уравниванию шансов на победу.

В России более 13 млн инвалидов и не все они пассивны, очень многие нуждаются в проведении реабилитационных мероприятий именно средствами физической культуры и спорта. Именно поэтому в настоящее время наибольшее распространение получили три направления спорта инвалидов: параолимпийское, сурдоолимпийское и специальное олимпийское.

Идея организации международных спортивных соревнований, в которых могут участвовать инвалиды, принадлежит английскому нейрохирургу Сток-Мандевильского госпиталя города Эйлсбери Людвигу Гуттману. Именно там во время Второй мировой войны Гуттман организовал Центр лечения спинных травм, где наравне с традиционными методами лечения стали применяться разработанные им комплексы физических упражнений для реабилитации покалеченных солдат.

Поняв на практике, что спорт не только объединяет, но и восстанавливает психическое и отчасти физическое здоровье, Гуттман решил узаконить это движение и в 1956 г. разработал хартию спортсменов-инвалидов. В 1988 г. во время Олимпиады в Сеуле игры спортсменов-инвалидов получили статус Параолимпийских и право проведения соревнований на олимпийских стадионах. Графическим символом параолимпийского движения стали красная, синяя и зеленая полусферы, которые символизируют ум, тело и несломленный дух.

Российское государство очень многое сделало и делает для развития спорта инвалидов. Вместе с тем существуют и серьезные проблемы, мешаю-

щие поступательному движению в данной сфере. Это прежде всего организационные проблемы, в том числе организационные проблемы параолимпийского спорта и сурдоолимпийского спорта, являющихся олицетворением спорта инвалидов России, и финансовые проблемы, связанные с отсутствием мощной системы внебюджетного финансирования спорта инвалидов. Следует также отметить существование проблем информационного освещения. Зачастую наши сограждане даже и не знают о выдающихся успехах российских спортсменов-инвалидов. Решение этих проблем – назревшая необходимость. Без этого невозможно дальнейшее развитие спорта инвалидов, освоение новых, в том числе параолимпийских видов спорта, эффективное стимулирование спортсменов-инвалидов и решение их социальных и медицинских вопросов, привлечение талантливой молодежи.

Долгие годы бытовало мнение, что понятия «инвалид», «физическая активность», а, тем более, «спорт» несовместимы, и элементы физической культуры рекомендовались только отдельным инвалидам как кратковременное мероприятие, дополняющее физиотерапевтические и медикаментозные назначения. Физическая культура и спорт не рассматривались как эффективное средство реабилитации инвалидов, поддержания их физических возможностей и укрепления здоровья.

Изменение политической системы в России в 90-е гг. XX в. внесло серьезные изменения в отношение общества к инвалидам. Но недостаточное развитие физической культуры и спорта среди инвалидов в России ощущается.

Объясняется это рядом причин: во-первых, отсутствие социально-экономических условий для решения данной проблемы; во-вторых, непониманием многими государственными, поли-

тическими и общественными деятелями России, и, в первую очередь, руководителями спортивных организаций важности решения этой проблемы; в-третьих, полным отсутствием элементарных условий для вовлечения инвалидов в занятия физической культурой и спортом, прежде всего возможности личного передвижения в общественном транспорте, нерешенностью проблем в градостроительстве, отсутствие специализированных или адаптированных спортивных сооружений, оборудования и инвентаря и др.; в-четвертых, излишней увлеченности спортивных организаций достижением высоких спортивных результатов, участием в спортивных соревнованиях, т.е. спортизацией этой работы в ущерб ее физкультурно-оздоровительной направленности; в-пятых, низкой мотивацией у самих инвалидов к занятиям физической культурой и спортом.

Спорт для людей с ограниченными возможностями – способ утвердиться в нашем порой жестоком мире. Ведь такому человеку нелегко ощущать себя полноправным членом общества: ни подъемников в транспорте, ни спусков на тротуарах. А в спортивных соревнованиях для них главное – не победа, а участие. Ведь тот, кто хочет сидеть сложа руки и думать о своем недуге и беспомощности, тот и без этого просидит и проживет. Но надо вернуть людям веру в себя и показать, что они тоже могут чего-то добиться в жизни.

Примечания

- ¹ См.: Данные Минздравсоцразвития России, расчет Росстата на 1 января 2008 г.; Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (№ 181-ФЗ от 24 ноября 1995г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 01.03.2010).

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 32:130.3

ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ И «НОВАЯ СОСЛОВНОСТЬ» В СОВРЕМЕННОМ МОДЕРНИЗАЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ

Н.И. Шестов

Саратовского государственного университета
E-mail: nikshestov@mail.ru

Статья посвящена теоретическому обоснованию перспектив современной российской модернизации, альтернативных обоснованию этих перспектив в рамках концепции «гражданского общества» и «правового государства».

Ключевые слова: модернизация, либеральная идеология, сословная организация общества, политико-правовые отношения, демократический процесс.

Civic Consciousness and «New Class System» in Modern Modernisation Process

N.I. Shestov

Article is devoted a theoretical substantiation of prospects of the modern Russian modernisation alternative, to a substantiation of these prospects within the concept of «civil society» and «lawful state»

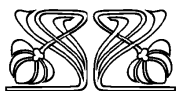
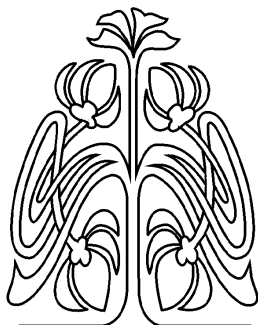
Key words: modernization, liberal ideology, the class organisation of a society, political-legal relations, democratic process.

Длительная популярность идеи демократического транзита привела к укоренению в политической науке и публицистике представления, что современная политическая модернизация состоится тогда, когда появятся «гражданское общество» и «правовое государство», причем исключительно «западного» образца. Изучению модернизации как состояния современной отечественной политики, таким образом, был задан очень узкий ракурс: выяснить, ведут эти процессы к торжеству либеральной демократии или от него, в направлении возрождения традиций российского авторитаризма.

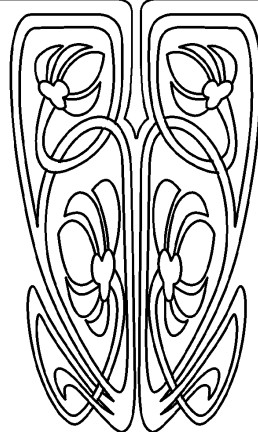
В реальной политической жизни происходило и происходит много такого, что в данную дихотомию не вписывается. Не вписывается в нее, например, очевидная сегодня тенденция возложения государственными институтами на себя функций опеки так называемых «социально незащищенных слоев населения», в том числе и в нарушение либеральных принципов свободы индивида в выборе стратегии собственного выживания. Сама по себе эта очень популярная ныне формулировка – «социально незащищенные слои населения» – подразумевает, по сути, что общество сегодня уже не в состоянии быть обществом как таковым, то есть, структурой, обеспечивающей выживание своим членам. Эту базовую функцию отныне берет на себя государство.

Исследователи, сосредоточивая в последние годы свое внимание на будущем «гражданского общества» и «правового государства», в России в частности, как на перспективе сложения обществом и государством прежних взаимных обязательств, порожденных советской моделью демократии, как-то меньше обращали внимание на другую, вполне заметную тенденцию. А именно, на возникновение новых взаимных обязательств общества и государства и новых институциональных форматов этих обязательств.

Возникновение таких новых форматов (в рамках процесса выстраивания так называемой «вертикали власти») часто интерпретировалось в духе предположения о реванше авторитарных начал

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

в функционировании российской социально-политической системы, таящих в себе угрозу либерально-демократическому «транзиту». Но у этого процесса есть и другая сторона: в современной России, да и в других современных демократиях набирают общественную легитимность внеконституционные политические институты и практики. Если посмотреть на эту ситуацию не с точки зрения конституционного права, а с точки зрения политической науки, то эту тенденцию можно интерпретировать иначе. Как свидетельство проявляющейся готовности общества подчиняться не только законодательно установленному порядку отношений с государственной властью, то есть брать на себя целый комплекс дополнительных обязательств перед ней, а в ответ требовать и не предусмотренных Конституцией обязательств со стороны самого государства, в том числе и по линии административного взаимодействия с обществом.

С другой стороны, в таком же духе можно интерпретировать и такой факт. В последнее десятилетие в России и на постсоветском пространстве почти каждая крупная электоральная кампания «заканчивается» тем, что победившая сторона и оппозиция взаимно отказываются от электорату противника в здравомыслии, в патриотизме (стандартны обвинения в лоббировании интересов враждебных гражданскому обществу сил), в готовности самостоятельно определять стратегию и тактику развития общества и государства. По следам выборов начинаются судебные разбирательства, политическая сторона которых, фактически, сводится к доказательству раз за разом того, в какой степени голосовавшие граждане реально обладают своим гражданским статусом, подразумевающим свободу политического выбора безотносительно к мотивам этого выбора. Начинаются массовые протестные движения оппозиции, ответные протестные движения победившей стороны и, таким образом, на месте гражданской толерантности в социуме прочно укореняется гражданская конфликтность. Получается, что демократическая избирательная процедура, которая по своему своему смыслу должна бы содействовать поддержанию гражданского согласия, стабильности конституционного правового поля, на практике нередко ставит общество на грань силового гражданского конфликта, а иногда и за эту грань. Электорат политического соперника объявляется или «купленным», или находящимся в плену политических мифов и политтехнологических манипуляций. Одна часть общества, таким образом, выступает в роли силы, служащей стабильности государственного порядка, относящейся к своим гражданским обязательствам более ответственно, нежели другие общественные группы, а потому силы, обладающей почти исключительным правом на взаимодействие с институтами государственной власти.

Это частные примеры, но они наглядно демонстрируют суть одной из тенденций в жизни современных социально-политических систем: в определенном направлении, в обход ожидаемого теоретиками со дня на день наступления эры «гражданского общества» и «правового государства» происходит фактическое усовершенствование каналов и норм взаимодействия государства и общества «в обход» конституционно установленных границ. В том числе, а может быть, и в первую очередь, по линии политико-мифологических оснований такого взаимодействия. Во всяком случае, идея «сильной и эффективной государственности», обеспечивающей существование «социально незащищенных слоев населения», для массового и элитарного сознания обладает сегодня большим мотивирующим потенциалом, большей способностью побуждать к лояльности, нежели упомянутые концепты «гражданского общества» и «правового государства». Каков смысл этого обходного маневра, выполняемого социально-политическими системами, российской в том числе? Речь нужно вести именно об усовершенствовании, потому как сам принцип такого взаимодействия в своей принципиальной основе совершенно не нов и прекрасно себя показал в истории политического быта очень многих, особенно европейских, народов и государств. Происходит, как можно предположить, усовершенствование, политическая актуализация отношений сословных на фоне официально, конституционно узаконенных гражданских отношений.

Одна из очевидных теоретических проблем концепции «демократического транзита» заключалась в постулируемом утверждении, что современные общества являются гражданскими, а потому, в принципе, бессловными. Такое противопоставление, теоретически допустимое, не вполне согласуется с историческим знанием. Со времени буржуазных революций в Европе в XIX столетии и до настоящего времени в структуре современных европейских социально-политических систем сохраняются и успешно действуют социальные корпорации с более или менее выраженными атрибутами сословности. В первую очередь – это корпус гражданских чиновников и военно-служилая корпорация. Дальше, по принципу убывания выраженности связи социального статуса с правами, полученными от государства, и соответствующими обязательствами перед ним, расположены различные группы людей, занятых в государственном секторе экономики и культуры или занятых бизнесом. Их фактические сословные характеристики связаны с тем общественным разделением труда, правовых и культурных компетенций, которые закреплены Конституциями и текущим законодательством.

Убывание выраженной сословности связано с тем, что в след за либеральной политической наукой и европейская политическая практика стала ориентироваться на обычный для либера-

лизма принцип противопоставления сословности и гражданственности как взаимоисключающих состояний человека политического. Принцип, более или менее явно апеллирующий к распространенному в эпоху классической либеральной идеологии убеждению (социалисты только абсолютизировали этот сюжет, заявив о возможности обойтись без государства как такового), что чем будет «меньше» государства в политике, тем обществу в политике жить будет лучше. Если зависимость индивида или группы нельзя ликвидировать фактически, то можно создать правовые, экономические и культурные условия для того, чтобы эту зависимость как можно менее замечать.

Но на ситуацию взаимодействия человека (общества) и государства можно посмотреть и с иных позиций, в частности, с позиции современного знания о том, что вопреки прогнозам либеральных теорий государства в политике меньше не стало, изменились формы и способы его присутствия. Изменились, иначе говоря, политические режимы. Государство не стало незаметным, оно повернулось к обществу другой стороной. Стороной фискальной, в первую очередь. И тенденция этих изменений в XIX–XX столетиях не согласовывалась с упомянутым противопоставлением в либеральных научных теориях сословных и гражданских начал в жизни общества. Она не выглядела как переход от одного состояния к другому. Скорее все выглядело как дополнение устоявшегося порядка новыми чертами, придающими ему большие адаптивные возможности в политическом процессе.

Целая волна буржуазно-демократических революций имела, в сущности, общий результат для тех стран, которые она «накрыла»: гражданственность политических отношений не заменила собой сословности этих отношений. Даже в США, где, казалось бы, уничтожение внешних атрибутов европейской сословности было произведено наиболее решительно и последовательно, сословная разобщенность социума проявлялась не только на уровне толкования смысла конституционного порядка, свобод и обязательств граждан перед государством на «фермерском» Севере и «аристократически-плантаторском» Юге, но и на уровне понимания гражданства именно как сословной, связанной с особыми возможностями и обязанностями, принадлежности к сообществу людей, использующих свое взаимодействие с государством для строительства «города на холме» и противостоящих в этом всем тем другим, кто в это строительство не вовлечен, хотя и тоже чем то обязан государству и тоже получает от государства какие-то права (афроамериканцы, индейцы, эмигранты).

Классовый интерес, как инструмент выстраивания новой социальной иерархии равных в своих конституционных правах и обязанностях граждан, не уничтожил, а скорее дополнил сословную иерархичность, устоявшуюся за века, важным

в условиях перехода Европы к либерально-демократическим основам политики принципом открытой конкуренции сословных статусов. Появлялась возможность в теории представить даже такую ситуацию, когда абсолютно доминирующим станет классовый интерес сословий, занятых производительным трудом и, в этом смысле, в односословном обществе сословность исчезнет как атрибут политико-культурного разнообразия, и восторжествует в формате совершенно стандартных для всех людей прав и обязанностей перед государством, превратится в тотальное качество политической культуры. Следует заметить, что возможно (в противовес соображениям идеологической конфронтации, которыми руководствовались в 50-е гг. минувшего века политики – создатели концепции «тоталитаризма») именно этот процесс превращения общества в односословную структуру, подавляющую даже дифференцированность общества по классовым интересам, служит реальным основанием для разговора о существовании особых «тоталитарных» состояний социально-политических систем.

Одни политические мыслители интерпретировали эту ситуацию как торжество правопорядка, другие как «тоталитаризм», но за всеми этими формальными определениями скрывалась единая тенденция. Иерархия была оптимизирована посредством дополнения специфических сословных прав и обязанностей (упраздненных юридически, но сохранявшихся уже в силу существования механизмов общественного разделения труда, разделения всего общественного производства, сферы культуры на частный и государственный сектора) универсальными, надсословными, общегражданскими правами и обязанностями. Причем, направление оптимизации вытекало из самой логики функционирования капитализирующихся социально-политических систем. Она шла по линии расширения возможностей для государства использовать для своих нужд ресурс (материальный, прежде всего) не только зажиточных слоев населения, но и (даже, может быть, в первую очередь) огромной массы материально и культурно малосостоятельных граждан. Недостаток качества этого ресурса государство «добирало» его количеством. Это позволяло государству, как показала практика функционирования европейских демократий в последние два столетия (даже в тех странах, где за гражданское неучастие предусмотрены штрафные санкции), не особенно заботиться о гражданской функциональности большей части населения (что всегда было главным предметом социалистической критики в адрес либеральной демократии) и реализовывать демократические процедуры в цензовом, элитарном режиме. Оптимизация состояла в том, что исторически установившееся разнообразие сословных обязательств, прав и привилегий было посредством конституционного законодательства привязано к единому «стержню» – гражданскому

статусу личности. Каждый гражданин, таким образом, наделялся обязанностью платить государству налоги и адекватно тому, насколько дисциплинированно он это делает, он пользуется «свободой гражданского выбора» как универсальным ключом, открывающим индивиду доступ к пользованию свободами и привилегиями в любой интересующей его в тот или иной момент жизни конфигурации. Гражданственность в либерально-демократических социально-политических системах стала своего рода новой, оптимизированной версией сословности.

Это тот принципиальный момент, который чаще всего просто не принимается во внимание исследователями при изучении и прогнозировании перспектив «гражданского общества» и «правового государства», например, в современной России, или в других постсоветских социально-политических системах. В любой социально-политической системе баланс тенденций к универсализации и спецификации политических, экономических и культурных прав и обязанностей, то есть баланс гражданственности и сословности, складывается ситуативно, под влиянием внутренних и внешних факторов. В разных обстоятельствах у граждан может возникнуть понимание выгоды пользоваться правами «как у всех», а может возникнуть и представление о желательности обрести права и свободы, а также обязательства перед государством большие, чем у остальных граждан.

Собственно, определенный вариант этого баланса, когда он смещен в сторону универсализации прав и обязанностей индивида, при соответствующей универсализации прав и обязанностей государства перед индивидом (о том, что конституционно закрепленная универсальность государственных обязательств никогда не исключает его, государства, возможностей действовать внеконституционным порядком уже упоминалось прежде) и обозначается исследователями при помощи понятий «гражданское общество» и «правовое государство».

Когда баланс смещен в другую сторону, то это является фактическим поводом для исследователей сомневаться в том, а есть ли в той же России, например, «гражданское общество», возможно ли, в принципе, российскому обществу достичь такого качественного состояния. Почему определение исследователями перспектив эволюции современного модернизационного процесса в постсоветском пространстве, тем не менее, останавливается именно на рубеже, предусмотренном либеральной теорией – «гражданское общество» и «правовое государство» и ничего дальше?

Другое дело, что в научных исследованиях часто модель баланса совмещается с линейной моделью или даже просто подменяется ею. Используется модель линейного движения отношений общества и государственной власти от крайней точки со знаком «минус» (авторитаризм и

подданничество) к другой крайней точке со знаком «плюс» (торжество законности и гражданственности). О том, может ли в принципе сложная и обремененная своим историческим опытом и своей исторической памятью социально-политическая система более-менее долго существовать вот в таком «перекошенном» состоянии, вопрос специалистами по проблематике демократического развития России обычно даже не ставится. Хотя актуальность вопроса очевидна. Допустим, социально-политическая система, как это подразумевает упомянутая выше модель «демократического транзита», движется от одного крайнего, авторитарного состояния к другому, столь же крайнему, стопроцентно демократическому гражданскому и правовому состоянию. Но ведь именно крайности авторитарного состояния системы в их политическом, идеологическом, экономическом измерениях людей, собственно, и не устраивали, побуждали стремиться к демократизации системы. Стремиться потому, что их более устраивает «разумный» баланс, допустим, личных инициатив и государственного регулирования в экономике, свободы выбора и государственного принуждения в политике и т.д.

Тогда что, кроме доводов либеральной теории, абсолютизирующей стремление общества и конкретного человека к максимально полной свободе и независимости от государственной опеки, может служить доказательством того, что «гражданское общество» и «правовое государство», как «крайности» в качестве политического процесса, будут людей устраивать больше, чем прежде, крайне авторитарное качество социально-политической системы? Логичнее, исходя не из теории, а из опыта российской политической жизни последнего двадцатилетия, предположить, что эти крайности вызовут не меньше нареканий со стороны людей, чьи жизненные потребности будут объективно выходить за установленные, пусть и самые либерально-демократические рамки. А это будет иметь естественным следствием стремление граждан к тому, чтобы за пределами этих либерально-демократических рамок формировать новый уровень взаимоотношений с государственной властью, взаимоотношений сбалансированных, который условно можно назвать «новой сословностью», и который выглядит вполне реалистичной перспективой эволюции современных постсоветских политических систем, в первую очередь российской. Кроме постулатов либеральной теории, нет показаний против того, чтобы этот переход осуществился, минуя теоретически выверенные модели «гражданского общества» и «правового государства», и стал реальным историческим итогом современной российской модернизации.

Определение «новый» к системе взаимных обязательств и взаимных привилегий современного общества и государства применимо еще потому, что в этой системе прежний баланс,

сложившийся до появления в структуре политических отношений гражданственности, баланс, основанный на обусловленности сословных прав и обязанностей подданнической принадлежностью человека, или социального слоя, приобретает обусловленность теперь уже гражданским статусом личности или группы.

Можно предложить различные объяснения того, почему исследователи перспектив современного модернизационного процесса предпочитают представлять себе его развитие линейно, как движение к некоторой конечной точке, в которой взаимоотношения общества и государства достигнут идеально-совершенного состояния. Очевидно, что в данной ситуации сказывается тенденция, свойственная всем наукам: поддерживать традиционную конфигурацию предметных полей и использовать ее в качестве одного из базовых критериев для определения научности или ненаучности исследований, проведенных конкретным специалистом. «Гражданское общество» и «правовое государство», как проблемы, в структуре современного политологического знания выступают своеобразными маркерами политологичности конкретных исследований, посвященных, например, российской модернизации или же сравнительному анализу демократических процессов в нашей стране и за рубежом.

Но можно предложить и объяснение, напротив, исходящее из факта заметных подвижек в предметном поле современных политологических исследований. Проблемой номер один стала глобализация. Эта проблема задает контекст и для постановки специалистами проблем более конкретных, в частности, связанных с перспективами российской модернизации в ближайшем будущем. На теоретических позициях ученых не может не сказываться, однако, тот момент, что, фактически, перспектива-то уже определена – глобализация. Концепт «глобализация» стал своевременным подспорьем к дискуссиям о демократической перспективе России, которые концепция демократического транзита все более заводила в тупик. Подспорьем в том плане, что он возвращал некий смысл обсуждению того, происходит ли с Россией демократическая перемена. Наличие тенденций к демократизации стало вопросом способности России к партнерскому участию в глобализационной гонке вместе с другими странами. «Гражданское общество» и «правовое государство» в структуре политологических рассуждений на тему глобализации стали, таким образом, обозначениями того рубежа, достигнув которого, Россия и другие страны в постсоветском пространстве смогут в дальнейшем успешно отвечать на все «вызовы» и «угрозы» современного мирового развития. Эти два понятия приобрели, если исходить из предлагаемого объяснения, значение уже не столько научных проблем, сколько идеологических императивов, играющих роль своеобразных индикаторов цивилизационной состоятельности

России в современном мире. Возникла, по сути, новая формулировка исходных условий для того «общественного договора», который должен сделать государство и общество более тесно взаимодействующими субъектами и обеспечить им успешную будущность.

Иначе говоря, привязка этих понятий к контексту проблем глобального развития вывела их на аксиоматический уровень. Настолько аксиоматичный, что, порой, исследователи, признавая фактическую невозможность построения в России гражданского общества и правового государства «западного» образца, завершают, тем не менее, свой анализ утверждением, что строить их все равно надо, так как это и есть единственная магистральная дорога развития мировой цивилизации. Ситуация совершенно типичная для актов политического мифотворчества. И мифотворцем выступает научная корпорация.

В периоды политических и экономических перемен обычно в социально-политической мифологии прослеживается тенденция к актуализации сюжетов и формул, посредством которых обозначаются отношения служебной зависимости индивидов и групп от государства. В качестве примера можно использовать хорошо известные обстоятельства борьбы разных групп населения за сохранение своих сословных обязанностей и привилегий в период реформ Ивана IV, или же устойчивое стремление русских крепостных крестьян (отмеченное современниками Отечественной войны 1812 г. и Великих реформ второй половины XIX столетия), а также дворян-крепостников, подчеркивать свою безусловную служебную связь с российским государством.

Подобное можно наблюдать и сегодня: по самым разным каналам массовой коммуникации тиражируется тезис, согласно которому государство должно помогать тем, кто на него работает или работал, а не тем, кто в жизненной стратегии ориентируется на свободу личного выбора, предоставленную Конституцией. Это парадокс современного модернизационного процесса, понять реальность которого можно только исходя из его мифологической природы: общество, движущееся, теоретически, в направлении развития в себе гражданских качеств, полагает, что для него оптимальным является заключение прямых договорных отношений с государственной властью в качестве альтернативы конституционному порядку. Тенденция к мифологической легитимации принципов этой «новой сословности» в повседневной российской политике проявляется очень широко. Проблемы бюджетников и пенсионеров, живо обсуждаемые повсюду, от дворовых скамеечек до научных симпозиумов и парламентских слушаний, служат ярким образчиком такой «неосословной» направленности процесса мифогенеза в современной России, что неизбежно будет сказываться и на реальном ходе политической жизни.

И во многом парадоксальность приведенной ситуации связана с теми ориентировками, которые массовому и элитарному сознанию задает политическая наука. Сами политологи обычно скромно оценивают меру такого влияния. Это связано, в первую очередь, с необходимостью следовать в политическом исследовании критериям научности. Исследователь должен быть экспертом, наблюдать за реальностью с определенной методологией его исследования дистанции, а не быть частью той самой реальности, которую он изучает. С другой стороны, вероятно, учеными руководит понимание того, что сама по себе заявка на влияние на массовое и элитарное сознания вводит предмет и метод научного исследования в достаточно жесткие рамки моральных, идеологических, этнокультурных и других детерминаций. По поводу масштаба научного влияния можно спорить. Но в данном случае для выяснения причин важен не масштаб, а сам факт.

А фактом является влияние науки на социально-политический мифогенез вообще, и на возникновение данного парадокса, в частности. Можно даже сказать, что в массовое сознание этот парадокс оказался привнесен из научной сферы в готовом виде. Условием существования современной политической науки как таковой является ее способность формировать в обществе и в рядах властвующих элит убеждение, что эти два ключевых субъекта политики, в принципе, всегда могут между собой договориться, а устойчивость таких договоренностей как раз и является, обычно, основным научным аргументом в пользу превосходства демократии над прочими порядками организации политической жизни. А выполнение такой конструктивной функции, заметим, создает объективный стимул для ориентации большинства политологов в их исследовательской работе на достижения, прежде всего, либерального направления в зарубежной науке.

Наука, таким образом, задает общественному сознанию задачу, которую-то, что вполне естественно, разрешает в духе своего прежнего политического опыта, то есть в духе тех самых традиций сословности. Получается, что если Конституция достаточно жестко, с привязкой к условиям того исторического момента, в который она была принята, определяет для всех граждан единые условия «общественного договора» с институтами государства, то все дальнейшее совершенствование системы этих взаимоотношений (а в этом, собственно, и заключен внутренний смысл модернизации) может и должно идти по линии их спецификации и конкретизации. Так рождаются не только заявки на пересмотр и «поправки» Конституций, но и «цветные революции» в, казалось бы, раз и навсегда обустроенном в соответствии с нормами либеральной демократии политическом пространстве. Если гражданский статус по Конституции определяется возможностью для всех индивидов формулировать и заявлять свой политический интерес, то прогрессирование политической системы становится возможным, прежде всего, в направлении конкретизации и спецификации каждого интереса как естественного условия его конкуренции с другими интересами, за которыми стоят группы точно таких же индивидов.

Таким образом, проблему «новой сословности» можно отнести к тому разряду проблем, которые «вычисляются» формально-логически и мифологически. Это означает, что для общества, состояния его культуры и его практики эти проблемы, собственно, проблемами не являются. Это, в первую очередь, проблема для науки. Проблема ее способности продвинуться вперед хотя бы на уровне постановки вопроса о возможности и эффективности новых интерпретаций, новых теоретических ракурсов, позволяющих расширить рамки научной традиции.

УДК 316+929

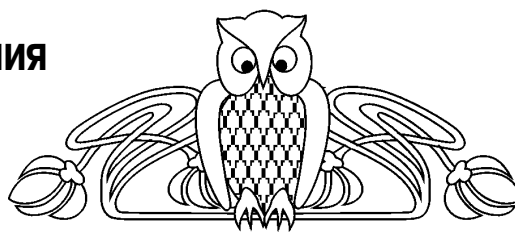
ИМПЕРСКО-ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Я.А. Никифоров

Саратовский государственный университет
E-mail: yan@sgu.ru

В статье рассматриваются противоречия имперского и либерального тезауруса модернизационного дискурса в творчестве Н.Г. Чернышевского. Особое внимание уделяется взглядам русского мыслителя на сущность государства и власти.

Ключевые слова: Н.Г. Чернышевский, политический дискурс, модернизация, великие реформы Александра II

**Imperial-liberal Contradictions of Political Discourse of
N.G. Chernyshevsky**

Ya.A. Nikiforov

In article contradictions of the imperial and liberal thesaurus of modernization discourse in N.G. Chernyshevsky's creativity are considered. The special attention is given to sights of the Russian thinker at essence of the state and the power.

И во многом парадоксальность приведенной ситуации связана с теми ориентировками, которые массовому и элитарному сознанию задает политическая наука. Сами политологи обычно скромно оценивают меру такого влияния. Это связано, в первую очередь, с необходимостью следовать в политическом исследовании критериям научности. Исследователь должен быть экспертом, наблюдать за реальностью с определенной методологией его исследования дистанции, а не быть частью той самой реальности, которую он изучает. С другой стороны, вероятно, учеными руководит понимание того, что сама по себе заявка на влияние на массовое и элитарное сознания вводит предмет и метод научного исследования в достаточно жесткие рамки моральных, идеологических, этнокультурных и других детерминаций. По поводу масштаба научного влияния можно спорить. Но в данном случае для выяснения причин важен не масштаб, а сам факт.

А фактом является влияние науки на социально-политический мифогенез вообще, и на возникновение данного парадокса, в частности. Можно даже сказать, что в массовое сознание этот парадокс оказался привнесен из научной сферы в готовом виде. Условием существования современной политической науки как таковой является ее способность формировать в обществе и в рядах властвующих элит убеждение, что эти два ключевых субъекта политики, в принципе, всегда могут между собой договориться, а устойчивость таких договоренностей как раз и является, обычно, основным научным аргументом в пользу превосходства демократии над прочими порядками организации политической жизни. А выполнение такой конструктивной функции, заметим, создает объективный стимул для ориентации большинства политологов в их исследовательской работе на достижения, прежде всего, либерального направления в зарубежной науке.

Наука, таким образом, задает общественному сознанию задачу, которую-то, что вполне естественно, разрешает в духе своего прежнего политического опыта, то есть в духе тех самых традиций сословности. Получается, что если Конституция достаточно жестко, с привязкой к условиям того исторического момента, в который она была принята, определяет для всех граждан единые условия «общественного договора» с институтами государства, то все дальнейшее совершенствование системы этих взаимоотношений (а в этом, собственно, и заключен внутренний смысл модернизации) может и должно идти по линии их спецификации и конкретизации. Так рождаются не только заявки на пересмотр и «поправки» Конституций, но и «цветные революции» в, казалось бы, раз и навсегда обустроенном в соответствии с нормами либеральной демократии политическом пространстве. Если гражданский статус по Конституции определяется возможностью для всех индивидов формулировать и заявлять свой политический интерес, то прогрессирование политической системы становится возможным, прежде всего, в направлении конкретизации и спецификации каждого интереса как естественного условия его конкуренции с другими интересами, за которыми стоят группы точно таких же индивидов.

Таким образом, проблему «новой сословности» можно отнести к тому разряду проблем, которые «вычисляются» формально-логически и мифологически. Это означает, что для общества, состояния его культуры и его практики эти проблемы, собственно, проблемами не являются. Это, в первую очередь, проблема для науки. Проблема ее способности продвинуться вперед хотя бы на уровне постановки вопроса о возможности и эффективности новых интерпретаций, новых теоретических ракурсов, позволяющих расширить рамки научной традиции.

УДК 316+929

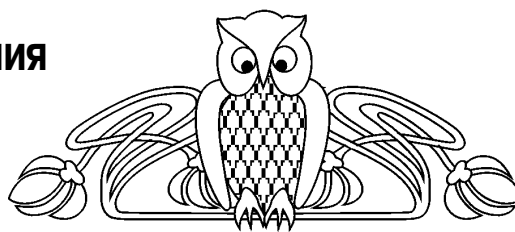
ИМПЕРСКО-ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Я.А. Никифоров

Саратовский государственный университет
E-mail: yan@sgu.ru

В статье рассматриваются противоречия имперского и либерального тезауруса модернизационного дискурса в творчестве Н.Г. Чернышевского. Особое внимание уделяется взглядам русского мыслителя на сущность государства и власти.

Ключевые слова: Н.Г. Чернышевский, политический дискурс, модернизация, великие реформы Александра II

Imperial-liberal Contradictions of Political Discourse of N.G. Chernyshevsky

Ya.A. Nikiforov

In article contradictions of the imperial and liberal thesaurus of modernization discourse in N.G. Chernyshevsky's creativity are considered. The special attention is given to sights of the Russian thinker at essence of the state and the power.

Key words: N.G. Chernyshevsky, modernization, political discourse, great reform of Alexander II

Общественное предназначение политического дискурса состоит в том, чтобы внушить адресатам – гражданам – необходимость «политически правильных» действий и/или оценок. Всякое коммуникативное взаимодействие, в том числе и политическое, непременно предполагает и определенный язык общения, содержащий достаточно однозначные и адекватно воспринимаемые всеми его участниками категории. М.В. Ломоносов писал: «...если бы каждый член человеческого рода не мог изъяснить своих понятий другому, то бы не токмо лишены мы были сего согласного общих дел течения, которое соединением разных мыслей управляется, но и едва бы не хуже ли были мы диких зверей, рассыпанных по лесам и пустыням»¹. Именно формирование системы общепринятых в данном политическом пространстве символов и знаков делает возможным всякое коммуникативное взаимодействие субъектов и объектов политической власти. Язык политического сообщения – в его семиотическом смысле – выступает своего рода кодом, который содержит определенные смыслы, достаточно адекватно и однозначно воспринимаемые как субъектами политической власти, так и всеми объектами ее воздействия. Взаимодействие субъекта и объекта политики всегда предполагает существование некоего тезауруса, который содержит группу понятий и концептов, одинаково понятных всем участникам политического общения. Объем и состав данного тезауруса зависят от множества факторов глобального и национального уровня. Восприятие и понимание содержания тех или иных символов, сообщений, текстов участниками политических отношений может быть адекватным, только если строится на определенной системе общепринятых понятий и концептов, в которых упорядочен весь предыдущий политический опыт личности, группы, общества в целом. Цель политического дискурса – убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию. Поэтому эффективность политического дискурса можно определить относительно этой цели.

Проблема модернизации является одной из наиболее злободневных для отечественного сознания, как научного, так и общественного, поскольку связана она с выработкой стратегии развития страны. Само слово модернизация, выйдя за пределы строгой научной категории, стало употребляться чрезвычайно широко, зачастую включая в себя противоречивые значения. Задача осмысления модернизационных процессов в России способствует появлению новых терминов, имеющих целью обосновать своеобразие российского варианта модернизации. Так, С.Н. Гавров²³ предлагает рассматривать с учетом российской специфики в качестве основных две модели: либеральную и имперскую. Следуя этой логике, одной из основ-

ных причин незавершенности модернизационного проекта второй половины XIX в. следует считать его внутренние, идейные противоречия, власть оказалась неспособна, а общество не готово к проведению модернизации ни в имперской, ни тем более в либеральной формах. В пореформенной России трансформационные процессы развивались в разных направлениях, стихия народной жизни сопротивлялась модернизационным процессам. Немаловажное значение в «невозможности найти такую формулу реформы, которая имела бы местные исторические корни и была бы при этом жизнеспособной»⁴, имело то, что политический дискурс основных идеологов эпохи был чрезвычайно противоречивым. В период подготовки и проведения реформ в русском обществе шли активные обсуждения способов и вариантов их реализации. Начиная с 1859 г., Чернышевский вступает в общественные споры о проектах Реформы с тем же намерением, что и другие их участники: повлиять на итоговый текст закона. В то время как он пытается изменить содержание Реформы, которая должна была стать двигателем предстоящей модернизации, его размышления носят настолько противоречивый характер, что «будто их высказывали разные люди, принадлежащие к мировоззрениям, борющимся одно против другого»⁵. Имперские дискурсивные пропозиции постоянно сталкиваются в его творчестве с либеральными. Вкратце основные характерные символы имперского дискурса составляют следующий ряд: вертикальная иерархия управления; абсолютный суверенитет одного лица; полития, объединяющая несколько сообществ; идеальная категория целей, во имя которых можно и должно жертвовать; способность вести соревнование с равновеликими субъектами мировой политики; прочность связи центральных властей с местными элитами. Тезаурус либерального дискурса включает в себя: безусловную ценность личной свободы, моральную ответственность человека за свой осознанный выбор, ликвидацию отношений господства и подчинения, создание условий, при которых правит закон, ограничение государства и сведения его к минимуму вплоть до растворения в обществе.

Противостояние концептов этих двух дискурсивных систем у Чернышевского проявляется, в первую очередь, в рассуждениях о сущности государства и власти. В имперском дискурсе государство предстает у него элементом, определяющим общее положение в России, где крепостничество не более чем особенность: «...при нынешнем положении общественных нравов государство имеет очень значительную силу над частной жизнью. Главным источником такой силы мы считаем непривычку частных людей к инициативе»⁶. Могут ли изменения в правящих кругах или присутствие в верхах «либералов» привести к другому результату? Здесь вступает в силу понятие «бюрократического порядка», чтобы охарактеризовать

действие системы, способной с успехом противостоять всякой попытке реформы, которая могла бы затронуть ее основы. «Против ничего не в силах сделать никто, хотя бы стоял и в самой главе всего управления»⁷.

Рассчитывать на желание верхов трансформировать систему, даже если нет сомнения в существовании такого желания, – значило бы признать, что кто-либо в России может обойти «бюрократический порядок», значило бы думать, что ты «в Англии», где существует свобода «выбирать», замечает Чернышевский, а затем добавляет в статье, в которой под прикрытием Австрии речь шла о России (приём, характерный для творчества Н.Г.): «В Австрии никто, каким бы титулом ни пользовался, не мог иметь подобного личного влияния на дух управления... А если бы и произошло в их личных мыслях явление, которое никак не могло произойти, если бы лично в них и явилось сомнение относительно достоинств господствующей системы, явилось желание изменить ее, от этого не произошло бы никакого фактического результата, потому что ни Миттерних, ни сам Франц I не имели никакой личной силы над господствующей системой: они имели полную власть делать все, чего требовала эта система, но ничего иного не в силах были бы исполнить»⁸. Ключ к пониманию России, по Чернышевскому, – азиатство, так как вся она – отрицание государства европейского типа, регулируемого правом: «Азиатская обстановка жизни, азиатское устройство общества, азиатский порядок дел, – этими словами сказано все, и нечего прибавлять к ним»⁹. «Азиатством называется такой порядок дел, при котором не существует неприкосновенности никаких прав, при котором не ограждены от произвола ни личность, ни труд, ни собственность. В азиатских государствах закон совершенно бессилён. Опираясь на него – значит подвергать себя гибели. Там господствует исключительно насилие»¹⁰. Чернышевский описывает Россию, указывая в одном случае на отрицание правового устройства, в другом – на отсутствие установившегося общества.

Выводя невозможность действия из структуры системы, Чернышевский делает заключение о совершенной ее устойчивости. По отношению к различным политическим сценариям, которые обсуждались в кругу интеллигенции в связи с близящимся освобождением крестьянства, Чернышевский как бы переходит на уровень либерального дискурса: центральный вопрос политики в России не в степени участия масс, а в человеке, составляющем эти массы. Так как стихийное социально-политическое действие было невозможно, для Чернышевского на передний план выходит человек.

Общим местом давно стало, что человек составляет у Чернышевского начальный элемент, природа которого должна служить эталоном в оценке общества. Однако направление мыслей

Чернышевского было в большей степени политическим, нежели философским. В той мере, в которой для него отсутствие антисамодержавного действия, присущее русским социально-экономическим классам, явилось результатом «разложения личности» крепостничеством, здесь, по его мнению, не могло бы быть антидеспотических изменений иначе, чем через изменение человека¹¹. Необходимое изменение естественного хода русской истории, следствием которого явилась замкнутость социального пространства внутри самого государства-системы, требует, прежде всего, освобождения личности. Если азиатство, самодурство и обезличение пропитали, за небольшим исключением, всю Россию, есть ли в настоящем какой-то выход? Это и составляет суть проблемы. Спонтанно Россия не может породить силу, свободную от азиатства. Последняя большая статья «Не начало ли перемены?», которую написал Чернышевский до своего ареста, целиком посвящена ответу на подспудный вопрос: кто может вырваться из азиатства? Это подразумевает, что поскольку этот разрыв не вписывается в объективный ход развития, он относится к явлениям субъективного порядка. Вследствие этого поиском ответа на первой стадии будет полемика, имеющая целью доказать, что народ сам по себе не может представлять антисамодержавный элемент и не может самостоятельно освободиться от этой власти. Если мы не хотим обманывать народ и обманывать себя в поисках утешения, надо покончить с идиллическими картинками, к которым нас приучили «красноречивые панегиристы русского ума», задетые описаниями «тупой нескладицы в народных мыслях»¹². Изменение менталитета должно было предшествовать политическим и социальным преобразованиям. Следовательно, необходимо было «изучать простой народ», и в особенности «дюжинных людей». «Инициатива народной деятельности не в них, они, как подобные люди наших сословий, только плывут, куда дует ветер. Но их изучение все-таки важно, потому что они составляют массу простонародья, как и массу наших сословий. Инициатива не от них; но должно знать их свойства, чтобы знать, какими побуждениями может действовать на них инициатива»¹³. Так как сознание, а у Чернышевского его надо понимать как политическое сознание, является противоположностью «неосознанного», то народ, лишенный его, не только должен будет еще дольше ожидать своего освобождения, более того, возможным результатом его борьбы может стать продолжение старого порядка: или от того, что сущность режима не будет уничтожена (рука опускается, не достигнув поля деятельности противника), или потому, что позже наступит реставрация, и так, что народ этого не заметит. Из этого вытекает осуждение попыток революционного действия в современном состоянии общественного сознания; оно даже было бы «неосторожным и довольно опасным»¹³. Существует другой ис-

точник «изменения в жизни дюжиных людей». В самом деле, отказ от действия, имеющего целью выступление масс в их нынешнем состоянии, сопровождается призывом привести извне политическое сознание – в самом простом смысле: гражданское сознание – в массы. «Образованные люди уже могут, когда хотят, становиться понятны и близки народу... Никаких особенных штук для этого не требуется: говорите с мужиком легко и непринужденно, и он поймет вас; входите в его интересы, и вы приобретете его сочувствие. Это дело совершенно легкое для того, кто в самом деле любит народ, – любит не на словах, а в душе»¹⁴. Так была поставлена проблема «новых людей». Другими словами, программа переустройства государства, предложенная Н.Г. Чернышевским, предполагала поиски источников модернизации в области совершенствования личности.

Можно продолжать достаточно длинный перечень столкновений дискурса либерального и имперского в трудах русского мыслителя, тем более, что неоднозначность и противоречивость его идей отмечаются практически всеми исследователями его творчества. Однако резюмируем.

Успех любого политического послания определяется тем, насколько его символы созвучны массовому сознанию, насколько автор уложил их во «вселенную» мнений и оценок его адресатов, «потребителей» политического дискурса. Будучи одним из самых ярких идеологов времени Великих реформ, Н.Г. Чернышевский не смог или не захотел предъявить обществу недвусмысленного

модернизационного дискурса. Причины этого кроются в двойственном характере дискурса разночинцев этой эпохи, с одной стороны, не желавших становиться на идеологические позиции официальной власти, с другой – не способных в силу различных причин интеллектуально обеспечить открытый призыв к социальному взрыву.

Примечания

- ¹ Ломоносов М.В. Российская грамматика // Ломоносов М.В. Соч.: В 10 т. Т. 7. М.; Л., 1952. С. 415.
- ² См.: Гавров С.Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М., 2004. С. 38–72.
- ³ Вебер М. К состоянию буржуазной демократии в России // Рубежи. 1997. № 5(20). С. 126.
- ⁴ Ив. Фролов. Николай Гаврилович Чернышевский. Его жизнь, революционная деятельность и научные взгляды. М.; Л., 1928. С. 139.
- ⁵ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1939–1950. Т. VII. С. 745.
- ⁶ Там же. Т. X. С. 111.
- ⁷ Там же. Т. VIII. С. 445.
- ⁸ Там же. Т. V. С. 698.
- ⁹ Там же. С. 700.
- ¹⁰ Там же. Т. V. С. 589.
- ¹¹ Там же. Т. VII. С. 874.
- ¹² Там же. Т. V. С. 863.
- ¹³ Там же. Т. VII. С. 889.
- ¹⁴ Там же.

УДК 32.019.5 – 053.81

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

А.А. Вилков, С.Ф. Некрасов¹

Саратовский государственный университет
¹Сибирская академия государственной службы
E-mail: Bondar4455@Rambler.ru

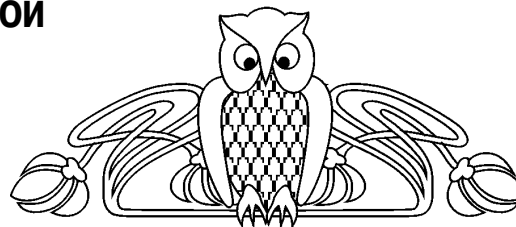
В представленной статье речь идет о специфике политических интересов студенческой молодежи в современной России, о характере и мотивации её политического участия, об основных тревогах и надеждах, характерных для её различных социальных групп. Статья написана на основе анализа материалов авторских социологических исследований среди студентов вузов Саратова и Новосибирска.

Ключевые слова: молодежь как субъект политики, политические интересы молодежи, мотивация политического участия, политические ценности.

Political Interests of the Modern Students

A.A. Vilkov, S.F. Nekrasov

The represented article is devoted to specific political interests of students in modern Russia, to the character and motivation of this

part of youth's political participation, to the most important challenges and hopes particular to its social groups. The article is based on the analysis of the authors' sociological investigation made among the students of Higher Educational Establishments in Saratov and Novosibirsk.

Key words: youth as a subject of politics, political interests of youth, motivation of political participation, political values.

Прошедший 2009 г. был официально объявлен Годом молодежи, в ходе которого властные структуры и ведущие общественно-политические организации России постарались привлечь внимание к проблемам подрастающего поколения. На наш взгляд, данный официальный импульс в развитии молодежной сферы невозможно закрепить и реализовать без постоянной поддержки не только на государственном, но и на общественном

точник «изменения в жизни дюжиных людей». В самом деле, отказ от действия, имеющего целью выступление масс в их нынешнем состоянии, сопровождается призывом привести извне политическое сознание – в самом простом смысле: гражданское сознание – в массы. «Образованные люди уже могут, когда хотят, становиться понятны и близки народу... Никаких особенных штук для этого не требуется: говорите с мужиком легко и непринужденно, и он поймет вас; входите в его интересы, и вы приобретете его сочувствие. Это дело совершенно легкое для того, кто в самом деле любит народ, – любит не на словах, а в душе»¹⁴. Так была поставлена проблема «новых людей». Другими словами, программа переустройства государства, предложенная Н.Г. Чернышевским, предполагала поиски источников модернизации в области совершенствования личности.

Можно продолжать достаточно длинный перечень столкновений дискурса либерального и имперского в трудах русского мыслителя, тем более, что неоднозначность и противоречивость его идей отмечаются практически всеми исследователями его творчества. Однако резюмируем.

Успех любого политического послания определяется тем, насколько его символы созвучны массовому сознанию, насколько автор уложил их во «вселенную» мнений и оценок его адресатов, «потребителей» политического дискурса. Будучи одним из самых ярких идеологов времени Великих реформ, Н.Г. Чернышевский не смог или не захотел предъявить обществу недвусмысленного

модернизационного дискурса. Причины этого кроются в двойственном характере дискурса разночинцев этой эпохи, с одной стороны, не желавших становиться на идеологические позиции официальной власти, с другой – не способных в силу различных причин интеллектуально обеспечить открытый призыв к социальному взрыву.

Примечания

- ¹ Ломоносов М.В. Российская грамматика // Ломоносов М.В. Соч.: В 10 т. Т. 7. М.; Л., 1952. С. 415.
- ² См.: Гавров С.Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М., 2004. С. 38–72.
- ³ Вебер М. К состоянию буржуазной демократии в России // Рубежи. 1997. № 5(20). С. 126.
- ⁴ Ив. Фролов. Николай Гаврилович Чернышевский. Его жизнь, революционная деятельность и научные взгляды. М.; Л., 1928. С. 139.
- ⁵ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1939–1950. Т. VII. С. 745.
- ⁶ Там же. Т. X. С. 111.
- ⁷ Там же. Т. VIII. С. 445.
- ⁸ Там же. Т. V. С. 698.
- ⁹ Там же. С. 700.
- ¹⁰ Там же. Т. V. С. 589.
- ¹¹ Там же. Т. VII. С. 874.
- ¹² Там же. Т. V. С. 863.
- ¹³ Там же. Т. VII. С. 889.
- ¹⁴ Там же.

УДК 32.019.5 – 053.81

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

А.А. Вилков, С.Ф. Некрасов¹

Саратовский государственный университет
¹Сибирская академия государственной службы
E-mail: Bondar4455@Rambler.ru

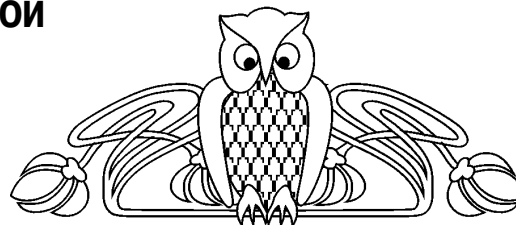
В представленной статье речь идет о специфике политических интересов студенческой молодежи в современной России, о характере и мотивации её политического участия, об основных тревогах и надеждах, характерных для её различных социальных групп. Статья написана на основе анализа материалов авторских социологических исследований среди студентов вузов Саратова и Новосибирска.

Ключевые слова: молодежь как субъект политики, политические интересы молодежи, мотивация политического участия, политические ценности.

Political Interests of the Modern Students

A.A. Vilkov, S.F. Nekrasov

The represented article is devoted to specific political interests of students in modern Russia, to the character and motivation of this

part of youth's political participation, to the most important challenges and hopes particular to its social groups. The article is based on the analysis of the authors' sociological investigation made among the students of Higher Educational Establishments in Saratov and Novosibirsk.

Key words: youth as a subject of politics, political interests of youth, motivation of political participation, political values.

Прошедший 2009 г. был официально объявлен Годом молодежи, в ходе которого властные структуры и ведущие общественно-политические организации России постарались привлечь внимание к проблемам подрастающего поколения. На наш взгляд, данный официальный импульс в развитии молодежной сферы невозможно закрепить и реализовать без постоянной поддержки не только на государственном, но и на общественном

уровне. Важную роль в решении накопившихся молодежных проблем должны играть сами представители молодого поколения. Вовлечение молодежи в общественно-политическую жизнь во многом определяется уровнем и характером политической культуры её основных социальных групп. Поэтому обращение к обозначенной теме представляется весьма актуальным в научном и социальном плане, так как именно политические интересы и установки студенчества во многом мотивируют характер и направленность политического участия наиболее активной и организованной части российской молодежи в целом.

Эмпирическую базу статьи составили материалы политологического исследования, проведенного среди студентов вузов г. Саратова в 2007 г. (объем выборки – 600 человек), а также среди студентов двух вузов Новосибирска – Сибирской академии государственной службы (СибАГС) и Новосибирского государственного аграрного университета (НГАУ) в период с апреля 2009 г. по октябрь 2009 г. (объем выборки – 832 респондента). Кроме того, были использованы материалы фокус-групп с представителями студенческой молодежи, которые позволили наиболее адекватно интерпретировать результаты проведенных социологических опросов. Цель исследования – выявление иерархии жизненных ценностей студенческой молодежи, её индивидуальных настроений и установок по отношению к политике.

Отвечая на вопрос о формах выражения политических предпочтений молодежи, представители саратовского студенчества ранжировали их следующим образом:

- 1) участие в выборах – 59,0%;
- 2) участие в митингах, пикетах, забастовках – 20,0%;
- 3) участие в акциях, проводимых политическими партиями и общественно-политическими организациями – 12,0%;
- 4) участие в акциях, проводимых неформальными молодежными организациями – 6,0%;
- 5) участие в создании и деятельности некоммерческих и неправительственных организаций – 6,0%;
- 6) участие в нелегальных формах борьбы (погромы, использование оружия, террористические акты и т.д.) – 2,0%;
- 7) затруднились ответить – 22,5%.

Анализируя данные результаты, можно отметить, что они хорошо коррелируются с другими материалами, полученными на общероссийском уровне. Аналитический доклад Института социологии РАН «Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты», подготовленный в 2007 г., свидетельствует, например, о том, что почти каждый второй опрошенный молодой россиянин (49%) дал отрицательный ответ на прямой вопрос об участии в общественно-политической жизни. В ситуации резкого ухудшения условий жизни готовы выйти на улицу и протестовать всего лишь

11% молодых респондентов. «Идти на баррикады» и с оружием в руках отстаивать свои интересы готовы 4% молодежи. При этом, по мнению исследователей, «хорошо известна огромная дистанция между декларируемым намерением и реальным действием... исследования свидетельствуют, что уровень протестной уличной активности во всех группах населения не превышает 3–4%. А участие в радикальных формах борьбы, тем более в вооруженных, это вообще удел единиц»¹.

На вопрос «В каких формах проявляется Ваше участие в общественно-политической деятельности?» (допускалось несколько вариантов ответов, %) новосибирские студенты дали следующие варианты ответов (табл. 1).

Таблица 1

Участие в выборах и референдумах

Варианты ответов	%
Постоянно	16,6
Часто	12,3
Иногда	22,0
Никогда	36,7
Затрудняюсь ответить	12,4

Оценивая результаты данного ответа, следует учитывать объективное отсутствие (в силу самого возраста) продолжительного электорального опыта у респондентов. Однако фокус-группы показали, что отказ половины опрошенных от участия в политическом волеизъявлении объясняется, прежде всего, отсутствием веры в реальную значимость «своего личного голоса». Т.е. студенты признают идеально-типическую роль института выборов и самой процедуры голосования как важнейших основ демократии, но одновременно не верят в то, что своим личным выбором могут хоть в какой-то степени повлиять на вектор политического и социально-экономического развития страны в целом. Думается, с одной стороны, это свидетельствует о существенных пробелах в политической культуре студентов в её прикладном контексте. С другой – о явных проблемах в реальном политическом процессе современной России, связанных с манипулированием, грязными технологиями и фальсификациями на выборах, которые подрывают веру подрастающего поколения в ключевой институт демократии.

О невысоком уровне политического участия студентов на муниципальном уровне свидетельствуют следующие материалы (табл. 2).

Таблица 2

Участие в работе органов самоуправления по месту жительства и учебы

Варианты ответов	%
Постоянно	3,6
Часто	7,9
Иногда	22,7
Никогда	54,8
Затрудняюсь ответить	11,0

Анализ данных ответов, а также материалов фокус-групп показывает, что студенты не воспринимают муниципальные органы, как самостоятельные институты, которые призваны решать наибольшую часть проблем граждан, проживающих на их территории. Как представляется, выстраивание эффективного взаимодействия органов местного самоуправления с гражданами имеет функциональное значение не только для местной власти, но и для всей вертикали и горизонтали государственной власти в современной России. Данная проблема особо актуализируется в условиях провозглашенной в ноябре 2009 г. в Послании Президента Российской Федерации задачи политической модернизации страны. Очевидно, что она не может быть реализована без повышения активности институтов гражданского общества и их роли в решении важнейших общественных проблем. Включение инициативы граждан (и молодежи, прежде всего), усиление их веры в возможности реализовать свой потенциал в какой-либо сфере жизни общества невозможно без расширения возможностей местного самоуправления. Именно данные органы находятся ближе всего к населению и реализуют свои функции фактически напрямую, без посредников. В свою очередь и граждане могут непосредственно и повсеместно контролировать функционирование органов местного самоуправления. Однако проведенный опрос и фокус-группы подтвердили, что эти, очевидные с теоретической точки зрения, преимущества на практике в нашей стране остаются нереализованными.

В минимальной степени принимают студенты участие и в деятельности политических партий и иных общественно-политических организаций (табл. 3).

Таблица 3

Участие в деятельности политических партий и общественных организаций

Варианты ответов	%
Постоянно	2,2
Часто	4,3
Иногда	13,7
Никогда	68,5
Затрудняюсь ответить	11,3

Материалы фокус-групп позволяют выделить следующие причины отсутствия активности студентов в данной области. Прежде всего это отсутствие доверия у респондентов к самому институту партий. По вузовским учебникам и лекциям преподавателей они получают представление о партиях, как организациях, представляющих и защищающих интересы крупных социальных групп, как инструментах социального контроля за деятельностью властных органов, как субъектов политики, обеспечивающих альтернативность и конкурентность политического и социально-экономического

развития. Первые столкновения с реальной политической жизнью в современной России приводят к разочарованию и социальной апатии. Наиболее распространенные оценки российских партий в фокус-группах сводятся чаще всего к характеристикам по типу «партии чиновников», «партии карьеристов», «партии бюрократов», «партии клановых интересов», «партии олигархических интересов».

Не случайным является и низкий уровень реального участия студентов в митингах и демонстрациях (табл. 4)

Таблица 4

Участие в политических демонстрациях, шествиях, митингах и собраниях

Варианты ответов	%
Постоянно	2,0
Часто	3,0
Иногда	22,7
Никогда	61,1
Затрудняюсь ответить	11,2

Участники фокус-групп объяснили его отсутствием интереса к данной форме политической активности, организуемой чаще всего «партией власти» и её молодежных организаций. Большинство опрошенных признали, что их участие в митингах и демонстрациях в большинстве случаев было организованным в результате административного воздействия руководства вузов. Однако и добровольного участия в мероприятиях, проводимых конкретными оппозиционными партиями и общественно-политическими движениями левого и правого спектра, большинство студентов не принимают (см. табл. 5).

Таблица 5

Участие в деятельности оппозиционных политических партий и неформальных организаций

Варианты ответов	%
Постоянно	1,0
Часто	1,3
Иногда	6,4
Никогда	79,9
Затрудняюсь ответить	11,4

Данные материалы свидетельствуют о невысоком потенциале существующей оппозиции в современной России. «Справедливую Россию» и ЛДПР большинство опрошенных оценили как «управляемую оппозицию», участие в которой не имеет особого смысла, так как ничего изменить не сможет. Идеология КПРФ большей частью студентов не поддерживается. Радикальная оппозиция, представленная активистами «Другой России», оказывается неприемлемой, прежде всего в силу их тесной связи с западными политическими силами.

Однако участники фокус-групп отмечали, что при определенных условиях они готовы выйти на улицы и заявить о себе как серьезной политиче-

ской силе. Т.е. осознание своего политического потенциала у молодежи есть, и обусловлено оно как примерами из истории России, так и опытом других стран.

Менее всего используется представителями молодежи такая форма политического участия, как написание писем и обращений (табл. 6).

Таблица 6

Написание писем, подача петиций, обращений в различные инстанции

Варианты ответов	%
Постоянно	1,2
Часто	1,1
Иногда	10,3
Никогда	75,1
Затрудняюсь ответить	12,3

Объяснение этого факта участниками фокус-групп сводится к общему неприятию молодежью данной «бюрократической» формы защиты своих интересов. Среди оценок её наиболее распространены «крючкотворство», «бумажная канитель», «контора пишет». Как представляется, здесь наиболее явно проявляется специфика российской политической и правовой культуры и отсутствие устойчивых традиций правовой защиты своих интересов.

В целом, от 36 до 80% участников нашего исследования признали, что никогда не принимают участие в тех или иных формах политической деятельности. Наибольшую политическую активность студенты проявляют при участии в выборах и референдумах. Заметно прохладнее относится молодежь к таким формам, как участие в работе органов самоуправления по месту жительства и учебы; в проведении избирательных кампаний; участие в политических дискуссиях по проблемам молодежи; участие в работе органов власти в качестве активистов, добровольных помощников.

Тем самым есть основания говорить не столько о политической активности студентов, сколько об их политической пассивности. И это при том, что студентов сильно волнуют многие социальные проблемы молодежи.

На вопрос «Что в настоящее время Вас волнует и тревожит?» молодые респонденты давали ответы, которые ранжированы следующим образом.

На первое место опрошенные поставили проблемы трудоустройства (табл. 7).

Таблица 7

Тревожит мое трудоустройство после окончания вуза

Варианты ответов	%
Постоянно	52,0
Часто	22,7
Иногда	15,5
Никогда	4,9
Затрудняюсь ответить	4,9

Как показывают материалы, всего лишь 10% респондентов не волнуют данные проблемы. Участники фокус-групп объяснили это наличием у данной группы хороших перспектив трудоустройства, обеспечиваемых возможностями родителей. Для подавляющего большинства студентов – это проблема номер один и многие начинают решать её уже в период студенческой жизни, устраиваясь подрабатывать в различные государственные, общественно-политические и коммерческие структуры. О значении данной проблемы свидетельствует тот факт, что многие из опрошенных с «ностальгией» говорят о советской системе обязательного распределения и трудоустройства выпускников вузов (хотя и не знают всех особенностей этой системы).

Интерес абсолютного большинства опрошенных к экономической ситуации в стране вполне понятен, так как именно от неё зависит материальное благополучие каждого (табл. 8)

Таблица 8

Волнует экономическая ситуация в стране, инфляция и рост цен

Варианты ответов	%
Постоянно	38,7
Часто	40,1
Иногда	15,1
Никогда	1,9
Затрудняюсь ответить	4,2

В значительной степени волнует молодежь проблема пьянства и наркомании (табл. 9).

Таблица 9

Беспокоит пьянство и наркомания в молодежной среде

Варианты ответов	%
Постоянно	33,1
Часто	33,1
Иногда	26,1
Никогда	6,1
Затрудняюсь ответить	6,1

Однако участники фокус-групп дали важное дополнение к пониманию того, почему данная опасность осознается как личная проблема гораздо меньше, чем, например, проблема трудоустройства. Масштабы и негативные социальные последствия пьянства и наркомании признаются, но достаточно абстрактно и не воспринимаются в качестве непосредственной личной угрозы. Каждый опрошенный убежден в том, что ему самому удастся удержаться на уровне умеренного употребления алкоголя или эпизодического «пробования» наркотических веществ. Тем самым внутриличностные психологические и социальные барьеры в отношении к данной проблеме у молодежи оказываются очень невысокими и непрочными. В этой связи представляется целесообразной

необходимость принципиальных изменений в антиалкогольном и антинаркотическом воспитании подрастающего поколения, заключающихся в усилении личной значимости данной проблемы для каждого подростка.

Очень значимой является для студенческой молодежи проблема преступности и терроризма (табл. 10).

Таблица 10

Тревожит, что родные могут стать жертвами преступлений или терактов

Варианты ответов	%
Постоянно	27,3
Часто	21,3
Иногда	32,7
Никогда	10,6
Затрудняюсь ответить	8,1

Большинство участников фокус-групп оценили данную опасность не только как социально значимую, но и вполне конкретную, касающуюся каждого человека. Именно по этому поводу они высказывали наиболее жесткие и нелюбезные оценки в отношении действующей власти и правоохранительных органов.

Значительная часть респондентов высказали свои опасения по поводу возможностей получения жилья (табл. 11).

Таблица 11

Тревожит, что никогда не удастся иметь собственное жилье

Варианты ответов	%
Постоянно	25,0
Часто	18,9
Иногда	25,2
Никогда	21,0
Затрудняюсь ответить	9,9

Участники фокус-групп своими пояснениями несколько смягчили отношение к данной проблеме, объяснив, что некоторые респонденты имели в виду не любое жильё, а такое, которое им бы хотелось иметь. Тем не менее, значение данной проблемы для студенчества очень существенно и большинство опрошенных с надеждой воспринимают обещания Президента Российской Федерации Д.А. Медведева о создании льготных условий для молодежи в области ипотечного кредитования жилищного строительства.

Гораздо ниже в ранжировании респондентами степени опасности находится проблема коррумпированности властных органов (табл. 12).

Таблица 12

Тревожит коррупция, взяточничество в органах власти

Варианты ответов	%
Постоянно	14,2
Часто	23,4
Иногда	47,1
Никогда	8,5
Затрудняюсь ответить	6,8

Участники фокус-групп объяснили такое достаточно «мягкое» отношение к данной проблеме как следствие её восприятия в качестве укоренившейся на ментальном уровне и традиционной для России. Некоторые участники находили даже оправдание этому явлению, утверждая, что так гораздо быстрее и эффективнее можно решить какие-либо личные проблемы (например, при столкновении с инспекторами ГИБДД). Такое пассивно примиренческое понимание студенчеством коррупции, как «неизбежного зла», сопровождающего большую часть истории российского государства, представляется очень опасным явлением. На наш взгляд, оно свидетельствует о психологической готовности будущих специалистов «вписаться» в существующую систему коррупционных отношений в обществе, вместо того чтобы вести с ними непримиримую борьбу.

Еще менее беспокоит опрошенных ситуация с правовой и социальной незащищенностью молодежи (табл. 13).

Таблица 13

Беспокоит моя правовая и социальная незащищенность

Варианты ответов	%
Постоянно	13,0
Часто	21,0
Иногда	35,8
Никогда	20,4
Затрудняюсь ответить	9,8

Только 24% респондентов всерьез озабочены данной проблемой, а 35,8% задумываются над ней лишь периодически. Участники фокус-групп объяснили такое восприятие тем, что значительная часть молодежи просто не верит в возможность защиты своих интересов на основе реализации существующих и закрепленных в Конституции прав и свобод граждан. Тем самым прослеживается достаточно высокий удельный вес подданнического начала в политической культуре современной российской молодежи.

Данные материалы подтверждают и восприятием проблемы включенности молодежи в политическую жизнь современной России (табл. 14).

Таблица 14

Тревожит низкий уровень включенности молодежи в политический процесс

Варианты ответов	%
Постоянно	10,1
Часто	16,0
Иногда	39,2
Никогда	25,1
Затрудняюсь ответить	9,6

Участники фокус-групп объяснили такой низкий уровень обеспокоенности прежде всего тем, что они не видят прямой связи между проблемой политического участия и реальной возможностью защиты своих интересов.

Для проверки уровня достоверности приведенных выше материалов использовался также перекрестный вопрос: «В какой мере для Вас важны...». Ответы на него ранжировались по степени значимости для респондентов следующим образом.

На первое место студенты поставили право на образование (табл. 15).

Таблица 15

Право на образование

Варианты ответов	%
Важно	85,9
Скорее важно, чем не важно	9,7
Скорее не важно, чем важно	0,6
Не важно	0,4
Затрудняюсь ответить	0,4

Отсутствие данного права среди рассмотренных выше проблем, вызывающих опасение, объясняется тем, что опрошенные, будучи студентами, уже в той или иной степени реализовали его и надеялись реализовать полностью.

В отношении права на жилье ранжирование по степени значимости в основном совпадает (табл. 16).

Таблица 16

Право на жилье

Варианты ответов	%
Важно	84,7
Скорее важно, чем не важно	9,0
Скорее не важно, чем важно	1,2
Не важно	0,6
Затрудняюсь ответить	4,5

То же самое можно отметить и в отношении студентов к праву на труд (табл. 17).

Таблица 17

Право на труд

Варианты ответов	%
Важно	75,8
Скорее важно, чем не важно	19,2
Скорее не важно, чем важно	0,7
Не важно	0,7
Затрудняюсь ответить	3,6

Материалы показывают, что достаточно высокое место в иерархии прав студенты отводят свободе слова (табл. 18).

Таблица 18

Свобода мысли, слова и массовой информации

Варианты ответов	%
Важно	63,7
Скорее важно, чем не важно	25,6
Скорее не важно, чем важно	3,7
Не важно	1,3
Затрудняюсь ответить	5,7

Однако глубокое понимание сущности и механизмов реализации данного права у значительной части студентов отсутствует. Об этом свидетельствует тот факт, что только около трети студентов (32,9% опрошенных) признали в качестве важнейшего права запрет на цензуру, а 24,1% опрошенных такой запрет оценили как не важный, или скорее не важный. Участники фокус-групп объяснили такой противоречие тем, что многие студенты недовольны содержанием информационных материалов и считают, что должен быть контроль над деятельностью журналистов. Понимают его по-разному, от создания соответствующего государственного органа, до создания общественного совета, контролирующего деятельность СМИ на основе её соответствия морально-нравственным критериям.

О подобном понимании роли цензуры свидетельствует также отношение к запрету на пропаганду какого-либо превосходства одних социальных групп над другими (табл. 19).

Таблица 19

Запрет на пропаганду социального, расового, национального и религиозного превосходства

Варианты ответов	%
Важно	41,0
Скорее важно, чем не важно	29,1
Скорее не важно, чем важно	13,5
Не важно	8,1
Затрудняюсь ответить	8,3

Материалы показывают, что социальную значимость такого запрета признают 70,0% опрошенных. Однако участники фокус-групп подтвердили, что единства в понимании механизмов реализации такого запрета не существует. Одни считают, что только создание соответствующей нормативной базы и жесткая деятельность государственных органов в условиях полиэтничной и поликонфессиональной России могут ограничить разгул национализма и его крайних проявлений в лице терроризма. Другие считают, что данную проблему невозможно решить без подключения институтов гражданского общества и нахождения социального консенсуса именно на данном уровне.

Гораздо более низкие позиции по значимости для студентов занимает право на свободу митингов и демонстраций (табл. 20).

Таблица 20

Свобода митингов и шествий

Варианты ответов	%
Важно	12,6
Скорее важно, чем не важно	27,5
Скорее не важно, чем важно	36,2
Не важно	16,2
Затрудняюсь ответить	7,5

Участники фокус-групп объяснили показатели тем, что большинство студентов не видят в данной форме политического участия реального механизма представительства и защиты их интересов. Митинги рассматриваются ими как одно из крайних, радикальных средств борьбы для свержения существующего строя и изменения политической и социально-экономической системы. Для лояльно настроенных студентов такая форма борьбы рассматривается как неприемлемая.

В целом же материалы исследования показали, что уровень интереса к политике у студентов достаточно высокий (табл. 21).

Таблица 21

Распределение ответов на вопрос: «Вызывает ли у Вас интерес социально-политическая жизнь общества?» (%)

Варианты ответов	%
Да	41,5
Скорее да, чем нет	45,0
Скорее нет, чем да	8,2
Нет	2,9
Затрудняюсь ответить	2,4

Высоким уровнем познавательного интереса обладают 41,5% студентов, у которых наблюдается стремление к самостоятельному поиску политической информации. Познавательный интерес у них является стабильным, активизирующим поисковую деятельность личности. У студентов со средним уровнем познавательного интереса к политике (45,0%) наблюдается тенденция к накоплению информации, а не к ее поиску. Такие студенты нуждаются в актуализации собственных интересов извне. Низкий уровень информационных интересов (8,2%) характеризуется эпизодическим интересом студентов к политике, отсутствием желания поиска политической информации, ситуационным накоплением информации. Следует отметить, что группа студентов, вообще не интересующихся политикой, представляет всего лишь 2,9%. Участники фокус-групп объяснили их позицию как своеобразную браваду перед сверстниками. Однако со временем такая «демонстрация» может превратиться в устойчивую и осознанную мотивацию полного неучастия в политике.

Таким образом, исходя из полученных данных проведенного исследования, можно сделать вывод, что на сегодняшний день студенческая молодежь, независимо от того, где учится, в основной массе своей проявляет интерес к

общественно-политической жизни общества. Данные показывают, что студентам безразлично, как складывается политическая и социально-экономическая ситуация в стране, какие события происходят в мире.

По степени интенсивности познавательного интереса молодежь представляет собой довольно пеструю картину. Наряду с группой активно интересующихся политикой исследование позволило выявить группы пассивно интересующихся и не интересующихся ею. Активность в данном случае демонстрирует психологическую вовлеченность, глубокое переживание острых социально-политических проблем, стремление занять определенную мировоззренческую позицию.

Общий сравнительно низкий уровень интереса студенческой молодежи к участию в политике во многом объективно обусловлен. Спектр интересов молодежи ограничен, прежде всего, проблемами вхождения во взрослую жизнь. Это учеба, проблемы трудоустройства, создание семьи, жилищные проблемы и многое другое, что, безусловно, в молодом возрасте представляется наиболее важным и необходимым. Решение данных проблем студенты не всегда соотносят со своим участием в общественно-политической жизни.

Это обстоятельство, с одной стороны, свидетельствует о невысоком уровне доверия к существующим институтам и механизмам политического представительства и защиты интересов молодежи. С другой стороны, данный факт может рассматриваться как противоречивое, но уже достаточно устойчиво выраженное проявление тенденции изживания патерналистских начал в политической культуре современной российской молодежи. Расчет не на государственную поддержку, а на свои собственные силы, на свою собственную активность в решении существующих проблем позволяет надеяться на то, что молодежный потенциал формирования гражданского общества в современной России постепенно растет. Однако ему недостает качественного роста, который во многом зависит от характера и направленности политической социализации.

Примечание

¹ Аналитический доклад института социологии РАН «Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты». М., 2007. С. 47.

УДК 32:070:004:056

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ СМИ

А.В. Россошанский

Саратовский государственный университет
E-mail: vil57@yandex.ru

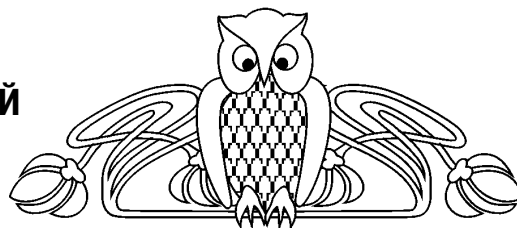
В статье рассмотрены основные представления жителей Саратова и Саратовской области о политической функциональности федеральных и региональных СМИ. Исследование основано на материалах социологического опроса, проведенного автором в 2009 г., и включает выявление уровня доверия российских граждан к различным СМИ, степень и характер интереса различных социальных групп к политической информации.

Ключевые слова: СМИ, общественное мнение, политические интересы, политическая функциональность СМИ, информационно-коммуникационные технологии.

Saratov Region Residents Public Opinion about Political Functionality of Mass-Media

A.V. Rossoshansky

In the article the basic ideas about political functionality of federal and regional mass-media, which the residents of Saratov and Saratov Region have, are considered. The investigation is based on the materials of the sociological survey, conducted by the author in 2009. It includes such items as to what extent Russian Residents trust different kinds of mass-media, how much the different social groups are interested in the political information.

Key words: mass-media, public opinion, political interests, political functionality of mass-media, informational communication technologies.

Политическая функциональность российских СМИ представляет собой одну из самых актуальных и противоречивых тем в обществоведческих исследованиях. Различные аспекты информационно-коммуникационного воздействия на общественное мнение рассматриваются в монографиях и статьях¹, им посвящены кандидатские диссертации политологов, социологов, философов и культурологов². Большинство исследователей данной темы акцентируют внимание на проблемах взаимоотношений СМИ и государства, а также манипулировании общественным мнением в сфере политики. Для того чтобы исследовать современное восприятие гражданами российских СМИ и их политической функциональности, в 2009 г. нами был проведен социологический опрос среди жителей Саратова и Энгельса. Выборка составила 482 человека.

На вопрос «Что для Вас является главным источником информации о событиях в области?» были даны следующие ответы (табл. 1).

Таблица 1

Что для Вас является главным источником информации о событиях в области?

Ваш возраст	Варианты ответов, %					Всего
	телевидение	газеты	радио	Интернет	Другое	
до 24	25,4(58,2)	13,6(5,5)	21,1(3,6)	56,7(30,9)	50,0(1,8)	29,0
25–34	22,2(65,9)	25,0(12,9)	5,3(1,2)	26,7(18,8)	25,0(1,2)	22,4
35–44	19,0(68,6)	15,9(10)	36,8(10)	11,7(10)	25,0(1,4)	18,5
45–54	16,3(73,2)	18,2(14,3)	21,1(7,1)	5,0(5,4)	0	14,8
55 и старше	17,1(74,1)	27,3(20,7)	15,8(5,2)	0	0	15,3

Как видно из материалов опроса, телевидение продолжает быть главным источником информации для большинства опрошенных. На второе место по значимости переместился Интернет, тогда как газеты опустились на третье место³. Анализ данных материалов показывает, что представители различных возрастных групп существенно различаются в указании основных источников информации. Так для молодежи до 24 лет телевидение играет меньшую роль, чем для всех остальных возрастных групп, но зато отмечается намного большая роль Интернета. Особенно примечателен тот факт, что эта группа почти не

читает газет (на данный источник информации указали лишь 5,5% респондентов). Телевидение и газеты более всего значимы для старшей возрастной группы, которая практически не пользуется ресурсами Интернета.

Материалы табл. 2 свидетельствуют о том, что наиболее устойчивый интерес к политической информации проявляют представители старшей возрастной группы (39,9%). Обусловлено это не только особенностями политической культуры, сформированной в советской системе в условиях тотальной идеологической индоктринации, но и тем, что у пенсионеров больше времени на

просмотр телевизионных передач, чем у других возрастных групп, озабоченных проблемами получения образования, трудовой деятельности, семейными проблемами, досугом и т.д. Вторая позиция возрастной группы до 24 лет (39,9%) объясняется тем, что значительная часть представителей данной группы являются студентами и учащимися, которые подвергаются целенаправленному воздействию учебных заведений как важнейших институтов политической социализации.

Кроме того, необходимо учитывать особую значимость для данной возрастной группы интернет-ресурсов, где политическая информация зачастую «вплетена» в информационные потоки самого различного рода и поэтому (хотя бы в минимальной степени) воспринимается независимо от целевых установок пользователя. Представляется, что с расширением сети пользователей данная особенность Интернета будет распространяться и на другие возрастные группы.

Таблица 2

Интерес различных возрастных групп к информации о политике, %

Ваш возраст	Как часто Вы смотрите новости, информационно-политические передачи?			Всего
	Постоянно	Иногда	Совсем не смотрю	
до 24	28,5(39,9)	30,1(51,4)	23,5(8,7)	28,7
25–34	17,1(33,3)	24,2(57,6)	17,6(9,1)	20,6
35–44	13,5(31,3)	19,1(54,2)	21,6(13,30)	17,3
45–54	14,5(35,9)	16,9(51,3)	19,6(12,8)	16,2
55 и старше	26,4(61,4)	9,7(27,7)	17,6(10,8)	17,3

Материалы табл. 3 показывают, что полностью доверяют политической информации в СМИ всего лишь менее 10% опрошенных. Это очень низкий показатель, свидетельствующий о наличии серьезных проблем во взаимоотношениях власти, СМИ и общества. Среди респондентов до 24 лет таких оказалось более всего – 8,0%. Объяснить это можно спецификой возраста и отсутствием жизненного опыта. Самый низкий показатель у возрастной группы 45–54 лет – 1,3%. Представители данного

поколения прошли первичную социализацию еще в советской системе, но затем прошли испытание в виде мировоззренческого разочарования сначала перестроечными целями и идеалами, а затем и радикально-либеральными. Это своего рода поколение «дважды обманутых» и потому никому не доверяющих. Кроме того, сейчас представители данной группы находятся в повышенной зоне риска, связанного со страхом оказаться без работы и без средств к существованию.

Таблица 3

Уровень доверия политической информации в СМИ, %

Ваш возраст	В какой степени Вы доверяете информации о политике в СМИ?					Всего
	полностью доверяю	доверяю, но критически осмысливаю	доверяю в минимальной степени	не доверяю совсем	затрудняюсь ответить	
до 24	44,0(8,0)	31,0(48,6)	23,6(25,4)	25,0(9,4)	29,3(8,7)	28,6
25–34	16,0(4,0)	19,0(41,4)	19,6(29,3)	23,1(12,1)	31,7(13,1)	20,5
35–44	20,0(6,0)	17,6(45,2)	17,6(31,0)	21,2(13,1)	9,8(4,8)	17,4
45–54	4,0(1,3)	16,7(46,2)	17,6(33,3)	17,3(11,5)	14,6(7,7)	16,2
55 и старше	16,0(4,8)	15,7(41,0)	21,6(38,6)	13,5(8,4)	14,6(7,2)	17,2

Ответ «доверяю, но критически осмысливаю» выбрали примерно от 40 до 50% опрошенных. Самый высокий показатель (48,6%) характерен также для представителей возрастной группы до 24 лет. Объяснить его можно тем, что данное поколение сформировалось и прошло политическую социализацию уже в рамках существующей общественной системы на основе плюрализма идеологий, мировоззрений, политических позиций и т.д. Это обстоятельство уже само по себе способствует выработке у молодежи установки на критическое осмысление существующих мнений, конкурирующих информационных точек зрения, программ и обещаний.

Ответ «доверяю в минимальной степени» более всего характерен для представителей старшей возрастной группы (38,6%). В среднем каждый десятый опрошенный однозначно указал, что «не доверяет совсем» российским СМИ в политической информации. Примечательно, что эти данные хорошо коррелируются с материалами социологических опросов общероссийского уровня⁴.

Данные ответов на перекрестный вопрос о значимости различных СМИ в качестве основных источников новостей, приведенные в табл. 4, в целом хорошо соотносятся с материалами табл. 1. Например, они подтверждают тенденцию повышения значимости интернет источников для

респондентов молодежных возрастных групп, а периодической печати – для старшего поколения. Каких-либо существенных преимуществ региональных и центральных СМИ в освещении местных событий нами не выявлено. Думается, что это обусловлено во многом тем, что практи-

чески на каждом общенациональном канале есть сетка регионального вещания, в рамках которого комментируются все важнейшие новости (то же самое касается и общенациональных газет). Соответственно все местные СМИ постоянно обращаются к общероссийской проблематике.

Таблица 4

Из каких СМИ Вы обычно узнаете о последних событиях в нашей области (указать можно было любое количество вариантов)

Ваш возраст	Варианты ответов, %									
	Центр. газеты	Област. газеты	Мест. газеты	Центр. телевид.	Област. телевид.	Центр. радио	Обл. радио	Местн. радио	Интернет	Затр. ответ.
До 24	18,2	24,8	25,6	24,5	30,8	18,4	20,0	16,7	48,6	25,0
25–34	19,2	18,0	12,8	20,6	17,8	16,3	14,0	3,3	32,6	8,3
34–44	19,2	14,9	10,5	15,2	15,1	24,5	20,0	30,0	13,9	25,0
45–54	16,2	19,3	16,3	16,2	18,8	18,4	18,0	13,3	2,8	33,3
Старше 55	27,3	23,0	35,9	23,5	17,5	22,4	28,0	36,7	2,1	8,3

Анализ материалов табл. 5 позволяет сделать ряд интересных обобщений. Прежде всего, notable высокая степень доступности многообразия различных телевизионных каналов для всех возрастных групп жителей Саратова и Энгельса.

Данный плюрализм источников информации приводит к тому, что ни у одной возрастной группы нет абсолютных предпочтений какого-либо одного или нескольких каналов, их интересы рассредоточены среди многих информационных источников.

Таблица 5

Какие телеканалы вы смотрите чаще всего?

Ваш возраст	Варианты ответов, %											
	Первый	Россия	ТВ Центр	НТВ	РенТВ	ТВ3	Культура	Спорт	ТНТ	СТС	Вести 24	ДТВ
До 24	25,8	20,3	11,3	22,8	35,4	23,8	17,0	36,5	40,9	48,9	37,9	26,7
25–34	18,9	16,7	13,2	23,7	28,3	26,2	11,0	21,2	29,6	27,4	17,9	10,0
34–44	18,3	17,4	17,0	22,4	17,2	9,5	20,0	15,3	15,1	13,3	18,9	20,0
45–54	16,9	20,7	39,6	16,4	10,1	21,4	26,0	16,5	11,3	7,4	14,7	23,3
Старше 55	20,1	24,9	18,9	14,6	9,1	19,0	26,0	10,6	3,2	3,0	10,5	20,0

Относительно стабильным для всех респондентов является интерес к двум центральным каналам, который колеблется в пределах от 16,7% и до 25,8%. Примерно на таком же уровне обозначен интерес всех возрастных групп к передачам каналов НТВ и ДТВ.

Более существенные различия имеются в отношении каналов РенТВ, Спорт, Вести 24. Если для старших поколений интерес к ним колеблется на уровне около 10%, то для молодежи до 24 лет – на уровне 36%. Но особенно велики расхождения в рейтинге каналов СТС и ТНТ. Почти 50% респондентов в возрасте до 24 лет указали на СТС как на ведущий источник информации, тогда как старше 55 – всего лишь 3%. В отношении ТНТ – 40,9 и 3,2% соответственно. Причиной тому является ориентированность большинства передач данных каналов на молодежную проблематику, которая не интересна представителям других возрастных групп, а нередко вызывает у них морально-нравственное предубеждение (например, отношение старшего поколения к передаче «Дом-2»). Резко негативное восприятие

отдельных передач вызывает соответствующее неприятие канала в целом.

В целом проведенное исследование позволяет констатировать, что большинство опрошенных функциональность СМИ понимают, прежде всего, через призму целенаправленного манипулирования общественным мнением. В результате такой трактовки у граждан формируется психологический барьер недоверия (в лучшем случае барьер критичности) к политической информации в СМИ. В условиях множественности информационных каналов данный психологический фактор становится одним из важнейших для большинства субъектов политики. Оппозиционные каналы, опираясь на этот фактор, стремятся укрепить недоверие к официальной политической информации за счет критики и «разоблачительных материалов». Однако и проправительственные СМИ также используют фактор подозрительности населения к СМИ в целом в свою пользу, формируя негативное отношение к критиканству либеральных оппозиционеров (как агентов западных интересов) и к популизму левых. Победителем становятся те

СМИ, журналисты которых преподносят свою информацию интереснее, оперативнее, более зрелищно и артистично.

Большое значение приобретает неполитическая составляющая программ электронных и печатных СМИ. Чем интереснее для зрителей содержание развлекательных, научно-популярных, познавательных и художественных передач, тем выше возможности данного информационного канала для целенаправленного политического воздействия на свою аудиторию. Не последнюю роль играет обаяние и артистические способности ведущих.

Особо следует отметить, что все возрастающее значение приобретает Интернет, как источник самой разнообразной и плюралистической информации, выбор и усвоение которой определяется самим пользователем. Как представляется, тенденция постепенного вытеснения роли печатных СМИ будет укрепляться. Пользователями последних станут в основном достаточно локальные группы «консервативных» потребителей информационной продукции, число которых будет неизбежно сокращаться. Уже сегодня многие печатные СМИ основную часть своих ресурсов переориентируют на электронные интернет-версии, активно используя свои наработанные бренды газет и журналов. Подобная тенденция уже обозначилась и для телевизионных каналов, которые все шире и активнее используют технологические преимущества соединения своей ресурсной базы с возможностями Интернета.

Думается, широчайшие перспективы Сети уже в ближайшее время приведут к тому, что станут ареной напряженной борьбы различных политических сил. В свою очередь это неизбежно вызовет появление новейших информационно-коммуникационных технологий формирования и использования общественного мнения для достижения определенных целей в политике.

Примечания

¹ См.: Задорин И., Бузова Ю., Сюткина А. СМИ и массовое политическое сознание: взаимовлияние и взаимозависимость // Российское общество: становление

демократических ценностей? / Под ред. М. Макфола и А. Рябова / Моск. Центр Карнеги. М.: Гендальф, 1999; Русакова О.Ф., Максимов Д.А. Политическая дискурсология: предметное поле, теоретические подходы и структурная модель политического дискурса // Полис. 2006. № 4. С. 26–43; Соловьев А.И. Политический дискурс медиакратий: проблемы информационной эпохи // Полис. 2004. № 2. С. 124–132; Он же. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации // Полис. 2002. № 3. С. 5–18; Тузиков А.Р. Масс-медиа: идеология видимая и невидимая // Полис. 2002. № 5. С. 123–133; Шевченко А.Ю. Дискурс-анализ политических медиа-текстов // Полис. 2002. № 6. С. 18–23; Юревич А.В. Наука и СМИ // Полис. 2001. № 3. С. 63–71.

- ² См.: Белова О.В. Массовые политические коммуникации как фактор становления и развития гражданского общества в современной России: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2007; Демущина О.А. Регулирование взаимоотношений региональных институтов власти и средств массовой информации России и Германии: сравнительный анализ: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Волгоград, 2009; Ефимова С.С. Механизм формирования общественного мнения о власти в современной России: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Саратов, 2007; Зимин А.Е. Взаимодействие государственной власти и средств массовой информации в современной России: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ставрополь, 2005; Исаева Л.Г. Средства массовой информации как фактор формирования духовной культуры российского общества: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Уфа, 2005; Курдыбановский О.В. Политические мнения в современной российской журналистике (по материалам СМИ Санкт-Петербурга): Автореф. дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2007; Маркарян В.Р. Влияние средств массовой коммуникации на электоральное поведение граждан в современной России: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2006; Фетисова Ю.В. Общественное мнение как социально-психологический фактор развития самоопределения избирателей: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2009.
- ³ По данным И.Д. Фомичевой, лидирующее положение газеты среди других каналов массовой коммуникации в России было утрачено в 1990-е годы. См.: Фомичева И.Д. Социология СМИ. М.: Аспект Пресс. 2007. С. 285.
- ⁴ См.: Общественное мнение. Ежегодник–2004. М., 2004. С. 78; Фомичева И.Д. Указ. соч. С. 302–303, 322.

УДК 321.015

РАЗДЕЛЕНИЕ ВЛАСТЕЙ И ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ С.Б. ПЕРЕСЛЕГИНА

И.И. Кузнецов

Саратовский государственный университет
E-mail: politbum@mail.ru

В статье анализируется проект совершенствования российской модели разделения властей, представленный в работах С.Б. Переслегина. Выделяются особенности реализации нового подхода к пространственному развитию России через учреждение нескольких столичных городов. Дается авторская оценка релевантности данного подхода к современным политическим и социально-экономическим реалиям России.

Ключевые слова: политические институты, современные политические процессы в России, государственная власть, Президент РФ, разделение властей, сдержки и противовесы, столица государства, многостоличность.

Separation of Powers and the Spatial Development of Russia: the Political Project of S.B. Pereslegin.

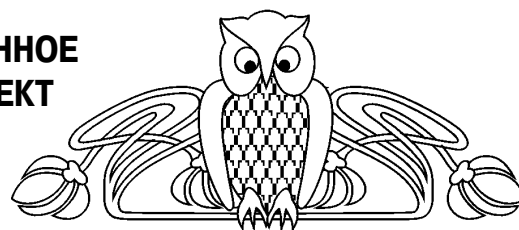
I.I. Kuznetsov

The article analyzes the project to improve the Russian model of separation of powers, presented in the works of S.B. Pereslegin. Distinguished features of the new approach to spatial development of Russia through the establishment of several capital cities. The authors give their assessment of the relevance of this approach to contemporary political and socio-economic realities of Russia.

Key words: political institutions, the modern political processes in Russia, the state power, the President of Russia, the separation of powers, checks and balances, capital of the state, mnogostolichnost.

Среди проектов политического развития России, в той или иной степени претендующих на вынесение рекомендаций по корректировке формы правления и территориально-политического устройства, стоит выделить проект литературного критика, публициста, теоретика фантастики и альтернативной истории, соционика С.Б. Переслегина¹. В его работах, выполненных в особом – «неакадемическом» стиле, реализация принципа разделения властей рассматривается наряду с другими политико-правовыми сюжетами развития России в контексте построения нового российского Будущего – инновационного проекта.

Анализ подходов данного автора предполагает изучение его текстов по социальной динамике, инновационным процессам, управлению². Основные положения доктрины политико-правового преобразования России отражены в книге «Самоучитель игры на мировой шахматной доске». В главе 7 «За пределами геополитики» – автор предлагает несколько успешных геополитических/геоэкономических стратегий для

России. Базовый сценарий развития России он предлагает рассматривать в хронологическом отрезке 2004–2020 гг. Здесь прослеживается, на наш взгляд, ключевое совпадение с известным «Планом Путина» и «Стратегией –2020». Это совпадение может быть отчасти связано с видением планирования общественно-политической и экономической жизни в рамках так называемого «проектного подхода». Стоит отметить, что оба указанных плана не являются собственно документами с четкой и определенной концепцией, логикой реализации, распределением ответственности и т.д. Это, на наш взгляд, является следствием декларативности, которая была призвана отчасти обеспечить передачу власти от второго российского президента третьему, а также одним из средств мобилизации правящего класса в новых социально-политических условиях³.

Рассматривая указанный базовый сценарий России, С.Б. Переслегин считает возможным интерпретировать российскую историю XX в. как «последовательные попытки национальных элит и контрэлит решить в общем виде проблемы инфраструктурной и кадровой недостаточности страны»⁴. Несомненный успех и одновременно высокие социальные издержки, сопутствовавшие каждому историческому этапу прошедшего столетия, ставят вопросы о пределах эффективности использовавшихся социально-политических и управленческих подходов к решению этих проблем. Констатация проигрыша «холодной войны» как неудачи в Третьей мировой войне подводит автора к мысли о том, что к 2002–2003 г. национальная катастрофа была в основном преодолена, а Россия «решила задачи первого этапа своего постсоветского существования»⁵. Среди нерешенных задач на первое место он ставит «проблему разграничения компетенций различных звеньев государственной машины в юридическом, социальном и административном пространствах»⁶. Эта проблема, по мнению автора, носит для России хронический характер и не была решена даже всеобъемлющими преобразованиями Петра Великого. Можно отдельно подискутировать на данную тему, но это не входит в планы в рамках нашей работы. Поэтому сосредоточимся на предлагаемых мерах по решению обозначенной проблемы.

Автор исходит из того, что пространственная протяженность России является серьезной проблемой для инновационного развития экономики и общества. Следовательно, поскольку ни

население России, ни ее промышленность, ни инфраструктура не соразмерны площади в девять часовых поясов (по долготе) и области между поллярными пустынями и субтропиками (по широте), то необходимы какие-то инновационные усилия и нетрадиционные подходы по преодолению этого состояния.

Таким нетрадиционным инструментом автору видится новое прочтение принципа разделения властей. Данный принцип подразумевает, что «у государства должно быть несколько столиц». Обоснование такого прочтения минимально: «когда речь идет о такой большой стране, как Россия, это высказывание следует понимать буквально: столичные функции должны быть разделены между различными территориями»⁷. Многостоличность, по мнению автора, позволяет реформативировать финансовые, информационные и кадровые потоки таким образом, чтобы получить дополнительные ресурсы для нового освоения страны через неизбежную конкуренцию между новыми центрами аккреации. При этом исторический опыт создания второй столицы – Санкт-Петербурга – Петром I в целях ведения полномасштабной войны за выход на Балтику (Северная война 1700 – 1721 гг.) используется как исторический прецедент решения пространственных затруднений России. Здесь автор прибегает к физической аналогии, указывая, что к концу войны сложилась система разделения властей, которую по аналогии с радиотехническими схемами можно назвать «пушпульной». Санкт-Петербург выполнял роль «центра развития» (push), а Москва, находясь в центре русского геополитического субконтинента, олицетворяла средоточие традиции, «впя тяглого государства» (pull)⁸.

Очерчивая контуры альтернативной политической географии Российской Федерации, С.Б. Перслегин предлагает следующую схему – проект развития многостоличности. Законодательная власть, которая контролирует традицию, связывает элиту и избирателей, метрополию и провинцию, должна оставаться в сердце государственности – Москве. Для исполнительной власти местом размещения предлагается российский «хоумленд» – Волго-Уральский регион с девятью городами-«миллионниками» (ПФО, а также Екатеринбург и Челябинск с областями, Волгоград и Астрахань). Выделение этой части страны для размещения правительства обусловлено помимо географических особенностей региона (широтные и меридиональные транспортные коридоры, как существующие, так и строящиеся) и нарастающего антропотока еще и этнокультурным фактором. Здесь, в Урало-Поволжье, размещена зона столкновения российской (европейской) государственности с наиболее пассионарными элементами исламской цивилизации, что порождает нестабильность и, одновременно, служит мощным стимулом к развитию. В качестве конкретной точки размещения органов исполнитель-

ной власти России предлагается Казань. Перенос правительства в этот город дает возможность, по мнению автора, поставить заслон сепаратистским тенденциям, которые войдут в противоречие с интересами бизнеса и крупнейших чиновничьих корпораций. Кроме того, указывается на сохранение Казанью исторической и культурной памяти о том периоде, когда она уже имела статус столицы независимого государства. Определение такого местоположения кабинета министров может воздействовать на более успешное продвижение «южной» стратегии России – создание Южного транспортного коридора и двух евроазиатских колец (Каспийского и Переднеазиатского).

Судебная власть, по-видимому, рассматривается автором как недостаточно развитая. В силу этого «ее привязка к местности значения не имеет»⁹. Но в то же время выдвигается тезис о том, что в будущем влияние судебной власти будет возрастать, ей предстоит «реформировать Россию в постиндустриальное государственное образование, обеспечивая единство – в – разделении Русского Мира и обновленной Российской Империи»¹⁰. Интересно, что перемещение Конституционного Суда РФ из Москвы в Санкт-Петербург, осуществленное в 2006–2008 гг., было призвано решить хотя бы отчасти проблему многостоличности, поддержать развитие «северной столицы» и, как отмечают многие наблюдатели, укрепить политическое влияние на один из высших судебных институтов государства¹¹.

Центробанк России, по предложению Перслегина, должен размещаться на западе страны, как можно ближе к ЕС, и здесь указывается именно Санкт-Петербург как возможный центр финансовой власти, определяющий стратегию взаимодействия России и расширяющегося ЕС. При этом автор с сожалением отмечает, что нет возможности перенести эту структуру еще западнее, например, в Варшаву.

Выделяя президентскую власть в отдельную ветвь, автор предлагает перенести ее основную резиденцию на Дальний Восток, к Тихому океану для более тесной связи с Азиатско-Тихоокеанским регионом. Такое решение видится не окончательным, но на достаточно протяженную историческую перспективу – на ближайшие 50–75 лет. Возможным «президентским» городом в данном случае становится Владивосток, куда президент забирает с собой и весь силовой блок. Это решение видится как ответ на новые геополитические угрозы России в контексте смещения основных линий противоречий на восток. Предложение строить на берегу океана комплекс зданий для главы государства, соразмерного ему культурного и делового центра в совокупности с освоением острова Русский выходит на констатацию того, что пролив Босфор-Восточный станет центром города¹². В этой проекции подготовка к саммиту стран АТЭС, предполагающая масштабное строительство и поддержку инфраструктуры

(транспорт, энергетика), выглядит как одно из решений в направлении усиления присутствия России на Дальнем Востоке¹³. Владивосток в такой стратегии должен стать политическим, культурным, экономическим центром, поддерживающим транспортную инфраструктуру региона наряду со столицами стран АТР – Токио, Сеулом, Пхеньяном, Пекином, Тайбеем, Куала-Лумпур. А остров Сахалин с его запасами нефти, газа и угля является наряду с Владивостоком второй опорной точкой России в тихоокеанской стратегии (как ресурсная база и одна из опор восточного транспортного кольца). При этом автор отмечает не только природно-ресурсные и транспортные возможности о.Сахалин, но и возможности развития т.н. транзитного туризма, позволяющего теснее интегрировать в российское пространство Курильские острова (являющиеся по-прежнему «спорными» территориями), а также политического экстремального туризма¹⁴.

Конкретные предложения автора проекта по вопросу возможных изменений в отечественном механизме взаимодействия властей представлены в 9 главе рассматриваемого сочинения «Кризис индустриального общества и когнитивная фаза развития», соавторами в которой выступают А. Столяров и Н. Ютанов. Данные предложения представлены как элементы реализации российского инновационного проекта, выступающего средством преодоления фазового барьера перехода к постиндустриальной цивилизации и механизмом избежания «катастрофической деструкции и форматирования нефеодалной структуры»¹⁵. Среди конкретных предложений, сгруппированных в разделы «Неотложные мероприятия в институциональной области» и «Неотложные мероприятия в законодательной области» стоит выделить следующее. Авторы предлагают создать т.н. «Стратегическую администрацию», которая будет перспективным центром планирования инновационной политики, обладая при этом «реальной властью» (терминология авторов. – И.К.). Эта администрация призвана устанавливать приоритеты государственной политики в области создания, форматирования, утилизации и оплаты инноваций, выступая в качестве центра инновационной политики. Среди необходимых институтов для реализации таких планов предлагается формирование Инновационного банка, Патентного банка, Бюро стандартизации и Федеральной инновационной корпорации. Авторы не указывают каким образом учреждаются данные структуры и какие именно полномочия получают, что заставляет предполагать об определенной «дестройке» существующей системы федеральных органов исполнительной власти, без радикальных изменений, связанных с принятием поправок к конституции, реформированием формы правления. Но далее, развивая свои предложения, авторы указывают, что необходимо создание стратегической администрации «как независимой

управленческой структуры (ветви власти), ориентированной на информационную поддержку лиц, принимающих решения»¹⁶. Здесь, на наш взгляд, демонстрируется отход от существующей конституционной модели разделения властей, в которой не предусмотрена такая специальная ветвь. Кроме того, чрезвычайно размытое и обширное описание полномочий стратегической ветви власти в совокупности с ее замкнутостью на главу государства ставят много вопросов об обеспечении ответственности и гарантий от авторитаризма. Но, стоит отметить, что предполагаемый объем компетенции чрезвычайно общо отраженный в данном проекте, в определенной мере отражает нынешние российские реалии¹⁷. Действительно, Администрация Президента РФ, являясь по Конституции РФ всего лишь техническим органом, обеспечивающим деятельность главы государства, в реальной политической жизни выступает в качестве инициатора многих масштабных программ и стратегий¹⁸. Кроме того, именно АП осуществляет повседневный процесс взаимодействия всех ветвей государственной власти через целый арсенал политико-правовых инструментов. Среди них – деятельность полномочных представителей Президента РФ в палатах Федерального Собрания и судах, полномочных представителей главы государства в 8 федеральных округах России; работа АП по подготовке и проведению заседаний Госсовета России и регулярных встреч главы государства с лидерами парламентских партий и фракций.

Таким образом, в данной части представленный проект, по сути, нормативно закрепляет сложившееся реальное положение, при котором аппарат главы российского государства выступает центром планирования политической и социально-экономической стратегии и, одновременно, главным заказчиком/оценщиком необходимых для осуществления проектной деятельности исследований и экспертиз. Это, на наш взгляд, работает на сокращение процедур согласования интересов и экономию времени по подготовке и реализации масштабных инвестиционных проектов. Но в то же время такой режим работы ведет к сокращению публичности принятия важных политических решений, некорректной и предвзятой профессиональной экспертизе в связи с ограничением политической конкуренции и ответственности. В какой-то мере представленная авторская схема институциональных новаций вписывается в традиционную бюрократическую логику российского правящего класса, рассматривающего самое себя как главного идеолога и модератора модернизационных процессов.

В конкретных рекомендациях по совершенствованию законодательной работы в России авторы проекта указывают на необходимость объединения патентного права с авторским правом в единое свободно конвертируемое инновационное право, которое должно повлечь

за собой создание соответствующей судебной инстанции (инновационного суда) в рамках общей системы гражданского судопроизводства. Все это может быть оформлено принятием (в терминологии авторов – «инсталляцией»). – прим. И.К.) новых юридических норм: закона о статусе инноваций (задающего рамки для создания инновационного права и построения Федеральной инновационной системы); созданием законодательства об «инновационном оффшоре» (бесплатной юридической регистрации инноваций всех типов при условии их первичной реализации на российском рынке); подготовкой закона «Об использовании инноваций» (направленного на прекращение практики «скупки патентов» с целью блокирования их возможного использования конкурентами). Следующим шагом по совершенствованию законодательной работы авторы проекта предлагают изменение некоторых механизмов работы Государственной Думы. Заявляя эти изменения как локальные и «при «неукоснительном соблюдении действующей Конституции», авторы буквально страницей ниже выходят на иной уровень оформления своих предложений. В частности, «конституционно изменение форматов работы Думы может быть оформлено в виде «Закона о Российской проектности»¹⁹.

Данное противоречие объясняется тем, что, предлагая на первый взгляд формальные изменения механизмов работы Госдумы, авторы по сути, кардинально меняют существующий порядок законотворчества. Законодательная власть, работающая в проектном режиме (как предлагается Переслегиным и его соавторами) оперирует в своей деятельности установками Стратегической администрации, планами средне- и долгосрочных проектов, которые значительно превышают сроки полномочий парламента. При этом, на наш взгляд, актуальные социально-политические интересы, в том виде как они отражены в партийном раскладе, сложившемся в результате выборов, остаются не представленными вообще или лишь частично отражены. Это вполне вероятная ситуация в силу директивного характера работы главы государства по стратегическому планированию и практике деятельности исполнительной власти (например, в плане работы над заключениями Министерства финансов по поводу проектов законов, требующих для своей реализации соответствующих расходов из федерального бюджета). Получается, что нижняя палата парламента должна снижать свой политический статус органа общенационального представительства и выполнять, в основном, функции вотирования представленных правительством и АП долгосрочных проектов. В этой логике предложение придавать каждому такому проекту особый юридический статус, «действительный в течение заявленного срока его осуществления», выглядит неожиданной новацией. Такое жесткое закреп-

ление именно проектных намерений может оказаться серьезным препятствием на пути их реализации (оперативное управление текущим их выполнением может быть отягощено невозможностью или затруднительностью коррекции). Ответственный парламентский контроль в этом случае также становится менее эффективным (если вообще возможен).

Вывод авторов постулирует о необходимости «переформатирования Думы» и подкрепляется ссылкой на «наличие общероссийского тренда повышения рефлексивности управления ... когда исполнительная власть в лице Кабинета министров или президентская власть в лице Аппарата Президента и аппаратов полпредов переходит на ситуационно-сценарный уровень управления, законодательной власти – для того, чтобы сохранить свое влияние на событийные и финансовые потоки – необходимо овладеть проектным мышлением и проектным действием»²⁰.

Таким образом, проект С.Б. Переслегина выдвигает несколько ключевых идей, касающихся изменения существующего баланса ветвей власти: развитие многостолпчатости как одного из основных геэкономических ресурсов развития России; формирование стратегической ветви власти для концентрации функций управления инновациями; изменение механизма работы Государственной Думы РФ по законодательному оформлению крупных инновационных и инфраструктурных проектов. Реализация подобных идей, на наш взгляд, может привести к необратимым последствиям для социально-политической жизни России. Многостолпчатое развитие при существующем уровне транспортной связности РФ и традициях функционирования российской бюрократии может не стимулировать инновационный процесс и модернизацию страны, а наоборот, усилить центробежные тенденции, сепаратизм и социально-экономическую дезинтеграцию. На опасности такого процесса указывали исследователи уже после реформ В.В. Путина весны-лета 2000 г.²¹. Выделение стратегической ветви власти ставит проблему ревизии существующего конституционного принципа, закрепленного в ст.10 Основного закона РФ. Но если анализировать данное предложение в контексте современных российских реалий, то оно, в целом, фиксирует сложившееся положение дел. Администрация Президента РФ постоянно выступает в качестве органа стратегического планирования и управления. Контуры реализации предложения о новых законодательных возможностях Госдумы уже можно проследить в реализации крупных проектов государственного масштаба, которые закреплены на уровне федеральных законов и, по сути, застрахованы от экономической нестабильности фиксацией основных затратных параметров с привязкой к федеральному бюджету на среднесрочную перспективу²².

Примечания

- 1 Переслегин С.Б. – Лауреат премии «Странник-1996» за книгу критики «Око тайфуна: Последнее десятилетие советской фантастики». Участник Ленинградского семинара Бориса Стругацкого. Составитель, редактор, автор комментариев книг серии «Военно-историческая библиотека». Автор предисловий и послесловий к книжной серии «Миры братьев Стругацких». Руководитель исследовательских групп «Конструирование Будущего» (с 2000 г.), «Санкт-Петербургская Школа Сценирования» (с 2003 г.), «Знаниевый реактор» (с 2007 г.).
- 2 См.: Переслегин С.Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске. М.: АСТ, 2005; *Он же*. Мифы Чернобыля. М.: Яуза; Эксмо, 2006; *Он же*. «Nation State»: кризис управления // Эволюция государства: Рос. эксперт. Обозрение. 2006. № 5(19); *Он же*. Социопиктографический анализ. 1900–2050 гг. М.: Cogvis, 2009; *Он же*. Новые карты будущего, или Анти-Рэнд. М.: АСТ; Terra Fantastica, 2009; *Он же*. Новая история Второй мировой. М.: ЭКСМО, Яуза. 2009.
- 3 Неслучайно под обсуждение и выполнение «Стратегии–2020» и «Плана Путина» были отведены значительные административные и организационные ресурсы партии «Единая Россия». См.: Жить по-человечески. Владимир Путин поставил задачи до 2020 года // Российская газета – Неделя. 2008. № 4589. 14 февр. Кроме того, наряду с проведением соответствующих заседаний Госсовета, партийными съездами и мероприятиями в регионах по поддержке этих квазиидеологических проектов, был дан импульс для привлечения к этому и российских традиционных вероисповедных организаций. См. напр.: Новоселова Е. Заповеди модернизации. Церковь и партии разрабатывают нравственно-этическую часть «Стратегии–2020» [Электронный ресурс]. URL: rg.ru (дата обращения: 14.07.2009).
- 4 Переслегин С.Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске. С. 424.
- 5 Там же. С. 425.
- 6 Там же.
- 7 Там же. С. 438.
- 8 Формула push-pull в данном контексте используется как «тяги-толкай». См.: Переслегин С.Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске. С.440.
- 9 Там же. С. 443.
- 10 Там же.
- 11 См.: Ссылные мира сего // Коммерсантъ–Власть. 2006. № 51(705). 25 дек. 2006; Пушкарская А. В Петербург со своим интерьером. Конституционный суд присмотрелся к новому месту. // Коммерсантъ. 2008. № 65(3882). 17 апр. 2008; Чернега Ю. Конституционный суд теряет кадры при переезде. В Петербурге их заменят юристы питерской школы // Коммерсантъ. 2008. № 56(3873). 04 апр. 2008; Романов И. Фемида не торопится в ссылку. Сотрудники Конституционного Суда откладывают переселение в Санкт-Петербург до последнего момента // Независимая газета. 2008. 15 мая.
- 12 См.: Переслегин С.Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске. С. 445–446.
- 13 Несмотря на финансовый кризис, российские власти определили для себя подготовку к саммиту стран АТЭС как приоритет и сохраняют финансирование проекта, в том числе путем принятия специального закона прямого действия. См.: Дробышева И. Дмитрий Медведев подписал закон о подготовке к саммиту АТЭС во Владивостоке в 2012 году // Рос. газ. 2009. 12 мая; Скобелев П. С видом на Тихий океан // Рос. газ. 2010. Федеральный выпуск № 5115 (36). 19 февр.
- 14 Здесь речь идет о возможности в ходе одного тура, одного путешествия по маршруту Сахалин – Токио – Пхеньян – Пекин увидеть весь спектр современных политических систем. См.: Переслегин С.Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске. С. 456.
- 15 Там же. С. 560.
- 16 Там же. С. 582.
- 17 Содержанием деятельности стратегической администрации является «стратегический менеджмент мирного времени, подразумевающий ... управление глобальными инновационными проектами ... связь Федеральной инновационной системы с законодательной, исполнительной, судебной, финансовой и индустриальной властями России». Цит. по: Переслегин С.Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске. С. 582.
- 18 Согласно п. 1 Положения об Администрации Президента Российской Федерации Администрация Президента РФ является государственным органом, обеспечивающим деятельность Президента России. Коллизия, связанная со статусом Администрации Президента РФ, послужила поводом для запроса Государственной Думы РФ в Конституционный Суд РФ в 1997 г. Заявитель, отождествив государственный орган и орган государственной власти, посчитал на основании того, что Конституция РФ не относит Администрацию Президента РФ к органам государственной власти, что она является не госорганом, а службой. В связи с тем, что к началу рассмотрения дела большинство оспариваемых норм утратило силу или было фактически отменено (норма о статусе Администрации Президента РФ осталась неизменной), производство по делу было прекращено. Конституционный Суд РФ не дал юридическую оценку статусу Администрации Президента РФ. Позиция судьи Конституционного Суда РФ В.О. Лучина соответствует мнению представителей Госдумы РФ, определившему Администрацию Президента РФ службой, вспомогательным органом Президента РФ. См.: Лучин В.О., Данилов И.С. Государственный совет Российской Федерации: проблемы становления. // Право и политика. 2001. № 4.
- 19 См.: Переслегин С.Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске. С. 583–584.
- 20 Там же. С. 584.
- 21 Б. Родоман указывал, что федеральные округа являются готовыми сферами влияния иностранных государств и удобными рамками для раздела России, а большинство округов способны существовать как самостоятельные государства. См.: Родоман Б. Сколько субъектов нужно федерации? // Отечественные записки. 2004. № 2 (17).
- 22 См. например: Федеральный закон № 379-ФЗ «Об организации и о проведении XXII Олимпийских зим-

них игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (с изменениями на 27 декабря 2009 г.) // Рос. газ. № 255. 31 дек.; Федеральный закон № 93-ФЗ «Об организации проведения встречи глав государств и правительств

стран-участников форума «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество» в 2012 г., о развитии города Владивостока как центра международного сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». // Рос. газ. 2009. № 87. 15 мая.

УДК 32.01

КОНЦЕПТ «ПОЛИТИЗАЦИЯ» В НАУЧНОМ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

М.В. Данилов

Саратовский государственный университет
E-mail: super9999@yandex.ru

В статье рассматриваются различные варианты использования термина «политизация» в научном и общественно-политическом языке. Выясняются принципиальные сходства и различия между «политизацией» религии, истории, культуры, науки. В статье сделан вывод об использовании политизации социальных отношений как политической технологии.

Ключевые слова: политизация, политика, политический процесс, политические технологии.

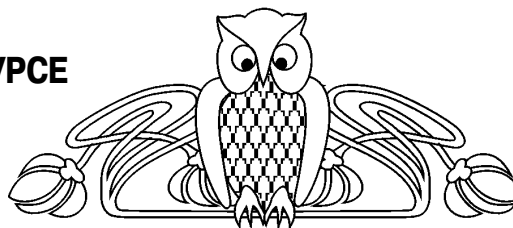
The Concept of «Politicization» of the Scientific and Socio-political Discourse

M.V. Danilov

This article discusses the various options for using the term «politicization» of the scientific and socio-political language. Establishes fundamental similarities and differences between «politicization» of religion, history, culture and science. The article concludes on the use of politicizing social relations as political technology.

Key words: politicization, politics, political process, political technology.

В современном политическом, публицистическом и научном дискурсах термин «политизация» звучит достаточно часто. По нашим подсчетам, этот термин сегодня применяется как минимум к трем десяткам явлений и институтов. Говорят о политизации религии и этничности, культуры и искусства, истории и права, повседневности и спорта, науки и образования, экономики и энергетики, масс-медиа и прав человека, психиатрии и воды, армии и крестьянства, премий и наград и т.д. Каждая из подобных разновидностей политизации фиксирует отдельные аспекты этого общего, по нашему мнению, фундаментального политического процесса. В то же время практически не идет речи об универсальных, общих принципах политизации, за исключением самых очевидных и само собой разумеющихся определений. Так, для Глеба Павловского политизация является, по сути, процессом политической инициации тех, кто собирается бороться за власть¹. Политизация в таком ракурсе рассматривается как аналог со-

циализации, только применительно к сфере политики. В самом общем виде под политизацией понимают усиление влияния политики на другие сферы жизни, придание политического звучания сколько-нибудь важным вопросам общественной жизни². Безусловно, данное определение верно. Оно содержит указание одновременно и на естественный характер политизации, и на возможное сознательное конструирование процесса политизации, придание ему технологического характера.

Политизация как технология в основном фигурирует в публицистическом и актуальном политическом языке. В современном мире политический смысл обрели самые разные вещи: ленточки, ботинки, шарфы, футболки и пр³. Политизироваться ныне может все что угодно, вплоть до эпидемий гриппа. На Украине осенью 2009 г. это чуть не привело к переносу даты президентских выборов, став одной из важнейших тем электоральной борьбы, а в Саратовской области – фактором актуализации вопроса о переназначении губернатора П.Л. Ипатова на новый срок. Согласно одной из точек зрения, политизация является процессом вовлечения субъектов общества в активную политическую жизнь, политические взаимодействия, побуждение к политическим действиям⁴.

Научное осмысление политизации весьма нечасто связано с теоретической разработкой самого этого термина. В основном о политизации говорят как о нечто само собой разумеющемся, акцентируя внимание на непосредственном объекте политизации. В связи с этим особенно ценными оказываются весьма редкие в современной отечественной и западной науке попытки осветить принципиальные механизмы работы такого фундаментального для социума процесса, каковым, по нашему мнению, выступает политизация.

Самыми разработанными, как в теоретическом плане, так и в смысле эмпирической обеспеченности, остаются процессы политизации конфессиональных отношений. Особенно выделяется пласт исследований, посвященных

них игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (с изменениями на 27 декабря 2009 г.) // Рос. газ. № 255. 31 дек.; Федеральный закон № 93-ФЗ «Об организации проведения встречи глав государств и правительств

стран-участников форума «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество» в 2012 г., о развитии города Владивостока как центра международного сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». // Рос. газ. 2009. № 87. 15 мая.

УДК 32.01

КОНЦЕПТ «ПОЛИТИЗАЦИЯ» В НАУЧНОМ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

М.В. Данилов

Саратовский государственный университет
E-mail: super9999@yandex.ru

В статье рассматриваются различные варианты использования термина «политизация» в научном и общественно-политическом языке. Выясняются принципиальные сходства и различия между «политизацией» религии, истории, культуры, науки. В статье сделан вывод об использовании политизации социальных отношений как политической технологии.

Ключевые слова: политизация, политика, политический процесс, политические технологии.

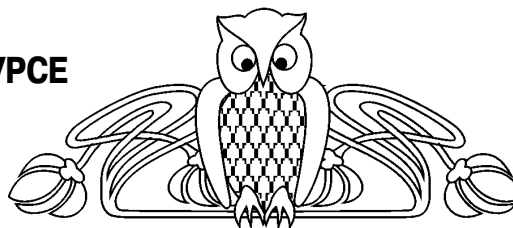
The Concept of «Politicization» of the Scientific and Socio-political Discourse

M.V. Danilov

This article discusses the various options for using the term «politicization» of the scientific and socio-political language. Establishes fundamental similarities and differences between «politicization» of religion, history, culture and science. The article concludes on the use of politicizing social relations as political technology.

Key words: politicization, politics, political process, political technology.

В современном политическом, публицистическом и научном дискурсах термин «политизация» звучит достаточно часто. По нашим подсчетам, этот термин сегодня применяется как минимум к трем десяткам явлений и институтов. Говорят о политизации религии и этничности, культуры и искусства, истории и права, повседневности и спорта, науки и образования, экономики и энергетики, масс-медиа и прав человека, психиатрии и воды, армии и крестьянства, премий и наград и т.д. Каждая из подобных разновидностей политизации фиксирует отдельные аспекты этого общего, по нашему мнению, фундаментального политического процесса. В то же время практически не идет речи об универсальных, общих принципах политизации, за исключением самых очевидных и само собой разумеющихся определений. Так, для Глеба Павловского политизация является, по сути, процессом политической инициации тех, кто собирается бороться за власть¹. Политизация в таком ракурсе рассматривается как аналог со-

циализации, только применительно к сфере политики. В самом общем виде под политизацией понимают усиление влияния политики на другие сферы жизни, придание политического звучания сколько-нибудь важным вопросам общественной жизни². Безусловно, данное определение верно. Оно содержит указание одновременно и на естественный характер политизации, и на возможное сознательное конструирование процесса политизации, придание ему технологического характера.

Политизация как технология в основном фигурирует в публицистическом и актуальном политическом языке. В современном мире политический смысл обрели самые разные вещи: ленточки, ботинки, шарфы, футболки и пр.³. Политизироваться ныне может все что угодно, вплоть до эпидемий гриппа. На Украине осенью 2009 г. это чуть не привело к переносу даты президентских выборов, став одной из важнейших тем электоральной борьбы, а в Саратовской области – фактором актуализации вопроса о переназначении губернатора П.Л. Ипатова на новый срок. Согласно одной из точек зрения, политизация является процессом вовлечения субъектов общества в активную политическую жизнь, политические взаимодействия, побуждение к политическим действиям⁴.

Научное осмысление политизации весьма нечасто связано с теоретической разработкой самого этого термина. В основном о политизации говорят как о нечто само собой разумеющемся, акцентируя внимание на непосредственном объекте политизации. В связи с этим особенно ценными оказываются весьма редкие в современной отечественной и западной науке попытки осветить принципиальные механизмы работы такого фундаментального для социума процесса, каковым, по нашему мнению, выступает политизация.

Самыми разработанными, как в теоретическом плане, так и в смысле эмпирической обеспеченности, остаются процессы политизации конфессиональных отношений. Особенно выделяется пласт исследований, посвященных

политизации ислама⁵. Сфера религиозных отношений достаточно четко демонстрирует взаимозависимость политических и социальных явлений в современном мире. Важнейшие мировые конфессии превратились на рубеже XX–XXI вв. в серьезный фактор, влияющий на политические процессы как на внутригосударственном, так и международном уровне. Как отмечает С.А. Семедов: «Процесс политизации присущ всем мировым религиозным системам в целом. В разные периоды истории политизация религии была разной. Политизация религии – это процесс постоянный, имеющий место до тех пор, пока в обществе сосуществуют религия и политика»⁶. Мы солидарны с этим автором в том плане, что также считаем процесс политизации изменчивым и конкретно-историческим явлением. Более того, С.А. Семедов говорит о политизации религии, в частности, ислама, в смысле ее активизации в политических процессах, ее использовании в политических целях. На изменение роли религии в жизни человека, а именно на ее переход из сферы частной жизни в сферу общественной, на ее подверженность значительной политизации оказало влияние, как пишет Д.А. Пузырев, пробуждение политической активности, проходящее в мире⁷. Поскольку существуют религиозные потребности, то политический спрос на религию по-прежнему сохраняется⁸. При этом политизация религии свидетельствует не о том, что население становится религиозным, а о том, что религия энергичнее, чем раньше, проникает в политику, идеологию, правительственные сферы⁹.

Политизация и идеологизация церковной жизни характерна и для православия. Политизация в данном случае предстает под несколько иным углом зрения, нежели в исламе. Речь идет о переносе в церковную тематику духа и стиля политических споров. Таковы, например, внутри- и меж- церковные отношения на Украине или выборы нового Патриарха Русской православной церкви. В условиях деполитизации выборов руководителей страны, когда результаты известны заранее, а реальная конкуренция отсутствует, самыми политизированными выборами последнего времени стали выборы Патриарха Московского и Всея Руси, которые велись со всеми атрибутами настоящих, «больших» избирательных кампаний¹⁰.

Для нас эти замечания ценны, поскольку позволяют увидеть две стороны политизации. Во-первых, активизация, которая может быть рассмотрена как органическая, естественная политизация. Во-вторых, использование общественных ресурсов, как материальных, так и духовных, в политических целях, то есть технологическая политизация.

Технологическая политизация, в том числе и религии, представляет собой инструмент политического управления. Так, по мнению А.В. Митрофановой, «цель политизации религии – не возвра-

щение в прошлое и не консервация архаических элементов настоящего, а стремление провести удачную модернизацию общества в самом широком смысле (от экономической до социальной и политической)»¹¹. Представляется целесообразным экстраполировать такое представление о политизации (как технологии политического управления) и на другие аспекты социальной жизни. Политизация здесь может быть представлена как привлечение общественных ресурсов для реализации тех или иных политических интересов, как реакция на глобальные и частные вызовы, затрагивающие различные стороны жизни общества.

Тесным образом с политизацией конфессиональных отношений связана политизация этнического фактора. Особенно это характерно для обществ полифрагментарных, в которых в рамках одного политического пространства вынуждены существовать различные культуры и народы. Так, анализируя проблемы политизации этничности в африканских странах, Н.Д. Косухин отмечает, что этнический фактор в большинстве стран Африки является одной из наиболее сложных социально-политических проблем, интегрирующий в себе комплекс всех противоречий в африканском обществе. Через призму этнического фактора и этнической общности (клан, этнос, народность, нация) необходимо ставить и решать экономические, социальные, политические и культурные проблемы Африки. Это объясняется прежде всего тем, что социально-классовые и национальные факторы в условиях недостаточно развитой социальной структуры как бы скрыты, заслонены этническими проблемами, которые выступают на передний план общественно-политической жизни. Этнические проблемы (этнокрафия) в Африке возникли еще в колониальную эпоху, и особую остроту они приняли в постколониальный период, когда стали возникать национальные государства, имеющие многоэтническую основу¹².

Термин «политизация» используется сегодня и применительно к характеристике разнообразных образцов современной культуры и искусства. Поэт, прозаик и переводчик А. Скидан пишет: «Политизированное искусство, таким образом, не следует путать с агитацией или пропагандой; это искусство, которое через цензуру, отстранение, саморефлексию, фрагментарность, дробление нарратива позволяет обнаружить асемантические зазоры, складки смысла, еще не захваченные идеологией. Искусство, втягивающее зрителя и читателя в процесс сотворчества-становления и тем самым подводящее к пониманию того, что он связан с телами и сознаниями других...»¹³. Другой современный поэт А. Очиров добавляет к этому: «...Огромная часть поэзии сейчас является социальной практикой, и солидарности в ней хоть отбавляй, потому что говорится только общеизвестное, а момент открытия происходит в точке солидарности с этим коллективным опытом банального – банальной жизни, банальной работы, банальных стихов. Так

поэзия превращается в макароны и проскальзывает незаметно, она течёт – в журналах и т.д., и не является событием, а событием является её социальная или медийная репрезентация. Проблема в том, что она (такая) тоже создаётся с позиции “неподвижной точки”, поэтому для неё так важна иерархия и авторитеты»¹⁴.

Помимо таких метафизических взглядов на процессы и состояние политизации в искусстве и культуре, имеются и вполне реалистические ее проявления. Они выражаются в тематике произведений, политической ориентации их авторов, методах продвижения на рынок, критериях получения разнообразных наград и премий. Так, речь может идти о критериях номинации и присуждения литературных премий авторам, известным своими националистическими взглядами¹⁵. В статье «ВРИО вместо Клио» И. Кукулин рассуждает об изменении идеологического тренда в отечественной культуре от уравнивания «советских» и «имперских» аллюзий к преобладанию «белогвардейских символов». Внешними символами этого тренда стали поминальные мероприятия 17 июля 2008 года, посвященные 90-летней годовщине расстрела семьи Николая II, шумная реклама фильма «Адмиралъ» о белогвардейском лидере Александре Колчаке, PR-проекта «Имя Россия», победу в котором якобы одержали Александр Невский и Петр Столыпин¹⁶.

Помимо чисто культурных наград и премий политизации подвержены и те, которые с политикой связаны более непосредственным образом. В частности, различные премии, присуждаемые международными организациями за вклад в защиту мира, прав человека, окружающей среды и так далее. Весьма неоднозначную реакцию вызвало присуждение в 2009 г. Нобелевской премии мира Президенту США Б. Обаме, который, по общему признанию, ничего кроме высказанных намерений в области укрепления международной безопасности не сделал. Появились разговоры о политизации данной премии, о политических мотивах ее присуждения, которые не имеют прямого отношения к реальным объективным заслугам человека. Вопрос о политизации международных премий связан с так называемой проблемой «двойных стандартов», которым они оказываются подвержены.

В последнее время активно заговорили о политизации науки. Естественно, что это в наибольшей степени характерно для наук об обществе. При этом сам термин «политизация» здесь употребляется в основном как синоним политической ангажированности исследователя. Вероятно, это вполне объяснимо тем, что сама тематика научных исследований социологии, юриспруденции, экономики, философии, социальной и политической психологии, не говоря уже о самой политической науке в чистом виде, непосредственным образом связана с процессом принятия политических решений.

Как отмечает В.М. Воронков, «политическая ангажированность имманентно присуща социальной науке (хотя ее модальность и степень присутствия может быть различной). Пусть социология претендует на разделение политического и социального знания (веберовская позиция), однако существуют причины оценивать эти претензии как несбыточные. Хотя бы уже потому, что зримо или незримо за спиной социолога стоит государство. Неизбежная политическая ангажированность социального знания связана с тем, что и государство, и социология играют на одном и том же поле. Они вступают в конкуренцию либо в сотрудничество, высказывая суждения о тенденциях социальных отношений»¹⁷. Связь науки с властью не только не воспринимается как нечто опасное, но как необходимый атрибут социального ответственного научного знания. И здесь мы согласны с директором Института социологии РАН М. Горшковым, который писал, что «...отношения между социологией и властью должны строиться на принципах партнерства и толерантности. Означает это следующее: социология помогает власти осуществлять властные функции, повышать культуру и эффективность государственного управления»¹⁸.

Если проблема политизации наук вроде социологии не вызывает практически ни у кого вопросов и не кажется чем-то недостойным, то относительно политизации исторического знания разворачиваются нешуточные дискуссии. Весьма обстоятельно на эту тему высказался в своей статье А. Миллер¹⁹. Он разбирает такие близкие, по его мнению, понятия, как «политизация истории», «политика памяти» и «историческая политика». Политизация истории, как пишет А. Миллер, «по сути дела неизбежная и неизбежная вещь. Она начинается уже на индивидуальном уровне: в своих исследованиях всякий историк в большей или меньшей степени находится под влиянием современной ему общественной ситуации, собственных политических взглядов, а также национальной, религиозной, социальной идентификации. В определенном смысле эта связь является источником постоянного развития и обновления истории, потому что новое время и ситуация, равно как и личный опыт, каждый раз подталкивают историков к постановке новых вопросов. В той мере, в которой различные группы историков подвержены сходным воздействиям политических факторов, мы можем говорить о том, как политизация истории функционирует не только на индивидуальном, но и на групповом уровне. Мы часто говорим также о делении историков по их политическим предпочтениям, которые оказывают влияние и на методологические подходы, – отсюда такие термины, как «либеральные историки», «консервативные историки», «историки-марксисты» и т. д.»²⁰.

Политизация истории проявляется также и в том, что в научных по жанру произведениях историков читатели, в том числе и наделенные

властными полномочиями, склонны искать мнения по актуальным, злободневным проблемам, имеющим политическую актуальность здесь и сейчас. Сюда же можно отнести и желание отдельных представителей науки «угадать» политическую конъюнктуру и свои выводы подверстать в соответствии с существующим политическим «мэйнстримом». Здесь достаточно вспомнить бурные споры относительно учебников под редакцией А.В. Филиппова и других авторов²¹.

С проблемой политизации отдельных научных дисциплин и в целом науки как социального феномена связана проблема политизации университетов как мест, где эта наука собственно и создается. О политизации университетов и вообще системы образования также говорят довольно часто. Политизация здесь понимается как открытое высказывание, демонстрация учебным заведением (или его руководством) своей политической позиции, своих политических симпатий. Традиционно принято считать, будто университеты должны сторониться подобной деятельности. Таким образом, формально политизация университетов противоречит не только законодательству, но и одному из ведущих принципов образования, который Т. Веблен сформулировал как «непредвзятое обучение»²². Однако, как показал в своей работе С.А. Ушакин, было бы упрощением сводить политизацию и ангажированность образовательных институтов к действиям внешних структур или к персонализированным проблемам профессуры и студенчества, в результате чего сам университет выводится за скобки политических уравнений. С.А. Ушакин обращает внимание на несколько иную трактовку политической деятельности университетов. На его взгляд, и в этом мы с ним солидарны, имеет смысл искать причины политизации высшей школы как в характере носителей знания, так и в самом знании, определяющем формы политической деятельности его носителей²³.

Политизация представляет собой процесс перевода социальных отношений из режима подчиненности традициям в режим подчиненности властным интересам. Социальные отношения, функционирующие в режиме подчиненности традициям, представляют собой «обычную» человеческую практику. При этом «обычай» здесь мы понимаем расширительно, включая в него и юридически закрепленные нормы. Важным является то, что при решении вопросов сохраняют силу и эффективность традиционные, привычные механизмы, отработанные в предыдущие временные этапы. Такие механизмы действуют в экономике, культуре, межгрупповых отношениях, быту, праве, администрировании. Режим подчиненности властным отношениям предполагает, с одной стороны, заинтересованность политических акторов в общественных ресурсах, с другой – использование властно-политических механизмов для достижения неполитических целей. Наличие «политизации» как свойства политического означает, что и сама

«политика», политическая сфера, круг политических проблем – явление конкретно-историческое. Таким образом, мы рассматриваем политизацию как привнесение в процедурные аспекты политики содержательного контента. Политизация наполняет рутинные политические процедуры, такие как партийные съезды, выборы, политическую конкуренцию реальным содержанием. Политизация выполняет важнейшую общественную функцию – позволяет политике и политикам оставаться актуальными и адекватными обществу.

Примечания

- 1 Павловский Г.О. Режим середняка капитулирует? Это вряд ли [Электронный ресурс] // Русский журнал URL: http://www.mediocratia.ru/owa/mc/mc_project_news.html?a_id=22557 (дата обращения: 23.12.2009).
- 2 Мир словарей [Электронный ресурс] URL: http://mirslovari.com/content_pol/POLITIZACIJA-3411.html (дата обращения: 22.12.2009).
- 3 Бражникова Я. Политизация повседневности: слова и вещи [Электронный ресурс] URL: <http://www.pravaya.ru/column/9068> (дата обращения: 22.12.2009).
- 4 См.: Евдокимов В.А. Роль средств массовой информации в политизации социального конфликта: Автореф. дисс. ... д-ра полит. наук. Екатеринбург, 2007. С. 4.
- 5 См., напр.: Тиби Б. Является ли ислам политической религией? Возможность межрелигиозного плюрализма в условиях цивилизационного конфликта // Неприкосновенный запас. 2002. № 6 (26); Орлов И.Б. Глобализация и/или исламизация? // Мусульманский опыт миростроительства: базовые цели и ценности, формы познания социокультурной организации. Вып.5: Исторический опыт и российская ситуация. М., 2007; Санаи М. Политическая мысль в исламском обществе // Иран: ислам и власть. М., 2001; Баширов Л.А. Ислам в контексте этнополитических процессов в современной России. М., 2008; Градиловский С.И. Ислам и политика в поисках формы // Ислам в России: взгляд из регионов. М., 2007; Семедов С.А. Причины политизации ислама // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. М., 2009. № 4; Мухарямов Н. Ислам в Поволжье: политизация несостоявшаяся или отложенная? // Ислам от Каспия до Урала: макрорегиональный подход: Сб. статей / Науч. ред. К. Мацузато. Саппоро; М., 2007; Косухин Н.Д. Политизация ислама и столкновение цивилизаций // Обозреватель. 2007. № 2 и др.
- 6 Семедов С.А. Указ. соч. С. 20.
- 7 См.: Пузырев Д.А. Рост исламского фундаментализма: причины и следствия // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2008. № 3.
- 8 См.: Медведко Л.И. Именем Аллаха... Политизация ислама и исламизация политики. М., 1988. С. 7.
- 9 См.: Мальшева Д.Б. Религия и общественно-политическое развитие арабских стран (70–80-е гг.). М., 1986. С. 4.
- 10 Подробнее об этом см.: Макаркин А. Русская православная церковь: конкурентные выборы // Pro et Contra. 2009. № 1. С. 49–61.

- ¹¹ Митрофанова А.В. Политизация «православного мира». М., 2004. С. 42.
- ¹² См.: Косухин Н.Д. Африка: политизация этничности // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Политология. 2006. № 1 (6) С. 100.
- ¹³ Скидан А. Тезисы к политизации искусства [Электронный ресурс] URL: // <http://www.vavilon.ru/textonly/issue12/skidan.html> (дата обращения: 25.12.2009).
- ¹⁴ Очиров А. [Предисловие к циклу:] Войну зовет противогаз (тексты под эпитафиями) [Электронный ресурс] URL: // <http://polutona.ru/?show=0531174639> (дата обращения: 25.12.2009).
- ¹⁵ См.: Лидерман Ю. Политическая «сценография» культуры // Pro et Contra. 2009. № 1. С. 36–48; Кукулин И. ВРИО вместо Клио // Pro et Contra. 2009. № 1. С.20–35.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Воронков В.М. О политизации общественных наук // Неприкосновенный запас. 2009. № 63. [Электронный ресурс] URL: <http://www.intelros.ru/readroom/nz/-63/>. (дата обращения: 07.01.2010).
- ¹⁸ Горшков М. Уроки и перспективы отечественной социологии // Социс. 2008. № 7. С. 19.
- ¹⁹ См.: Миллер А. Россия: власть и история // Pro et Contra. 2009, Май-август. С. 6-24.
- ²⁰ Там же. С. 6.
- ²¹ См.: Филиппов А.В. Новейшая история России: 1945–2006 гг.: Кн. для учителя. М., 2007; История России: 1945–2007: Учеб. для 11 кл. / Под ред. А.А. Данилова, А.И. Уткина, А.В. Филиппова. М., 2007; 2-е изд. История России, 1945–2008. М., 2008; Данилов А.А. История России 1900–1945: Метод. пособие. 11 кл. М., 2008; Борисов М. Мы вас научим Родину любить (А.В. Филиппов. Новейшая история России. 1945–2006 гг.) // Отечественные записки. 2007. № 4(36). [Электронный ресурс] URL: <http://www.strana-oz.ru/print.php?type=article&id=1530&numid=38>.
- ²² См.: Veblen T. The Higher Learning in America. New Brunswick, 1993. P.16.
- ²³ См.: Ушакин С.А. Университеты и власть // Общественные науки и современность. 1999. № 2. С. 55–65.

УДК 30

ИДЕИ ПОЛИЦЕНТРИЗМА: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ

В.Г. Калюзный

Сызранское высшее военное авиационное училище лётчиков (военный институт)
e-mail: vadim.kalyuzhnyy@bk.ru

В статье обосновывается гипотеза о том, что за последнее десятилетие заметно повысилось внимание в кругах российских и зарубежных учёных к проблемам становления и развития геополитических процессов, способствующих развитию различных парадигм мироустройства, механизмов развития и функционирования миросистем. Показано, что на современном этапе эволюции геополитической мысли проблема определения модели организации геополитического пространства будущего приобретает не только научно-теоретическое, но и ярко выраженное прикладное значение.

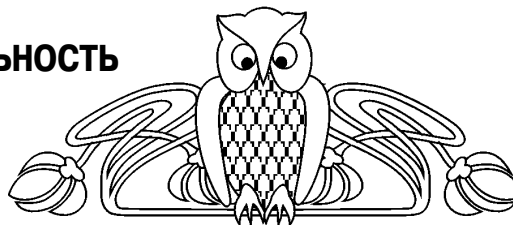
Ключевые слова: мировой порядок, геополитическое противоборство, модели развития мироустройства.

Polycentricity: Myth or Reality

V.G. Kalyuzhnyy

The article substantiates the hypothesis that over the last decade significantly improved attention in the circles of Russian and foreign scientists to the problems of formation and development of geopolitical processes contributing to the development of various paradigms of world order, the mechanism of development and functioning of the world system. It is shown that at the present stage of evolution of geopolitical thought the problem of determining the model organization geopolitical space of the future becomes not only scientific and theoretical, but also a pronounced practical significance.

Key words: world order, geopolitical rivalries, development model of world order.

Нарастающие процессы глобализации мира в XXI в. всё более отчетливо выявляют фундаментальные императивы, предъявляемые к основным геополитическим акторам, суть которых состоит в выработке такой модели мироустройства, геополитическая конфигурация которой была бы устойчивой, стабильной, надежной, интегрирующей как национально-государственные, так и транснациональные интересы.

Существует множество концепций, авторы которых пытаются осмыслить сущностные характеристики современной политической структуры мира, тенденции его развития. В одних концепциях мир становится все более гомогенным (Ф. Фукуяма, Зб. Бжезинский, Ж. Аттали)¹, в других теоретических схемах мир оказывается разделённым или расколотым (С. Хантингтон, О. Тоффлер, Э. Валлерстайн, А. Неклесса)². В этих и других аналогичных концепциях, в которых подчёркивается дифференциация мира, особо указывается на такое явление, как акторское геополитическое противоборство.

В настоящее время существует целый ряд мощных, явно выраженных флуктуационно развивающихся геополитических потоков, ведущих мировое сообщество к новому состоянию, контуры которого пока не определены:

во-первых, стремление Соединенных Штатов Америки, опираясь на свою экономическую, поли-

- ¹¹ Митрофанова А.В. Политизация «православного мира». М., 2004. С. 42.
- ¹² См.: Косухин Н.Д. Африка: политизация этничности // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Политология. 2006. № 1 (6) С. 100.
- ¹³ Скидан А. Тезисы к политизации искусства [Электронный ресурс] URL: // <http://www.vavilon.ru/textonly/issue12/skidan.html> (дата обращения: 25.12.2009).
- ¹⁴ Очиров А. [Предисловие к циклу:] Войну зовет противогаз (тексты под эпитафиями) [Электронный ресурс] URL: // <http://polutona.ru/?show=0531174639> (дата обращения: 25.12.2009).
- ¹⁵ См.: Лидерман Ю. Политическая «сценография» культуры // Pro et Contra. 2009. № 1. С. 36–48; Кукулин И. ВРИО вместо Клио // Pro et Contra. 2009. № 1. С.20–35.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Воронков В.М. О политизации общественных наук // Неприкосновенный запас. 2009. № 63. [Электронный ресурс] URL: <http://www.intelros.ru/readroom/nz/-63/>. (дата обращения: 07.01.2010).
- ¹⁸ Горшков М. Уроки и перспективы отечественной социологии // Социс. 2008. № 7. С. 19.
- ¹⁹ См.: Миллер А. Россия: власть и история // Pro et Contra. 2009, Май-август. С. 6-24.
- ²⁰ Там же. С. 6.
- ²¹ См.: Филиппов А.В. Новейшая история России: 1945–2006 гг.: Кн. для учителя. М., 2007; История России: 1945–2007: Учеб. для 11 кл. / Под ред. А.А. Данилова, А.И. Уткина, А.В. Филиппова. М., 2007; 2-е изд. История России, 1945–2008. М., 2008; Данилов А.А. История России 1900–1945: Метод. пособие. 11 кл. М., 2008; Борисов М. Мы вас научим Родину любить (А.В. Филиппов. Новейшая история России. 1945–2006 гг.) // Отечественные записки. 2007. № 4(36). [Электронный ресурс] URL: <http://www.strana-oz.ru/print.php?type=article&id=1530&numid=38>.
- ²² См.: Veblen T. The Higher Learning in America. New Brunswick, 1993. P.16.
- ²³ См.: Ушакин С.А. Университеты и власть // Общественные науки и современность. 1999. № 2. С. 55–65.

УДК 30

ИДЕИ ПОЛИЦЕНТРИЗМА: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ

В.Г. Калюжный

Сызранское высшее военное авиационное училище лётчиков (военный институт)
e-mail: vadim.kalyuzhnyy@bk.ru

В статье обосновывается гипотеза о том, что за последнее десятилетие заметно повысилось внимание в кругах российских и зарубежных учёных к проблемам становления и развития геополитических процессов, способствующих развитию различных парадигм мироустройства, механизмов развития и функционирования миросистем. Показано, что на современном этапе эволюции геополитической мысли проблема определения модели организации геополитического пространства будущего приобретает не только научно-теоретическое, но и ярко выраженное прикладное значение.

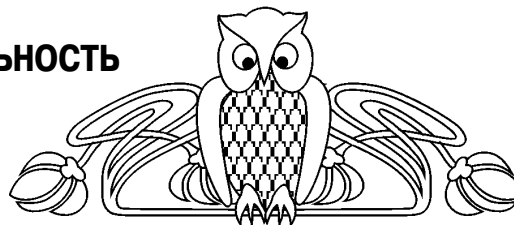
Ключевые слова: мировой порядок, геополитическое противоборство, модели развития мироустройства.

Polycentricity: Myth or Reality

V.G. Kalyuzhnyy

The article substantiates the hypothesis that over the last decade significantly improved attention in the circles of Russian and foreign scientists to the problems of formation and development of geopolitical processes contributing to the development of various paradigms of world order, the mechanism of development and functioning of the world system. It is shown that at the present stage of evolution of geopolitical thought the problem of determining the model organization geopolitical space of the future becomes not only scientific and theoretical, but also a pronounced practical significance.

Key words: world order, geopolitical rivalries, development model of world order.

Нарастающие процессы глобализации мира в XXI в. всё более отчетливо выявляют фундаментальные императивы, предъявляемые к основным геополитическим акторам, суть которых состоит в выработке такой модели мироустройства, геополитическая конфигурация которой была бы устойчивой, стабильной, надежной, интегрирующей как национально-государственные, так и транснациональные интересы.

Существует множество концепций, авторы которых пытаются осмыслить сущностные характеристики современной политической структуры мира, тенденции его развития. В одних концепциях мир становится все более гомогенным (Ф. Фукуяма, Зб. Бжезинский, Ж. Аттали)¹, в других теоретических схемах мир оказывается разделённым или расколотым (С. Хантингтон, О. Тоффлер, Э. Валлерстайн, А. Неклесса)². В этих и других аналогичных концепциях, в которых подчёркивается дифференциация мира, особо указывается на такое явление, как акторское геополитическое противоборство.

В настоящее время существует целый ряд мощных, явно выраженных флуктуационно развивающихся геополитических потоков, ведущих мировое сообщество к новому состоянию, контуры которого пока не определены:

во-первых, стремление Соединенных Штатов Америки, опираясь на свою экономическую, поли-

тическую и военную мощь, сохранить и укрепить свое единоличное доминирование в мире;

во-вторых, глобализация и унификация мировой экономики, которая сопровождается потерей или ослаблением суверенитета национальных государств, а также появлением на политической арене новых акторов в лице транснациональных корпораций и полукриминальных сетевых структур;

в-третьих, поиск целым рядом государств своего геополитического кода развития, социокультурной и цивилизационной идентичности и привлекательности, базирующихся на возврате утраченных культурных традиций, устоев, исторических святынь и т.д.;

в-четвёртых, всё более усиливающееся социальное неравенство в мире, что ведёт к росту недовольства и возмущения бедного большинства мирового сообщества;

в-пятых, активизация международного терроризма, который приобретает ряд черт, не свойственных ему на предыдущих этапах развития человечества;

в-шестых, исчерпание сырьевых ресурсов и ухудшение состояния окружающей среды.

По сути, речь идет о пяти факторах, определяющих развитие современного мира: мощи, богатстве, хаосе, идентичности и справедливости. Их действие и взаимодействие определит новую конфигурацию миропорядка, новую геополитическую, экономическую, цивилизационную парадигму развития.

В современных переходных условиях многие центры силы и влияния стремятся упрочить свое положение за счет ослабшей России, активно проникая в традиционно контролируемые ею геополитические зоны (политика США в Восточной Европе, пантюркистские призывы в Средней Азии, конфликты на Кавказе, ярко выраженные антиросийские действия японского парламента и т.д.). Этого достаточно, чтобы понять: вытеснение Российской Федерации из мировой политики идёт полным ходом.

Каждый из этих центров пытается обеспечить в новом создающемся механизме миропорядка свои интересы. Какая же модель геополитической структуры мира в наибольшей степени соответствует интересам Российской Федерации? Ведь именно обеспечение геополитических интересов нашего государства наряду с сохранением стабильности международной системы являются двумя главными принципами, на которых должно строиться участие России в создании новой архитектуры безопасности мирового сообщества.

Сегодня специалисты в основном говорят о трех возможных геополитических сценариях будущего: униполярном (гомогенном), биполярном, полицентричном (гетерогенном) мире, хотя существуют и другие топики мирозидания.

Сложившемуся к концу XX в. мировому порядку предшествовала биполярная система холодной войны. Формально «Ялтинская система»

была попыткой восстановить довоенный полицентричный мировой порядок, но на практике заложила основы холодной войны, т.е. биполярной политической системы.

Становление униполярного мира апологеты США обосновывают тем, что Америка решительно превосходит все другие страны, доминирует в социально-экономической, общественно-политической, культурно-идеологической и военной сферах. ВВП в кризисный 2009 г. составил $\approx 14,26$ трлн долл. (для сравнения: у Японии $\approx 4,35$ трлн долл., Германии $\approx 3,00$ трлн долл., России $0,854$ трлн долл., хотя валовая потенциальная ценность разведанных балансовых запасов основных видов полезных ископаемых оценивается в $28,6$ трлн долл.), военный бюджет США ($3-3,5\%$ от ВВП) превышает военные расходы всего остального мира. Это определяет её лидирующие позиции в мире, хотя страна и имеет рекордный дефицит государственного бюджета в текущем 2009–2010 финансовом году – $1,56$ трлн долл.

Немногие страны в мировой истории удовлетворяли требованиям мирового гегемона. В Европе Нового времени около 1500 г. геополитическим доминантом (гегемоном) была Португалия, полустолетием позже – Испания, примерно в 1620 г. – Нидерланды, Франция в 1690 и 1810 гг., Британия и царская Россия делили лавры гегемона с 1815 по 1913 гг., в последующем Германия дважды пыталась стать мировым «жандармом», но безуспешно. Во второй половине XX столетия эту нишу уверенно занимали СССР и США, поделившие мир на две противоположные мировые идеологически разобщённые системы. После распада СССР единственным гегемоном и мировым геополитическим доминантом стали Соединенные Штаты Америки.

Адепты униполярного мира утверждают, что сегодня государство-гегемон имеет возможность доминировать в межгосударственной системе без угрозы превращения его в империю. Более того, оно, по их мысли, распространяет либеральные идеи, которые широко воспринимаются всем мировым сообществом (или его большей частью).

Однако мировая история доказывает, что никакая гегемония в силу своей конфликтности не создает прочной геополитической структуры мира. Она характеризует переходное состояние мировой политики, разделяющее между собой две различные геополитические эпохи. Такая структура нестабильна главным образом по причине неизбежного сползания единственного мирового лидера рано или поздно к агрессививо-силовым способам воздействия на окружающую среду, искушения реализовать свою превосходящую геополитическую мощь в создании системы собственного мирового господства. Фаза почти неестественного по мощи подъёма одного из субъектов мировой политики не может длиться бесконечно. Перенапряжение экономических ресурсов, ослабление внутреннего лидерства,

рискованные авантюры на международной арене возродят полицентричный мир, возвратят его к более традиционной системе «баланса сил», который является объективной, неотъемлемой характеристикой функционирования мировой политической системы. Ещё Уинстон Черчилль справедливо отмечал, что баланс сил «не имеет никакого отношения к тем или иным правителям или государствам», что он есть «закон политики, а не простая целесообразность, диктуемая случайными обстоятельствами, симпатиями и антипатиями или иными подобными чувствами»³.

Сложившаяся система мирового порядка в настоящее время чревата скрытой поляризацией, не может быть признана в точном смысле слова униполярной. Замкнутый «Западный» блок – слишком ненадежная опора для «Севера»: в этом случае однополярный порядок не выдерживается, но, напротив, провоцируется стремлением возглавить альтернативный полюс. Поддержание униполярного мирового порядка немислимо без согласия игроков, контролирующих ресурсы, сопоставимые с ресурсами доминирующего игрока.

Следующий сценарий развития мира альтернативен однополюсному варианту. Такие учёные, как С. Коэн, Р. Кляйн, А. Богданов и другие, а также лидеры ряда государств (включая и Российскую Федерацию) доказывают, что обеспечение структурно стабильного мирового устройства достигается в целом только за счёт его полицентризма и сбалансированности.

Их аргументы сводятся к следующему:

– многополярная конфигурация модели миропорядка способна обеспечить стабильность и устойчивость мира благодаря тому, что геополитические регионы, в пределах которых находятся мировые центры силы и низкий уровень энтропии, способны к установлению равновесия и сбалансированному развитию всей мировой геополитической системы;

– центры силы, представленные крупными державами, обладают значительными объёмами потенциальной энергии, находясь в состоянии глобального взаимодействия, распространяют своё влияние далеко за пределы собственных границ. Так геополитическая система обретает предсказуемость и прогнозируемость развития, а значит, способность обеспечить глобальную безопасность.

На этот счёт есть достаточно ироническое высказывание директора Гарвардского центра по международным делам Дж. Ная: «Многополюсный мир – это клише, популярное у авторов редакционных статей, но крайне обманчивое для политиков, если используется в качестве исторической аналогии с XIX веком, потому что старый порядок основывался на равновесии пяти приблизительно равных великих держав, в то время как силы современных великих держав далеки от равновесия»⁴.

Тем не менее, Российская Федерация твёрдо стоит на позиции построения полицентричного

мира, о чём говорят последние документы федерального значения, принятые и утверждённые нашим политическим руководством. Так, в Концепции геополитического развития страны на период до 2050 г. сказано, что геополитические интересы России состоят в утверждении континентализма как системы мирового устройства, с формированием многополюсного мира, а в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. прямо говорится о превращении России в мировую державу, деятельность которой будет направлена на поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений в условиях многополярного мира⁵.

Есть ряд учёных (К. Алдред, О. Арин, К. Уолтц, У. Кристофер и др.), которые не согласны с утверждениями о многополярной стабильности и устойчивости, считая полицентричную структуру отношений с множеством центров силы как раз самой неустойчивой, хаотической системой («борьбы всех против всех»). Это аргументируется тем, что из-за асинхронного развития государств между ними возникает неравенство, вследствие чего работает «закон силы»: как только государство достигает уровня экономической мощи и военного потенциала, адекватного мощи и потенциалу ведущих государств мира, оно требует для себя нового статуса, означающего перелом сфер мирового влияния.

Существует мнение, что реальный полицентричный мировой порядок есть система «равновесия силы», система соперничества силы, и в этом он родственен биполярному мировому порядку. Более того, всякая многополюсная система в критической ситуации неизбежно трансформируется в биполярную. Иначе говоря, всякая полицентричная система мирового порядка является латентно биполярной. Отсюда вытекает чрезвычайно важный вывод: полицентрично созданный мир как позитивная альтернатива униполярности есть либо опасное заблуждение, либо стремление заполнить паузу акторской неопределённости на период наращивания потенциала, позволяющего претендовать на место №2 в биполярной системе.

На протяжении всей истории полицентризм подразумевал скорее войну, чем мирное сосуществование примерно равных по могуществу государств. К контраргументам данного тезиса можно отнести то, что к мировым войнам приводит не многополярное балансирование, а скорее неумение и нежелание определённых сил играть по правилам.

Формирование биполярной геополитической структуры мира часто обосновывается действием основного закона геополитики, связанного с неизбежным противостоянием морских (талассократических) и континентальных (теллуократических) государств, объединённых в два геополитических блока, между которыми разворачивается непримиримая борьба за влияние на мировой арене.

Американский политолог Кеннет Уолтц в своей работе «Теория международной полити-

ки» видел значение биполярности в том, что она минимизирует неопределённость, так как число участников конфронтации в этой модели резко ограничено. Схожей точки зрения придерживается О.А. Арин, подчёркивая неумолимую последовательность в смене фаз цикла развития международных отношений: «...в XXI веке нынешний однополярный мир сменится многополярностью, которая затем трансформируется в биполярность»⁶.

Биполярность – это распределение сил между двумя государствами. Глобальная биполярность подразумевает разделение мира на сферы влияния между двумя полюсами силы, создание военно-политических блоков, иногда – строительство идеологического, религиозного, культурного барьеров.

Действительно, с точки зрения задачи сохранения и поддержания международной стабильности биполярная модель мирового устройства представляется наиболее приемлемой. Однако с точки зрения интересов России эта модель не выглядит столь привлекательной. Мультиполярная модель в наибольшей степени отвечает интересам нашего государства, хотя и усложняет несколько задачу поддержания стабильности на планете.

Именно к такой модели, модели полицентризма, в настоящее время и движется человечество, на что имеется целый ряд объективных причин. В основе современного полицентризма, идущего на смену геополитическому противостоянию Восток – Запад, лежит прежде всего распадение мира на соперничающие зоны внутренней экономической интеграции: Североамериканская зона свободной торговли (НАФТА), зона «большой китайской экономики», Европейский Союз, Российская Федерация с зоной СНГ, Япония и группа стран АСЕАН, торговый блок Южной Америки (МЕРКОСУР).

В формировании современного полицентризма участвуют не только экономические, но и другие факторы, при которых каждая глобальная зона экономики составляет свою этнокультурную общность. Разрушение биполярной модели мироустройства вызывает, вопреки ожиданиям западных аналитиков, не стремление к единому центру (полюсу), а как раз наоборот – активное возвращение к собственным цивилизационным корням. В последнее время по всему миру отчётливо проявляется тенденция к созданию геополитических ареалов, в основе которых лежит этнокультурный, цивилизационный признак.

Полицентризм становится реальностью современной мировой системы. Углубляется объединение Европы на основе Маастрихтского договора, подписанного в 1992 г., растёт влияние исламской цивилизации на основе созданной в 1997 г. «исламской восьмёрки» (D-8), происходит усиление и отдельных государств – в основном таких, которые сами по себе есть целые цивилизации или их крупнейшие представители. В первую очередь это относится к Китаю, Японии.

Растёт значение Индии. Всё серьезнее заявляет о себе Бразилия.

По мнению автора, полицентричная современная модель мироустройства в наибольшей степени соответствует интересам России. Именно складывающаяся многополярность должна определять геополитическую стратегию нашего государства. Одни политологи называют такую оптимальную стратегию России «стратегией балансирующей равноудалённости», другие – «стратегией равноприближённости», что сути дела не меняет. И та, и другая стратегии предполагают, что наилучшей политикой для России будет поддержание динамичного равновесия между основными центрами мировой силы, в отношении с которыми нам следует перейти к прагматичной, спокойной и взвешенной политике балансирования, сохраняя по возможности со всеми ровные, партнёрские отношения. При этом необходимо чётко разграничить сферы жизненно важных интересов и договориться о взаимном невмешательстве в эти сферы. Определить зоны взаимодействия по стратегическим вопросам, представляющим долгосрочный взаимный интерес.

В целом политика России должна быть нацелена на упрочение полицентричной структуры мира, на противодействие формированию однополярности, поддерживая стремление Германии, Франции, Японии и других стран освободиться из-под опеки США, стать самостоятельными полюсами влияния, контролирующими цивилизационно близкие регионы.

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что грядущая многополярность является не переходным состоянием в мировой политике, а определяющей структурной оптимой мирового порядка, основой архитектуры международной безопасности, базирующейся на геополитических законах и принципах теории геополитики. От того, насколько консолидированно, слаженно и обдуманно мировое сообщество будет использовать имеющийся у неё на вооружении потенциал развития, будет зависеть и облик нашей планеты, обеспечивающий общее и равноприемлемое для всех будущее, который у П. Дракера получил название «нового общества», у Ж. – Ф. Лиотара – «постсовременного», у Д. Габора – «зрелого».

Примечания

- ¹ См.: Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. М.: АКТ, 2006. 220 с.; Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 2009. 280 с.; Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия М.: Междунар. отношения, 1993. 66 с.
- ² См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АКТ, 2003. 603 с.; Тоффлер О. Третья волна М.: АКТ, 2004. 784 с.; Валлерстайн Э. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Издательская книга, 2001. 406 с.; Неклесса А. Проблемы и суждения: Мегатренды мирового развития // Полис. 2000. № 6. С. 6–28.

³ Бажанов Е.П. Неизбежность многополюсного мира // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 2. С. 11–16.

⁴ Най Дж. Какой новый мировой порядок? // США: экономика, политика, идеология. 1992. № 11. С. 15.

⁵ См.: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Красная звезда. 2009. 20-26 мая.

⁶ Арин О.А. Двадцать первый век: мир без России. М.: Альянс, 2001. С. 217.

УДК 94(47)+929 Струве

ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В РАБОТЕ П.Б. СТРУВЕ «РАЗМЫШЛЕНИЯ О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

В.А. Митрохин

Саратовский государственный университет
E-mail: mitrokhinva@yandex.ru

В статье рассматриваются взгляды выдающегося общественного деятеля П.Б. Струве по проблемам политической эволюции Российского государства. Частично они нашли отражение в одной из его первых работ периода эмиграции «Размышления о русской революции». Анализируются воззрения П.Б. Струве по таким актуальным вопросам, как национальное самосознание, социальная интеграция, демократизация общественной и государственной жизни.

Ключевые слова: политическая трансформация, русская эмиграция, демократизация, гражданские права, национальное самосознание.

**Problems of Political Transformation in P.B. Struve's Work
«Reflections about Russian Revolution»**

V.A. Mitrokhin

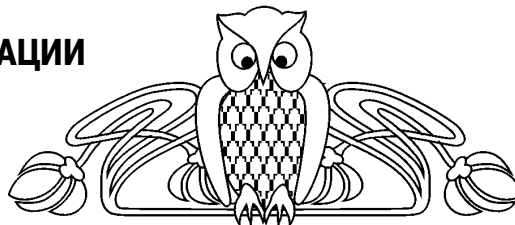
In article sights of the outstanding public figure P.B. Struve on problems of political evolution of the Russian state are considered. Partially they have found reflexion in one of his first works of the emigration period «Reflections about Russian revolution». Views on such pressing questions as national consciousness, democratisation of a public and state life are analyzed.

Key words: political transformation, Russian emigration, democratisation, civil rights, national consciousness

Драматическое завершение активной фазы гражданского противостояния в России к осени 1920 г., последовавшее вслед за этим укрепление большевистского движения в очередной раз поставили вопрос о власти: ее природе, эволюции, социальных опорах.

Одним из первых среди русской политической эмиграции попытался осмыслить этот феномен Петр Бернгардович Струве. В 1921 г. в российско-болгарском книгоиздательстве вышла в свет его книга, в которой на основе исторического, сравнительного и хронологического подходов исследовался опыт социально-политического развития российского общества на протяжении трех последних столетий¹.

Истоки трагических событий 1917 г. с точки зрения автора следует искать в глубинах рос-

сийской истории, и с этой целью он обращается первоначально к анализу общественного кризиса начала XVII в.: «В смуте XVII в. есть удивительно много черт, сходных с современными событиями: то же духовное шатание не только народных масс, но и высших классов, то же использование чужеземцами внутренней борьбы»².

Тяжелые испытания, выпавшие на долю русского народа и государства, со всей очевидностью показали сильные и слабые стороны социальной организации допетровской Руси. Так, смута продемонстрировала полную несостоятельность управленческой элиты того времени и, по мнению П.Б. Струве, стало символом «нравственного и политического крушения боярства»⁶.

С другой стороны, произошедшие события показали исключительную роль «среднего класса» и духовенства как духовной аристократии того времени в деле национальной самоорганизации: «Россию от смуты спасло национальное движение, исходившее от среднего дворянства и посадских людей, вдохновляемое духовенством, единственной в ту пору интеллигенцией страны»⁷. Однако народ, спасший страну в критический момент истории, был постепенно отстранен от участия в ее управлении, что «таило в себе величайшую опасность»⁸.

Исследуя политическую эволюцию, П.Б. Струве констатировал, что «в XVIII век Россия вошла без всякого участия общества в делах государства». Возникавшие социальные противоречия не только не разрешались, но и были усугублены культурной рознью в период петровских преобразований⁹.

Губительное усиление поляризации общества осознавалось лучшими представителями отечественной аристократии. К таковым относился князь Дмитрий Михайлович Голицын, по мнению П.Б. Струве «первый деятель сознательного русского конституционализма»¹¹.

Д.М. Голицын занимал позиции обеспечения прав человека, его личной и имущественной неприкосновенности, а также отстаивал идею более энергичного привлечения народа к государственному строительству. В постепенном распространении этих начал, с точки зрения князя, и заклю-

³ Бажанов Е.П. Неизбежность многополюсного мира // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 2. С. 11–16.

⁴ Най Дж. Какой новый мировой порядок? // США: экономика, политика, идеология. 1992. № 11. С. 15.

⁵ См.: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Красная звезда. 2009. 20-26 мая.

⁶ Арин О.А. Двадцать первый век: мир без России. М.: Альянс, 2001. С. 217.

УДК 94(47)+929 Струве

ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В РАБОТЕ П.Б. СТРУВЕ «РАЗМЫШЛЕНИЯ О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

В.А. Митрохин

Саратовский государственный университет
E-mail: mitrokhinva@yandex.ru

В статье рассматриваются взгляды выдающегося общественного деятеля П.Б. Струве по проблемам политической эволюции Российского государства. Частично они нашли отражение в одной из его первых работ периода эмиграции «Размышления о русской революции». Анализируются воззрения П.Б. Струве по таким актуальным вопросам, как национальное самосознание, социальная интеграция, демократизация общественной и государственной жизни.

Ключевые слова: политическая трансформация, русская эмиграция, демократизация, гражданские права, национальное самосознание.

**Problems of Political Transformation in P.B. Struve's Work
«Reflections about Russian Revolution»**

V.A. Mitrokhin

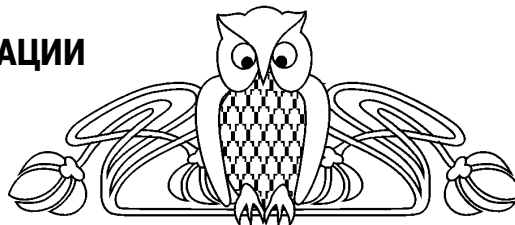
In article sights of the outstanding public figure P.B. Struve on problems of political evolution of the Russian state are considered. Partially they have found reflexion in one of his first works of the emigration period «Reflections about Russian revolution». Views on such pressing questions as national consciousness, democratisation of a public and state life are analyzed.

Key words: political transformation, Russian emigration, democratisation, civil rights, national consciousness

Драматическое завершение активной фазы гражданского противостояния в России к осени 1920 г., последовавшее вслед за этим укрепление большевистского движения в очередной раз поставили вопрос о власти: ее природе, эволюции, социальных опорах.

Одним из первых среди русской политической эмиграции попытался осмыслить этот феномен Петр Бернгардович Струве. В 1921 г. в российско-болгарском книгоиздательстве вышла в свет его книга, в которой на основе исторического, сравнительного и хронологического подходов исследовался опыт социально-политического развития российского общества на протяжении трех последних столетий¹.

Истоки трагических событий 1917 г. с точки зрения автора следует искать в глубинах рос-

сийской истории, и с этой целью он обращается первоначально к анализу общественного кризиса начала XVII в.: «В смуте XVII в. есть удивительно много черт, сходных с современными событиями: то же духовное шатание не только народных масс, но и высших классов, то же использование чужеземцами внутренней борьбы»².

Тяжелые испытания, выпавшие на долю русского народа и государства, со всей очевидностью показали сильные и слабые стороны социальной организации допетровской Руси. Так, смута продемонстрировала полную несостоятельность управленческой элиты того времени и, по мнению П.Б. Струве, стало символом «нравственного и политического крушения боярства»⁶.

С другой стороны, произошедшие события показали исключительную роль «среднего класса» и духовенства как духовной аристократии того времени в деле национальной самоорганизации: «Россию от смуты спасло национальное движение, исходившее от среднего дворянства и посадских людей, вдохновляемое духовенством, единственной в ту пору интеллигенцией страны»⁷. Однако народ, спасший страну в критический момент истории, был постепенно отстранен от участия в ее управлении, что «таило в себе величайшую опасность»⁸.

Исследуя политическую эволюцию, П.Б. Струве констатировал, что «в XVIII век Россия вошла без всякого участия общества в делах государства». Возникавшие социальные противоречия не только не разрешались, но и были усугублены культурной рознью в период петровских преобразований⁹.

Губительное усиление поляризации общества осознавалось лучшими представителями отечественной аристократии. К таковым относился князь Дмитрий Михайлович Голицын, по мнению П.Б. Струве «первый деятель сознательного русского конституционализма»¹¹.

Д.М. Голицын занимал позиции обеспечения прав человека, его личной и имущественной неприкосновенности, а также отстаивал идею более энергичного привлечения народа к государственному строительству. В постепенном распространении этих начал, с точки зрения князя, и заклю-

чалась гарантия мирного и здорового развития будущей государственности. Именно идеи князя Голицына, по убеждению Петра Струве, нашли отражение в «Кондициях» 1730 г., ставших «первым шагом к опубликованию целой Конституции Российской Империи»¹². Однако «великий поворотный пункт русской истории» не вывел страну на путь конституционного развития.

После 1730 г. узел крепостного права затягивался еще туже и это, по мнению П.Б. Струве, явилось своеобразным «возмещением» дворянству со стороны высшей власти за отказ от политических прав.

Неудавшаяся попытка политических преобразований имела далеко идущие последствия, сказавшиеся на политической истории России в XIX–XX веках. Одно из них – растущее недоверие («извращенное отношение», по мысли Струве) к государству со стороны образованного класса, вылившееся в конечном итоге в откровенную вражду к этому общественному институту.

К моменту политических сдвигов начала XX в., произошедших уже под давлением общественного протеста, «между образованным классом и государством лежала длинная историческая полоса взаимной отчужденности, тем более роковая, что за это время образованный класс изменил уже свой состав и свою природу»¹⁴.

К этому времени интеллигенция как составная часть русского образованного класса, по мнению П.Б. Струве, с одной стороны, пребывала под воздействием европейского социализма (в том числе радикальных его течений), с другой – «идеализировала нард, которого не знала»¹⁵.

Еще одним печальным итогом несостоявшейся политической реформы XVIII в. стало полное отстранение народа от участия в государственном управлении. Именно в этом кроется причина катастрофического характера русской революции: «Народ, общество не были в надлежащей постепенности привлечены к активному и ответственному участию в государственной жизни и государственной власти»¹⁶.

Следует отметить, что на это обстоятельство обращали внимание многие русские эмигранты, исследовавшие истоки очередной «русской смуты». На политическую безграмотность и отстраненность от власти населения указывал в своем труде А. Волин¹⁷.

В.Л. Горн в работе «Республика или монархия?» также отмечал, что «невключенность» русского народа в политический процесс, непонимание смысла происходящего во власти во многом предопределили кризис 1917 года. «Мужик остался без политического навыка и представлял собой крайне малосознательную среду, – писал он. – Демократия, как политическая система, не рождается внезапно, она медленно и постепенно возрастает вместе с культурным ростом народа»¹⁹.

На принципиальную важность включения народа «во власть» и развитие демократического

управления указывал в своих воспоминаниях Василий Маклаков²¹.

Несмотря на существующие общественные противоречия, по мнению П.Б. Струве, у России был шанс обрести политическую свободу в начале XX века. Связано это с событиями первой русской революции, радикально изменившей политический ландшафт страны. Правда, для достижения общественной гармонии было необходимо выполнение ряда условий всеми участниками непростого политического процесса.

От власти требовалось «искренне и бесповоротно встать на почву тех конституционных принципов, которые она провозгласила»²². Другое важнейшее условие было адресовано интеллигенции, оппонировавшей существующему порядку. Необходимо было воздержаться от революционизирования общества. «Сейчас для всякого ясно, что единственно разумным с исторической точки зрения образом действия была величайшая сдержанность»²³.

Петр Струве считал, что после введения народного представительства и провозглашения гражданских свобод опасность свободному развитию страны исходила не столько от монархии, сколько от радикально настроенных элементов общественности, готовых продолжить революционную борьбу с властью любыми способами. Эту особенность развития России не сумели уловить кадеты, оказывавшие серьезное влияние на политическую ситуацию в стране. Результатом исторического заблуждения явилась революция, которая, по убеждению П.Б. Струве, была «антипатриотична, противонациональна и противогосударственна»²⁵.

Помимо политической близорукости кадетов Струве указывал еще на ряд факторов, способствовавших национальной катастрофе 1917 года. Среди них – общественное мнение, сложившееся при решающем влиянии интеллигенции и направленного против собственной государственности. «Мы слишком безоглядно критиковали и порочили перед иностранцами свою страну. Мы более чем недостаточно бережно относились к ее достоинству, ее историческому прошлому»¹⁸.

Свою лепту в разрушение российской государственности внесли «западные демократические элементы». Их «исконная враждебность», по мнению Петра Струве, была направлена не столько против царизма, сколько против исторической России как «Великой Державы»¹⁹.

Еще одним фактором, предопределившим крушение императорской России, стал «недостаток национального сознания». «Мы жили так долго под щитом крепчайшей государственности, – пишет Струве, – что перестали чувствовать и эту государственность, и нашу ответственность за нее»²⁰.

В работе неоднократно подчеркивается деструктивная роль российской интеллигенции в духовной и организационной подготовке ре-

волюции, в разрушении национального духа. С точки зрения автора это «единственный в мировой истории случай забвения национальной идеи, мозгом нации»²¹.

В рассмотрении феномена российской революции П.Б. Струве также отмечал грамотное использование большевиками комбинаций из двух могущественных тенденций: первая – стремление отдельно взятого индивида при минимальных затратах получать возможно больше, вторая – стремление массовым коллективным действиям осуществить этот результат. Вслед за Лафаргом П.Б. Струве определяет социально-политическим ориентиром такого движения «право на лень».

Экскурс в политическую историю России венчается в работе определением насущных задач для всего российского соообщества. Важнейшая из них – «восстановление государства через возрождение национального сознания»²². Реализация столь внушительного проекта требует внимательного отношения к урокам истории – «нельзя гнаться за восстановлением того, что оказалось несостоятельным перед лицом самой жизни»²³. В этом смысле Будущая Россия должна быть обустроена на новых современных началах.

Вместе с тем сохраняет свою актуальность лозунг «старая мощь». Поэтому «можно и должно трепетно любить добытое кровью и жертвами многих поколений могущество Державы российской»²⁴.

Книга П.Б. Струве – яркий пример вдумчивого профессионального анализа российских историко-политических процессов. Многие идеи, обозначенные в работе, получили дальнейшее развитие в его разносторонней общественной и научной деятельности²⁵, но уже в «Размышлениях о русской революции» они носят характер личностного и в связи с этим неизбежно субъективного восприятия. П.Б. Струве не скрывает своей причастности к событиям, имевшим далеко идущие последствия для российской государственности, не пытается дистанцироваться от интеллигенции, сыгравшей сомнительную роль на переломном этапе российской истории. В значительной степени это обусловлено уникальным практическим политическим опытом автора.

Ряд выводов и положений, представленных в книге Струве, дискуссионны, а зачастую носят парадоксальный характер (например, сравнительный анализ русской и французской революций).

Дальнейшая эволюция Российского государства показала, насколько значимы проблемы, поставленные П.Б. Струве в начале 20-х гг. XX века. Важнейшие из них – социально-политическая гармонизация и формирование «среднего» клас-

са, роль и ответственность элит (властвующей и оппозиционной), влияние культурных факторов в политике.

Их учет в ходе государственного строительства жизненно необходим для успешного функционирования общественного организма. Как показала последующая практика, их игнорирование, либо недооценка властью неизбежно приводят к кризису.

Примечание

- 1 См.: *Струве П.Б.* Размышления о русской революции. София, 1921.
- 2 Там же. С. 21.
- 3 Там же. С. 24.
- 4 Там же. С. 23.
- 5 Там же. С. 24–25.
- 6 Там же.
- 7 Там же.
- 8 Там же.
- 9 Там же. С. 27.
- 10 Там же.
- 11 Там же. С. 36.
- 12 См.: *Волин А.* Молодая Россия. Конец русского погрома. Берлин, 1926. С.39, 50.
- 13 *Горн В.Л.* Республика или монархия (Опыт прогноза). Берлин, 1925. С.15–16.
- 14 См.: *Маклаков В.А.* Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954. С.389–390.
- 15 *Струве П.Б.* Указ. соч. С. 30.
- 16 Там же. С. 30.
- 17 Там же. С.31.
- 18 Там же. С.6.
- 19 Там же. С.7. Следует отметить, что ряд оценок влияния Запада на политические процессы в России, представленных как в данной работе, так позже и в публикациях газет «Возрождение», «Россия и славянство», явно не согласуются с устоявшимися в западной историографии представлениями о Струве как «западнике». См.: *Пайнс Р.* Струве: правый либерал, 1905–1944. М., 2001. Т.2.
- 20 Там же. С.17.
- 21 Там же.
- 22 Там же.
- 23 Там же. С. 34.
- 24 Там же.
- 25 На протяжении ряда лет П.Б. Струве редактировал популярные эмигрантские издания, вел разноплановую работу по объединению российского зарубежья. Невозможными следствиями этого являлась нескончаемая полемика с политическими противниками, дальнейшее уточнение мировоззренческих и политических позиций.

Слово молодым политологам

УДК 323.3

ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А.В. Кучеров

Саратовский государственный университет
E-mail: alekskuchеров@mail.ru

В данной статье исследуются различные аспекты политической идентичности военнослужащих, отраженные в научных исследованиях в постсоветской России. На основе анализа существенного пласта литературы выявлены наиболее кризисные явления во взаимоотношениях армии и общества, рассмотрены их различные оценки, имеющиеся в научных исследованиях, обозначены важнейшие аспекты проблем политической идентичности военнослужащих, требующие дальнейшего изучения.

Ключевые слова: политическая идентичность военнослужащих, факторы политической идентификации военнослужащих, «силовики» как субъекты политики, публичная политика.

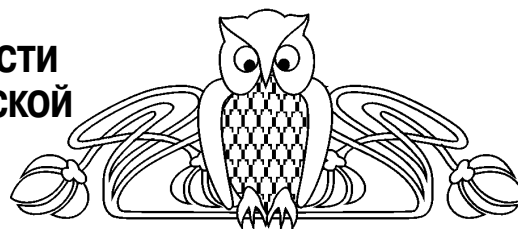
Problems of Servicemen Political Identity in Modern Russian Social Literature

A.V. Kuchеров

In this article different aspects of servicemen political identity described in the researches made in the post-Soviet Russia are investigated. Having analyzed a considerable amount of works the author found out the most crucial phenomena in the relationships between the army and society, considered different estimation of these phenomena by researches, and determined the most important aspects of servicemen political identity problem, which need further studying.

Key words: servicemen political identity, factors of servicemen political identity, «powermen» as subjects of politics, participation in politics.

Одной из важнейших проблем постсоветского периода развития российского общества является кризис идентичности. По мнению немецкого исследователя В. Хесле, «сущностью кризиса коллективной идентичности являются: распад коллективной памяти, утрата веры в будущее, несоответствие представлений культуры о самой себе и ее восприятием другими культурами, чувство неполноценности перед другой культурой»². На наш взгляд, особенно опасным для стабильности политической системы и всего общества является кризис идентичности такой специфической социальной группы, как военнослужащие. Разрушение традиционного статуса военнослужащих в обществе, изменение его восприятия другими социальными группами, ухудшение уровня жизни, постоянное реформи-

рование армии, отсутствие стабильности привели к существенному изменению политической идентификации и самоидентификации представителей Вооруженных сил РФ.

При этом значимость политического ресурса силовых структур, на наш взгляд, намного превышает их статистические показатели. Обусловлено это тем, что его количественные и качественные характеристики включают не только собственно кадровый ресурс «силовиков» (численность личного состава, семей кадровых «силовиков», военных пенсионеров и др.), но и ресурс представительства «силовиков» в различных органах государственной власти и в бизнесе. Важную роль играет также наличие у «силовиков» мощного культурно-образовательного комплекса (прежде всего, своей системы профессионального образования), с помощью которого возможно внедрять в сознание отдельных групп граждан определённые политические установки и воспроизводить в обществе культурные ценности корпоративного характера³.

В целом, по самым скромным подсчетам, вместе с семьями военные и отставники, работники оборонного комплекса и правоохранительных органов составляют 15–20 млн чел.⁴, т.е. примерно 20% от общей численности всех граждан, наделённых избирательными правами. Таким образом, проблема политической идентичности российских военнослужащих и всех представителей «силового» сегмента российского общества представляется весьма актуальной и социально значимой.

Не случайно, что различные аспекты данной темы вызывают интерес российских исследователей. К сожалению, изучение данной темы отягощено идеологическим и политическим фактором, доминирующим в позиции многих исследователей. Особенно заметно, на наш взгляд, его воздействие в рамках либерального спектра.

Например, в материалах круглого стола, в рамках дискуссии в ходе заседания фонда «Либеральная миссия», главным предметом обсуждения участников стало не реформирование армии, а проблемы «российского милитаризма» не только с материально-вещественных и политических позиций, но и как особая система представлений, взглядов и ценностей, прочно укоренившихся в сознании россиян. Сам термин

«милитаризм» изначально выдает заданный ракурс обсуждения, суть которого заключается не просто в критике, но и в осуждении российской армии. Поэтому участники обсуждения не просто рассматривают исторические предпосылки формирования феномена российского милитаризма, особенности функционирования ВПК на разных этапах развития страны, но акцент делают на вопросах «отягощения милитаристским синдромом управленческих решений», на специфике «милитаристского сознания» в современном российском обществе и т.д.⁵

В качестве типичного представителя либерально ориентированных исследователей российской армии можно выделить Л. Гудкова⁶, который утверждает, что определяющим моментом в характере самолегитимации современной власти «является мотив “угроза врага”, остаточный рефлекс милитаристского, мобилизационного и закрытого тоталитарного общества». По мнению автора, функциональный императив «государственной безопасности» стал усиливаться и проявляться в ситуации, когда внешняя обстановка в мире для страны была на редкость благополучной и мирной⁷. Армия в глазах коммунистических вождей представляла собой модель оптимального общественного устройства, причем модель организации универсального применения, простой и всем понятный образец целевого массового управления, основанного на жесткой иерархии, централизованном репрессивном контроле, монополии средств принуждения, слабой функциональной дифференциации, дисциплине, на подавлении индивидуальной автономии и свобод, отсутствии информационного разнообразия⁸.

Л. Гудков утверждает, что «армия как государственная организация насилия воплощала в себе основные ценности советского общества и связанные с ними механизмы коллективной идентичности»¹⁰. Отсюда, по его мнению, вытекает принципиальное различие в идентификации членов общества: «если современные западные общества формировались в процессах институционализации таких ценностей, как индивидуальная автономия (частная собственность, неприкосновенность прав человека), гетерогенность убеждений и верований, свобода, толерантность, и соответственно конституционного утверждения социальных механизмов, необходимых для репрезентации и защиты подобных значений и образцов действия (в виде рынка, парламента, многопартийности, независимого суда), то советское общество, изначально строилось как глубоко консервативное, охранительное, не допускающее ценностного разнообразия и имманентных инноваций, идущих от частного и автономного субъекта»¹¹.

На наш взгляд, такая политизированная оценка места и роли армии в российском обществе не имеет ничего общего с объективностью и конструктивностью. Безоглядная ориентирован-

ность на западные стандарты и критерии, с одной стороны, не имеет ничего общего с конкретно-историческими обстоятельствами, которые обуславливали особую роль армии в России на протяжении столетий. С другой стороны, заимствованные стандарты не позволяют провести реформирование силовых структур, адекватное не только современным задачам обеспечения внутренней и внешней безопасности страны, но и специфическим социокультурным условиям полиэтничной и поликонфессиональной России.

В.В. Серебрянников утверждает, что большинство людей питает отвращение к войне, даже боится ее. По его мнению, до трех четвертей специально подготовленных солдат во время боя действуют безотчетно и бессмысленно, подвержены страху, панике и бегству, а дезертирство – массовое явление, особенно военных кампаний XX века. Автор считает, что как устойчивый призыв, побуждение, воинственность складывается в условиях войн и военной деятельности через систематическое повторение военно-агрессивных действий, воспитание и пропаганду воинственных идей и нравов, через «культуру войны». В XX в. десятки народов испытывали колебание от воинственности к миролюбию и затем снова к воинственности. Несомненно, полная демилитаризация находится за доступным временным горизонтом, вместе с тем решение проблем на этом пути видится как исключительно коллективное дело мирового сообщества, которому все более способствуют развитие мировых связей, коммуникаций, средств массовой информации, а также процесс глобализации¹². Как представляется, война в Ираке и Афганистане, непрекращающиеся военные конфликты в самых различных точках земного шара, нарастание производства и постоянное технологическое совершенствование вооружений дают мало оснований для таких оптимистических прогнозов.

Имеются и более мягкие «либеральные» трактовки взаимоотношений армии и общества в современной России. Например, А. Левинсон, рассматривая изменение социализирующей роли армии в последние десятилетия в России, констатирует стремление армии к сохранению давления на общество через удобные ей трактовки понятия «сильное государство»¹³. Автор исследует роль демографической ситуации как фактора повышения ценности жизни каждого человека в переменах в отношении к армии как институту и обосновывает необходимость перехода от доминирования в обществе концепции мужской силы «как агрессии» к концепции мужской силы «как способности контролировать себя и обстоятельства».

Отдельно можно выделить исследования Н.Ю. Даниловой, посвященные различным аспектам взаимодействия армии, государства и общества. В своей монографии¹⁴ автор рассматривает классические и современные взгляды в этой области, выявляет основные проблемы форми-

рования сбалансированных гражданско-военных отношений, оценивает различные механизмы осуществления гражданского контроля за армией и другими силовыми структурами, анализирует реформирование военного профессионализма и реагирования институтов гражданского общества на изменения в политике безопасности и обороны. Для нашей темы особый интерес представляет статья Н.Ю. Даниловой, в которой проводится анализ типов «мужественности» разных социально-профессиональных категорий военнослужащих¹⁵. В качестве теоретической рамки использованы концепции Р. Коннела о множестве форм выражения мужественности и концепция военного профессионализма С. Хантингтона. Цель – представить разнообразие типов мужественности военнослужащих, проанализировать ресурсы и «конфигурации социальных практик», представляющие тот или иной тип мужественности. Эмпирическую базу для анализа составили автобиографические литературные произведения участников современных войн. Тексты участников современных войн разбиваются на три группы в зависимости от статуса автора текста: тексты «срочников» – солдат срочной службы; тексты «пиджаков» – лейтенантов, призванных в армию после окончания института; тексты профессионалов – кадровых военнослужащих.

Отдельно Н.Ю. Данилова рассматривает соотношение категорий инвалидности и мужественности. С одной стороны, автор реконструирует, как участники боевых действий представляют себе карьеру инвалида-мужчины, не имея опыта инвалидности. С другой – рассматривает, как в реальности изменяются жизненные стратегии инвалидов-мужчин, вынужденных подтвердить свою принадлежность к миру «гегемонной мужественности». Исследование построено на основе качественного анализа материалов биографических интервью с инвалидами войны в Афганистане, текстов биографических и художественных произведений военнослужащих и инвалидов войны¹⁶.

Указанные публикации автора, равно как и другие¹⁷, имеют важное значение для исследования нашей темы, так как помогают выработать и применить методику анализа механизмов идентификации и специфическую идентичность военнослужащих как особой социальной группы.

Важную роль играют также исследования особенностей образа современной российской армии в массовом сознании граждан России¹⁸. Авторы констатируют, что усиления государственных органов, направленные на формирование положительного имиджа российской армии, носят разрозненный характер и наличие стереотипизации и мифологизации в восприятии облика армии массовым сознанием. Ряд исследователей утверждают, что образ Вооруженных сил в современных условиях становится одной из главных мишеней психологической борьбы и обосновывают необ-

ходимость целенаправленного и эффективного формирования имиджа ВС РФ. Например, в работах Д.Г. Давыдова¹⁹ имидж Вооруженных сил России в молодежной среде рассматривается как особый объект социально-психологического воздействия. Для нашего исследования особенно важным является то обстоятельство, что автор изучает проблему корпоративного имиджа армии, социально-психологические характеристики молодежи как субъекта имиджа, особенности имиджа Вооруженных сил России в обыденном сознании молодежи во взаимосвязи с идентичностью молодежи и ее установками на военную службу.

Формирование неадекватного отношения представителей подрастающего поколения к службе в армии, как важнейшая социальная проблема, также занимает важное место в исследованиях различных авторов²⁰.

По мнению большинства авторов, уже в 1990-е гг. наблюдается напряженность ситуации с подготовкой призывников к военной службе, ухудшение качественных характеристик молодого пополнения армии и флота. Военная служба перестает пониматься молодыми людьми как долг перед Родиной. Среди причин потери престижа военной службы отмечается деструктивная позиция СМИ, социально-экономические проблемы военнослужащих, девальвации в обществе господствовавших ранее ценностей²¹. С.С. Соловьев, исследуя социальные последствия потери военнослужащими привычного для них высокого материального статуса (рост инфляции в начале 1990-х гг. опережал индексацию денежного довольствия на 3–4 месяца), отмечал, что у российского общества была вполне реальная угроза потерять армию и стать заложником политической ситуации в стране²².

Некоторые исследователи видели выход в установлении контроля со стороны общества и политических институтов над Вооруженными силами и силовыми структурами. По мнению В.М. Анисимова, контроль над военными структурами должен включать институциональный контроль, осуществляемый парламентом и правительством, специальный контроль, осуществляемый специальными вневедомственными федеральными органами, собственно социальный контроль, субъектами которого могут выступать различные организации и структуры гражданского общества²³.

В целом, говоря о месте армии в жизни общества в 1990-е гг., исследователи отмечали противоречивую ситуацию: с одной стороны, армия занимала первое место по уровню доверия граждан в сравнении с другими институтами общества, а с другой – до 80% призывников не желали служить²⁵.

В.В. Серебрянников, проведя сравнительный анализ представлений о проблемах войны и армии в массовом сознании разных стран мира, констатировал повсеместный рост пацифизма

в этот период²⁶. По данным автора, имел место более низкий уровень доверия к армии в России по сравнению с соответствующими показателями в США и в целом по странам НАТО.

По мнению Р.П. Климентьева, среди социально значимых параметров прохождения обязательной военной службы, по сути, единственно привлекательным для молодежи является возможность бесплатного обучения в армии профессии, нужной на «гражданке». Подобные намерения использовать время нахождения на действительной службе исключительно для развития личных возможностей – свидетельство узости ее социального диапазона в глазах большинства призывников²⁷.

В. Шевцов обращает внимание на возрастание среди юношей призывного возраста числа «отказников» и лиц, уклоняющихся от прохождения военной службы²⁸. Автор провел по данной проблеме два социологических исследования среди школьников Тюмени, а также студентов пяти тюменских вузов в период прохождения ими учебно-полевых сборов. Полученные данные были сопоставлены с результатами подобного опроса в 1984 году. Сравнение показало, что за 20 лет в 3,4 раза сократилось число школьников, и в 46 раз – студентов, проявляющих готовность к добровольному прохождению военной службы. Автор отмечает, что основными трудностями армейской службы школьники и студенты считают «неуставные отношения», а также большие физические и нервные нагрузки.

Проблема «дедовщины» занимает особое место в исследованиях проблем взаимоотношений общества и армии²⁹. По мнению А.Ю. Солнышкова, «дедовщина» как социальный феномен содержит в себе два начала: личностное (присутствие в воинских подразделениях индивидов с признаками доминирующей дефицитарной личности) и организационно-управленческое (удобный для части офицерства стиль управления воинским коллективом через «порученцев-дедов»). Исходя из данного постулата, автор выделяет основные факторы, статистически характеризующие «дедовщину» и обосновывает необходимость опережающего моделирования этого одиозного неформального социального процесса³⁰.

С.В. Тарасов обращается к социальной группе, представленной солдатами срочной службы, для выявления того, как связаны внешние черты и стереотипы поведения людей с установками и нормами жизни, доминирующими в армейской социокультурной среде³¹. Важнейшим фактором, определяющим специфику идентификации военнослужащих и мотивацию их поведения, по мнению автора, выступает высокий темп социально-психологических изменений, обусловленный быстротой смены «поколений» военнослужащих. В то же время автор подчеркивает, что армия – одна из немногих сфер, где в современном обществе можно наблюдать символ и ритуал в жесткой взаимосвязи с социальным контекстом.

Немногие работы посвящены анализу проблем, непосредственно или косвенно касающихся отдельных аспектов политической идентификации военнослужащих.

Диссертация Ю.В. Гуськова посвящена анализу места и роли армии в системе взаимоотношений государственных структур и институтов гражданского общества в современной России³². В монографии А.А. Бабанова рассмотрены взаимосвязи политической власти и силовых институтов государства, а также различные модели их взаимодействия в странах с различными типами политических режимов³³. В.И. Самойлов проанализировал изменение политической идентичности военнослужащих в контексте изменения функциональности современной российской армии³⁴. И.Г. Мосягин раскрывает особенности политической идентичности военнослужащих-контрактников[□]. В статье Р.Ю. Полякова рассматриваются проблемы казарменного поведения курсантов военных вузов, основные причины их возникновения в курсантской среде[□]. В.В. Бондалетов предпринял попытку исследовать степень интереса военнослужащих к деятельности общественных объединений, а также определить их готовность одобрить или даже поддержать возможные протестные акции в защиту своих прав и интересов. Согласно данным автора, 97,5% опрошенных не доверяют никаким из существующих общественных объединений, 84,2% положительно относятся к идее создания в их воинской части профобъединения. Наибольшую их обеспокоенность вызывают низкий уровень денежного довольствия, отсутствие собственного жилья, слабая социально-правовая защищенность. Тем не менее, автор констатирует, что недовольство службой в армейской среде проявляется в основном пассивно и очень редко, лишь в крайних случаях перерастает в открытые протестные действия[□].

В целом проведенный анализ позволяет сделать следующий вывод: несмотря на то, что в обществоведческой литературе проблемам роли силовых структур в российском обществе посвящено достаточно большое количество работ, специфика политической идентичности военнослужащих исследована недостаточно. В первую очередь это касается изучения факторов, определивших эволюцию политической самоидентификации представителей силовых структур. Недостаточно рассмотрено воздействие последствий реформирования Вооруженных сил в современной России на политическую идентификацию военнослужащих и членов их семей. Мало внимания уделено специфике политической идентичности и соответствующей политической ресурсности работников оборонно-промышленного комплекса.

Анализ данных проблем позволит с научных позиций оценить перспективы и направленность политического участия военнослужащих и всех, кто в той или иной степени имеет схожие с ними идентификационные признаки.

Примечания

- 1 Хесле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности. // Вопросы философии. 1994. № 10. С. 121.
- 2 См.: Сулов Ю.П., Петров Д.Е. Политическая ресурсность силовых структур и военная реформа 2008–2012 гг. в современной России // Политические проблемы современного общества. Саратов, 2009. Вып. 10.
- 3 См.: Мухин В. Равнение – на избирательные урны (Армия может решить исход выборов в России) // Независимое военное обозрение. 2008. 17 авг.
- 4 Круглый стол «Российский милитаризм – препятствие модернизации» // Общественные науки и современность. 2006. № 3. С. 55–66.
- 5 Гудков Л. Массовая идентичность и институциональное насилие // Вестник общественного мнения. 2003. № 1 (67). С. 28–44; № 2 (68). С. 35–51; URL: <http://politconcept.sfedu.ru/2009.2/09.pdf>. С. 157–208. (дата обращения: 02.09.2009).
- 6 Там же. С. 183.
- 7 Там же. С. 194.
- 8 Там же.
- 9 Там же. С. 194–195.
- 10 См.: Серебрянников В.В. От воинственности к миролюбию // Социс. 2002. № 5. С. 81–88.
- 11 См.: Левинсон А. Армия как институт социализации // Общественные науки и современность. 2004. № 4. С. 63–70.
- 12 См.: Данилова Н.Ю. Армии и общество: принципы взаимодействия. СПб., 2007
- 13 См.: Данилова Н.Ю. Срочники, пиджаки, профессионалы: разные мужественности участников постсоветских войн // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. VIII, № 2 (31). С. 110–126.
- 14 См.: Данилова Н.Ю. Трансформация мужественности в проективной и реальной карьере инвалида войны // Гендерные исследования. 2001. С. 259–271.
- 15 См.: Данилова Н.Ю. Конструирование военного синдрома: «вьетнамский» и «афганский» синдром // Мир и война: культурные контексты социальной агрессии. Под ред. И.О. Ермаченко, Л.П. Репиной. М., 2005. С. 231–248.
- 16 См.: Новик В.К., Передня Д.Г. Имидж современной российской армии глазами молодежи // Социс. 2006. № 11. С. 101–107.
- 17 См.: Давыдов Д.Г. Социально-психологические особенности имиджа Вооруженных Сил России в молодежной среде: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2005; Он же. Имидж Вооружённых сил России: от психологических исследований к политическим решениям // Политический маркетинг. 2005. № 2; Он же. Сущность и психологическая структура имиджа Вооруженных Сил России // Имиджелогия-2005: феноменология, теория, практика: Материалы междунар. симп. М., 2005. С. 264–265; Давыдов Д., Грабовский И. Имидж Российской армии и мотивация молодежи на прохождение военной службы // Российское военное обозрение. 2006. № 11–12. С. 66–70.
- 18 См.: Смирнов А.И. Факторы формирования доверия к Российской армии // Социс. 2009. № 12. С. 100–108.
- 19 См.: Бурда С.М. Престиж военной службы // Социс. 1999. № 2. С. 63–69; Кокошин А.А. Армия и политика. М., 1995; Куликов А.Н. Моделирование социальных процессов в вооруженных силах // Социс. 1996. № 9. С. 25–29; Певень Л.В. Готовность к военной службе: проблема формирования оборонного сознания российской молодежи // Социс. 1997. № 5. С. 21–26; Соловьев С.С. Трансформация ценностей военной службы // Социс. 1996. № 9. С. 17–25.
- 20 См.: Соловьев С.С. Российские офицеры – опора государственности или источник нестабильности (размышления по поводу динамики уровня жизни семей офицеров) // Социс. 1997. № 5. С. 26–34.
- 21 См.: Анисимов В.М. Гражданский контроль за военными структурами // Полис. 1995. № 4.
- 22 См.: Серебрянников В.В. Армия в общественно-политических взаимодействиях // Социс. 1996. № 4. С. 67–74.
- 23 См.: Серебрянников В.В. Массовое сознание: проблемы войны и армии // Социс. 1999. № 8. С. 39–45.
- 24 См.: Климентьев Р.П. Призыв на военную службу // Социс. 2000. № 10. С. 72–76.
- 25 Шевцов В.В. Отношение школьников и студентов к военной службе // Социс. 2006. № 6. С. 111–113.
- 26 См.: Солнышков А.Ю. Искажения в понимании армейской дедовщины, их причины и практические следствия // Социс. 2009. № 12. С. 108–116.
- 27 См.: Солнышков А.Ю. Социальные причины армейской «дедовщины» // Социс. 2007. № 4. С. 108–114.
- 28 См.: Тарасов С.В. Срочная служба: вопросы адаптации // Социс. 1999. № 2. С. 75–78.
- 29 См.: Гуськов Ю.В. Армия в системе отношений государства и гражданского общества: Дис.... д-ра полит. наук. М., 2005. 301 с.
- 30 См.: Бабанов А.А. Силовые структуры в системе политической власти правового государства (на примере армии и правоохранительных органов). Волгоград, 2004. 184 с.
- 31 См.: Самойлов В.И. Реформирование военной организации российского общества: функциональный подход // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. 2006. № 1. С. 3–23.
- 32 См.: Мосягин И.Г. Отношение контрактников к проблемам и перспективам службы // Социс. 2007. № 9. С. 145–147.
- 33 См.: Поляков Р.Ю. Казарменная субкультура курсантов // Социс. 2009. № 12. С. 117–120.
- 34 См.: Бондалетов В.В. Социально-протестная активность военнослужащих // Социс. 2006. № 11. С. 98–100.

УДК 329 (470)

КАСПИЙСКИЕ ЭНЕРГОРЕСУРСЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ МЯТЕЖНЫХ ТЕРРИТОРИЙ КАВКАЗА НА ЭТАПАХ ПОСТ-КОММУНИЗМА

Р.Н. Никеров

Ульяновский государственный университет
E-mail: armagomedov@gmail.com

Эта статья объясняет процесс вовлечения региональных интересов и мятежных территорий Кавказа в евразийскую войну трубопроводов, развернувшуюся в XXI в. в контексте борьбы за каспийские энергоресурсы. Такое рассмотрение проблемы позволит нам приблизиться к лучшему пониманию подоплёки августовской войны 2008 г. в Южной Осетии и основных стимулов её участников.

Ключевые слова: каспийская нефть, 5-дневная война, август 2008г., мятежные территории Кавказа, региональные интересы.

Caspian Hydrocarbons and Regional Interests of Caucasian Separatist Territories on the Post-Communist Period

R.N. Nikerov

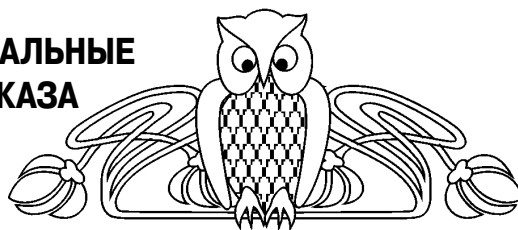
This paper explain the five-day war in South Ossetia erupted when the rivalry had reached a high point. The oil and transit factors have altered the stimuli and behavior of key political figures in South Ossetia and Abkhazia. The upsurge in the political importance of the local level of Caspian policies resulted in local centers of power, diplomatic fragments, and imitations along the functioning oil pipelines and transportation routes.

Key words: caspian hydrocarbons, the five-day war in South Ossetia, the Transcaucasian oil-and gas pipelines, regional interests

Югоосетинская война и нефтяные трассы Закавказья: удар по каспийскому энергетическому бизнесу

Одним из факторов пятидневной войны августа 2008 г. в Южной Осетии справедливо называется контроль над нефте-и газопроводами в Закавказье. Предметом особого интереса во время конфликта со стороны Грузии, Запада и международных информагентств была целостность нефтепровода Баку–Тбилиси–Джейхан (БТД). Грузия дважды заявляла, что нефтепровод повреждён. Россия дважды – молниеносно – опровергала эти заявления.

Версия о нефтепроводной подоплёке войны в Южной Осетии прозвучала в первые же дни конфликта и стала важной темой информационной войны. Одной из самых запоминающихся сцен, которые показывали ведущие мировые телеканалы с места трагедии, были горящие вагоны с нефтью компании «Azpetrol». Каспийский нефтяной бизнес моментально среагировал на военные действия. Так, сразу после начала военных действий оператор нефтепровода Баку–Тбилиси–Джейхан

British Petroleum (BP) объявила о приостановке транспортировки нефти по данному маршруту. Одновременно с этим приостановлена прокачка нефти по менее мощному трубопроводу Баку–Супса. Замерли нефтяные терминалы Потти, Батуми и Кулеви.

Здесь необходимо дать краткую справку о нефтепроводах БТД и Баку–Супса, и их стратегическом значении в борьбе за влияние на Каспии.

Нефтепровод Баку–Тбилиси–Джейхан – трубопроводная система для транспортировки каспийской нефти к турецкому порту Джейхан на берегу Средиземного моря. Протяжённость нефтяного маршрута 1773 км. Трасса проходит по территории трёх стран – Азербайджана (449 км), Грузии (235 км), Турции (1059 км).

В конце сентября 2002 г. международный консорциум во главе с British Petroleum (BP) объявил о символическом начале работ по строительству новой нефтяной трассы. В феврале–марте 2003 г. началась прокладка этого маршрута. Торжественное открытие нефтепровода состоялось 25 мая 2005 г., первая прокачка нефти – в июле 2006 г. Потенциал нового нефтепровода включает в себя транспортировку 50 млн. тонн нефти в год. В итоге он связал азербайджанские нефтяные месторождения Азери, Чираг и Гюнешли (АЧГ) с турецким нефтяным портом Джейхан на Средиземном море.

Владельцем нефтепровода является международный консорциум BPC Co, куда входят: British Petroleum (BP) – 30,1%; Государственная нефтяная компания Азербайджана (ГНКАР) – 25%; Unocal – 8,9%; Statoil – 8,7%; ТРАО – 6,5%; ENI – 5%; Itochu – 3,4%; ConocoPhillips – 2,5%; Inpex – 2,5%; Total – 5%; Amerada Hess – 2,4%.

Нефтепровод Баку–Супса протяжённостью 830 км был построен в 1999г. для экспорта «ранней» каспийской нефти с азербайджанских месторождений Азери–Чираг–Гюнешли (АЧГ). Трубопровод выходит к грузинскому порту Супса, откуда нефть перевозится танкерами по Чёрному морю. Пропускная способность сооружения – до 600 тыс. т в месяц. Нефтепровод имел сугубо локальное значение в силу своей маломощности и вспомогательного значения. Поэтому его ввод в эксплуатацию не сопровождался громким международным резонансом, как это случилось с проектом БТД.

Строительство нефтепровода Баку–Тбилиси–Джейхан, проложенного по закавказским предгорьям и сейсмоопасному анатолийскому

плато, стало инженерным подвигом. Но в ещё большей степени это стало геополитическим триумфом коллективного Запада, своеобразной фигой, показанной Москве, поскольку Запад и Турция совместно с двумя бывшими советскими республиками – Азербайджаном и Грузией – построили трубопроводную систему в обход России. С геополитической точки зрения, основная цель строительства нефтепровода заключалась в создании независимого от России пути транспортировки нефти из Азербайджана (а в перспективе из Казахстана) на мировые рынки.

На символической закладке нефтепровода присутствовали президенты Азербайджана, Грузии и Турции, а также один из бывших министров энергетики США Спенсер Абрахам. По словам последнего, нефтепровод БТД является «важной частью нефтяной стратегии Америки, разработанной под руководством вице-президента США Р. Чейни». Этот нефтепровод являлся стержнем американской политики на Каспии начиная с 1994 г. Весьма примечательно, что участники проекта БТД не скрывали его антироссийской и антииранской направленности, заявляя, что он важен прежде всего со стратегической точки зрения.

Можно определённо утверждать, что нефтепровод БТД – это не просто техническое сооружение по перевалке углеводородов. Это геополитический плацдарм, который Западу удалось вырвать у России в годы правления «раннего» Путина. Насколько чувствительными оказались нефтяные трассы Закавказья к внешнему воздействию, показали события 5-дневной войны в Южной Осетии.

Зафиксировав данные факты, вернёмся к событиям грузино-осетинского конфликта. Итак, с 5 на 6 августа была остановлена прокачка нефти по трубопроводу БТД. Причиной стал крупный пожар в районе компрессорной станции в посёлке Рэфахия в провинции Эрзинджан в восточной Турции. По свежим следам событий появились две версии произошедшего: технические неполадки и террористический акт (курдские сепаратисты). 9 августа появилась информация, что Рабочая партия Курдистана взяла на себя ответственность за взрыв на трубопроводе БТД. Сообщалось, что она пригрозила новыми акциями против «турецких нефтяных объектов» под предлогом того, что нападения на экономические ресурсы Турции сдерживают «войны по уничтожению курдского народа»¹. (далее будет показано, насколько схожая мотивация была использована абхазскими политиками в переговорах с ведущими мировыми энергетическими компаниями по поводу перспектив строительства трубопроводов по территории побеждённой ими Грузии в 1990-е гг.).

В появившихся затем многочисленных обзорах и аналитических материалах на эту тему стали преобладать экономические оценки. Вопросы о

том, сколько стоила Азербайджану или British Petroleum вынужденная остановка нефтепровода Баку–Тбилиси–Джейхан (БТД), сколько миллионов тонн нефти недосчитался рынок и потребители и т.п., рассматривались чаще остальных.

Однако экономические аспекты конфликта, выраженные в подсчётах потерь и убытков, оставляли в стороне геополитический эффект происходящих событий. Мало кто из аналитиков пытался ответить на вопрос о том, просматриваются ли через цифры экономических потерь участников каспийского нефтяного бизнеса геополитические интересы сторон. И если да, то в чём они заключаются. Надо сказать, что геополитический аспект войны обозначился не менее угрожающе и заявил о себе в виде декларации полномочного представителя Южной Осетии в Москве Дмитрия Медоева. Суть заявления, который изложила на своих страницах газеты «Коммерсантъ Власть» 11 августа 2008 г., заключается в том, что жители республики поднимутся на борьбу с врагом и объединятся в партизанские отряды, одним из направлений деятельности которых будет рельсовая война. «И мы тогда посмотрим, как Грузия будет отвечать, например, за свои обязательства по транзиту нефти по своей территории», – закончил полномочный представитель в своей декларации. Данное заявление прозвучало как геополитическая угроза. Это сразу напомнило горящие цистерны компании «Azpetrol» на путях к черноморским терминалам Грузии. Указанные страхи дополнялись упомянутыми выше сообщениями грузинского МИД 9 августа о бомбардировке нефтепровода БТД российской авиацией.

Любопытно, но точно такая же лексика, какую использовал полномочный представитель Южной Осетии Дмитрий Медоев, преобладала и в грузино-абхазских взаимоотношениях. Причём из уст такого же полномочного представителя, но абхазского. Что-то подобное уже было в 1990-е годы.

Неизбежные аналогии: родословная локальных энергетических войн на постсоветском Кавказе

Таков энергокоммуникационный аспект вышеописанных событий, позволяющих рассматривать данную войну как углеводородную. Однако это не вся истина. Энергетический и транзитный вопрос в отношениях Тбилиси с её мятежными окраинами имеет длинную родословную в недолгой истории грузинской независимости. Эта проблема уходит своими корнями в середину 1990-х гг. – период военных поражений и политического унижения Грузии. Наверное, мало кто об этом знает, но в событиях, связанных с грузино-абхазской войной, также отчётливо присутствовал военно-транзитный и углеводородный аспекты.

Абхазский и чеченский энергетические казусы 1990-х годов

Итак, в середине 1990-х гг. грузинская государственность оказалась в тяжелейшем кризисе после военного поражения в Абхазии. Возможно, кому-то трудно это представить, но в качестве орудия постконфликтной дипломатии абхазские политики использовали энергокоммуникационный фактор для закрепления своих позиций в регионе. Средством такой дипломатии в руках абхазской политической элиты стало обращение к ведущим мировым нефтяным компаниям, вовлеченным в проекты строительства нефтепровода Баку–Супса, не вкладывать инвестиции в грузинские трубопроводные проекты. Письма были адресованы, в частности, председателю Совета директоров корпорации «Шеврон» Кеннету Дерру, Президенту этой компании Ричарду Мацке, руководителям концернов «McConnell Dowell Constructors», «Marubeni», «Deutsche Morgan Grenfell/C.J.» и др. Аргументы абхазской стороны, изложенные полномочным представителем этой республики в США Иналом Казаном – высокие политические риски в регионе, где угроза новой войны между Абхазией и Грузией может обернуться очередной военной катастрофой для последней. При этом абхазы в своих обращениях предупреждали, что в условиях тлеющего конфликта с Грузией они оставляют за собой право «на полное разрушение нефтепроводной инфраструктуры в Грузии». В частности, в письме на имя Тренора Моргана, исполнительного директора строительной компании «McConnell Dowell Constructors», от 20 февраля 1998 г. говорится: «В настоящее время Абхазия имеет силы, готовые осуществить планы по полному разрушению любых усилий по строительству нефтепровода через грузинскую территорию, поскольку доходы от транзита нефти могут быть использованы противной стороной в будущих войнах с Абхазией. В свою очередь, в качестве более безопасной альтернативы грузинскому проекту, представители Абхазии в 1998 г. предлагали собственный вариант строительства нефтепровода через свою территорию – вдоль черноморского побережья».²

Приведенные послания, написанные в самый разгар нефтепроводной интриги в Каспийско-Черноморском мезоареале (январь 1996 – апрель 1998 гг.), можно рассматривать как часть абхазской дипломатии по оказанию давления в обоих направлениях – на Грузию и западных инвесторов. Однако абхазцы не осуществили свои угрозы, хотя для такого рода военного сценария были все основания. Грузинские порты Поти, Кулеви и Супса с их нефтяными терминалами находятся на расстоянии артиллерийского выстрела с территории Абхазии. Их уязвимость дополнительно возрастает от того, что они плотно расположены на отрезке

примерно в 25 километров – хорошая мишень в случае войны.

Ещё одна уместная аналогия, но уже из российской практики. Как и в независимой Грузии, схожая ситуация сложилась в ельцинской России в 1990-е гг. в результате первой войны в Чечне. Бесславный финал первой ичкерийской кампании и дальнейшее ослабление российского влияния на Кавказе после подписания хасавюртовских соглашений привели к рождению такого экстравагантного проекта, как идея «Кавказского общего рынка», предложенного Х.-А. Нухаевым. На словах данный проект рассматривался в качестве «механизма региональной интеграции, который способен принести мир и стабильность на Кавказе». Несущей конструкцией данной идеи был объявлен транспортный коридор «Север – Юг», связывающий Россию, Кавказ и Иран и выступающий в качестве дополнения популярного в своё время проекта «Запад – Восток» (ТРАСЕКА). По сути же дела России, как проигравшей стороне в первой чеченской войне, предлагалось своими руками создать Северокавказскую свободную экономическую зону вокруг Чечни с привязкой к ней всех энергетических и транспортных проектов. Как и в ситуации с Абхазией, в случае непринятия чеченского ультиматума авторы этой идеи выдвигали угрозы в адрес «северного» маршрута движения каспийской нефти по нефтепроводу Баку – Новороссийск.³ В целом тональность продвижения обоих проектов – раннеабхазского и позднеичкерийского – была исполненная в стиле военно-дипломатического шантажа.

Как видно из сказанного, энергетические и транзитные войны на Кавказе по посткоммунистическим меркам имеют богатую традицию. Однако, несмотря на очевидные аналогии, различен контекст описываемых событий: раннеабхазского и позднеичкерийского, с одной стороны, и югоосетинского – с другой. Если истоки раннеабхазского и позднеичкерийского казусов были связаны со слабостью и дезинтеграцией России и Грузии в 1990-е гг., то нынешний югоосетинский казус, напротив, связан с национальным ростом и подъёмом России и Грузии. К тому же, в отличие от южноосетинского образца 2008г., абхазский и чеченский казусы 1990-х гг. стали элементом не военной фазы конфликта, а частью постконфликтного военного ультиматума победивших провинций в адрес центральных правительств и западных нефтяных компаний. На уровне публичной политики эти проекты представляли собой, говоря словами Вадима Цымбурского, «местные центры силы, дипломатические фрагменты и имитации».

Таким образом, рассмотрение природы политического соперничества за ресурсы в начале

XXI века, включающее в себя региональный и локальный уровни геополитических интересов, дало нам больше, чем банальная констатация того, что за спиной воюющих сторон стояли геополитические интересы США и России. Как писал итальянский обозреватель Лучио Карраччиоло в статье «Урок Путина Вашингтону», «грузинская война имеет не только колоссальный региональный эффект, но и помогает переписать глобальное равновесие, которое, как казалось, закрепилось в конце прошлого века»⁴.

Августовская война в Грузии подтвердила старую истину о том, что пути торговли становятся путями войны. Основные причины интернационализации югоосетинских событий лежат в сфере геополитического противоборства, которое развернулось после 11 сентября 2001 г. Именно поэтому, в отличие от Абхазии и Чечни 1990-х гг., локальный югоосетинский конфликт 2008 г. с первых своих минут приобрёл глобальное значение.

После 11 сентября 2001 г. мир стал свидетелем нового явления—энергетических войн и борьбы за природные ресурсы. В международных отношениях началась полоса «ресурсного накопления» и «ресурсного национализма», когда приобретение углеводородного месторождения или маршрута стало напрямую переводиться в геополитический рост государства. Все понятия: национальные интересы и эгоизмы, силовой фактор и прагматизм будут превалировать над надеждами и иллюзиями «демократического транзита».

На эти годы приходится наиболее острая фаза информационной войны между Россией и коллективным Западом, достигшая своего пика в дни августовского конфликта 2008 г. в Грузии. «Путинская демонстрация тестостерона» подпитывалась (помимо долларовых сверхдоходов «нефтяного десятилетия») желанием двинуть воспоминания об унижении последних двадцати лет, а также конфузом от неудавшегося сближения с Западом на почве борьбы с «международным терроризмом».

Недовольство по поводу несостоявшегося партнёрства с Западом быстро переросло в подозрительность. Параллельно с этим в западных СМИ в отношении России и лично Путина нарастал презрительный и осуждающий тон. Работу западных журналистов и экспертно-аналитических центров, за редким исключением, отличала антироссийская мотивация. Путинскую эру характеризовали как время непрерывного насилия и растущего авторитаризма, в течение которого Путин на протяжении восьми лет своего президентства целенаправленно разжигал антизападные настроения с выгодой для себя. «На Путина, возносимого к вершинам власти призраками старого строя, была возложена миссия вернуть то, что было похищено «космополитическими оппортунистами», — писал французский публицист Марк

Дюген в статье «Владимир Путин, современный империалист»⁵. Даже сегодня непримиримые критики Кремля ассоциируют Владимира Путина с самыми мстительными и тёмными чертами русского характера.

Таков макрополитический контекст противоборства за каспийские энергетические и транзитные активы. Так что энерготранспортная гонка в зоне Большого Каспия проходила в рамках новообретённой конфронтации между Россией и Западом.

Выводы

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы.

1. Транспортные проекты связаны с мощными геополитическими манифестациями и целенаправленным. Транспортные коммуникации (железные дороги, нефте-и газопроводы, судоходные каналы) представляют собой не только способ освоения географического пространства или упрочения границ. Это одновременно и фактор властного геополитического механизма. По мнению российского философа Сергея Королёва, дорога может стать стержнем (сердцевиной) пространства власти, каналом властных импульсов⁶. В зависимости от ситуации она может стать локальной или региональной машиной власти, инструментом мобилизации политических ресурсов и политического капитала. Подобно тому, как бизнес стремится к развитию, власть постоянно стремится к пространственной экспансии. Пути потенциальных экспортных нефтепроводов, больше чем что-либо другое, будет определять порядок выстраивания геополитических интересов.

2. В этом месте необходимо закрепить ещё одно важное методологическое допущение. Большинство международных дискуссий о нефтяной и транзитной политике в Каспийском регионе фокусированы на макроуровне процесса: моделях международных отношений и альянсов, которые формируются правительствами как часть своих каспийских стратегий.

Подобные подходы, конечно, важны, но они ведут к преувеличению роли национальных государств, преследующих очевидные и прямые цели. Такие, как защита национальной безопасности или поддержка национально-государственного ресурсного потенциала. В то же время любая энергетическая или транзитная политика так или иначе оказывается локальной. Особенно та, что связана с нефтепроводами, которые строятся и эксплуатируются по географически специфическим территориям. В этом отношении энергетические корпорации, где бы они ни располагались—от Эквадора до Сахалина, от Судана до Курдистана, и от Нигерии до Каспия—находятся в сложных взаимоотношениях с отдалёнными и непонятными локальными образованиями.

Такая постановка проблемы делает возможным адресовать региональную политику через нефтяную призму и адресовать нефтяные проблемы через региональные призмы.

Примечания

¹ *Атаев Т.* Грузино-осетинский конфликт на фоне битвы гигантов за трубопроводы [Электронный ресурс]. URL: // www.islam.ru/pressclub/analitika/isunerus/ (дата обращения: 27.02.2010).

² Mission of Abkhazia [Электронный ресурс]. URL: <http://www.abkhazia.com> (дата обращения: 27.02.2010).

³ «Российские вести». 1998. 20 февр.

⁴ *Caracciolo L.* La Lezione di Putin alla Casa Bianca // *La Repubblica*. 2008. 18 aug.

⁵ *Dugain M.* Vladimir Poutine, un imperialiste moderne // *Le Point*. 2008. № 1888. 20 nov.

⁶ *Королёв С.* Поглощение пространства. Геополитическая утопия как жанр исторического действия // *Дружба народов*. Независимый лит.-худ. и обществ.-полит. журн. 1997. № 12.